

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАРОДНОГО ХОЗЯЙСТВА
И ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЛУЖБЫ
ПРИ ПРЕЗИДЕНТЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
АЛТАЙСКИЙ ФИЛИАЛ

1917 ГОД В ИСТОРИИ РОССИИ

*Материалы регионального научного симпозиума
с международным участием
(Барнаул, 18 октября 2017 г.)*

Барнаул – 2017

ББК 63.3(2)5
Т 936

Т 936 1917 год в истории России: материалы регионального научного симпозиума с международным участием (Барнаул, 18 октября 2017 г.) – Барнаул: АЗБУКА, 2017. – 104 с.

ISBN 978-5-93957-918-6

ББК 63.3(2)5

ISBN 978-5-93957-918-6

© Алтайский филиал РАНХиГС, 2017

Содержание

Введение	4
Приветственное слово участникам симпозиума	5
Приветственное обращение к участникам симпозиума	6
<i>П.А. Афанасьев</i>	
Процесс установления советской власти в Алтайской губернии (конец 1917 – начало 1918 г.)	9
<i>Ю.М. Гончаров</i>	
Судьбы российской буржуазии в российских революциях начала XX в. .	19
<i>Д.С. Дегтярев</i>	
Алтай в 1917 году: мечты сбываются	23
<i>В.А. Должиков</i>	
Корниловская альтернатива в контексте революционной «трифуркации» 1917 года.....	28
<i>И.А. Ерёмин</i>	
Государственный переворот в феврале 1917 г. как результат предательства правящей элиты: уроки истории.....	40
<i>В.Н. Ильин</i>	
1905-1917гг.: «золотой век» русского старообрядчества	55
<i>Т.В. Кайгородова, С.В. Цыб</i>	
Календарная реформа советской власти	60
<i>О.Г. Климова</i>	
Судьбы предпринимателей Сибири после 1917 г. в новейшей отечественной историографии	69
<i>В.Н. Разгон</i>	
Предпосылки и причины российской революции 1917 года: основные подходы к изучению в современной историографии	76
<i>Н.Д. Ростов</i>	
1917 год – исторический выбор России: злой рок или закономерность? ..	83
<i>С.А. Усольцев</i>	
1917 год: церковь в революции и революция в церкви	91
<i>Ю.Г. Чернышов</i>	
Утопическая идеология и революция: что нового принес Октябрь 1917 г.?	96
<i>К.-К. Tschäpe, K. Schlögel</i>	
(Frankfurt/Oder, Bundesrepublik Deutschland) „Weiße Juden“ und „jüdische Bolschewisten“	102

Введение

Любые знаменательные события прошлого, достигающие вековых рубежей своего исторического бытования, привлекают пристальное внимание общества и, конечно же, внимание профессиональных историков. Этот вывод особенно справедлив для революционных событий 1917 г.; при всех существующих сейчас различиях в их политической и социально-экономической оценке всеобщим является мнение о том, что эти события принципиальным образом изменили течение российской истории.

Именно поэтому в Алтайском филиале Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ появилась и реализовалась идея о проведении научного регионального (с международным участием) симпозиума «1917 год в истории России». Симпозиум состоялся 18 октября 2017 г. на площадке Алтайского филиала РАНХиГС (г. Барнаул). Избранный формат научного собрания не предполагал большого числа участников, обсуждения широкого круга вопросов, разделения на секции и принятия итоговых решений. Главная задача симпозиума заключалась в обмене ученых оригинальной информацией о событиях 1917 г. и в сопоставлении ее научных оценок с целью приближения к формированию объективного мнения о причинах, характере и последствиях революционных потрясений. Непосредственное участие в работе симпозиума приняли ведущие ученые-историки г. Барнаула: доктора исторических наук Ю.М. Гончаров, В.А. Должиков, И.А. Еремин, Н.Д. Ростов, Ю.Г. Чернышов, кандидаты исторических наук П.А. Афанасьев, Д.С. Дегтярев, В.Н. Ильин, О.Г. Климова, С.А. Усольцев. Другая группа специалистов участвовала в обсуждении проблем 1917 г. заочно, среди них – наши коллеги из Европейского университета Виадрина (г. Франкфурт-на-Одере, Федеративная Республика Германии). Активными организаторами и слушателями научного форума были студенты Алтайского филиала РАНХиГС. Во время работы симпозиума сотрудники КГКУ Государственный архив Алтайского края провели презентацию выставки документов из фондов архива под названием «Алтай в 1917 году».

Настоящее издание публикует материалы симпозиума «1917 год в истории России». Оно рассчитано на историков-специалистов, любителей истории, краеведов, студентов, школьников и всех, кто интересуется историей нашей страны.

*Д.и.н., профессор С.В. Цыб,
Алтайский филиал ФГБОУ ВО «Российская академия
народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации»*

Приветственное слово участникам симпозиума

Вопросы исторического развития нашей страны всегда были одним из основных направлений воспитания и обучения молодых людей в стенах Академии народного хозяйства и государственной службы. В наше время историческая наука становится одним из важнейших учебных предметов и одновременно – общественных факторов, формирующих не только профессиональные навыки будущих специалистов в области управления, экономики, психологии и юриспруденции, но и патриотическое сознание современных россиян.

Для всех тех, кто интересуется историей нашей Родины, революционные события 1917 г. всегда были и остаются объектом самого пристального внимания. Изучение бурных и трагических происшествий этого года началось буквально сразу же после их свершения и продолжается до сих пор. Однако среди ученых и сейчас еще нет единства в их оценке и характеристике. Каждая новая попытка проникновения в суть исторических событий 1917 г. имеет возможность открыть новые обстоятельства и детали и, следовательно, приближает нас к познанию истинной исторической правды.

Желаю всем участникам симпозиума успехов в обсуждении исторических проблем, в возможности найти «точки соприкосновения» своих выводов с мнением других специалистов и, наконец, в стремлении приблизиться к истинной реконструкции реальной истории 1917 г.

*Директор Алтайского филиала ФГБОУ ВО «Российская академия
народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации
д.псх.н., профессор И.А. Панарин*

Приветственное обращение к участникам симпозиума (выступление на пленарном заседании симпозиума 18 октября 2017 г.)

Чем дальше вглубь веков уходят события, положившие начало становлению и развитию столицы нашего края – города Барнаула, нашего региона, тем интереснее сегодня воспринимается все, что связано с тем далеким и во многом загадочным для нас временем. Ведь каждый день, каждый час, прожитый сегодня, завтра будет уже историей.

В 2017 г. отмечалось 80-летие Алтайского края, 287-летие города Барнаула, 252-летие Государственного архива Алтайского края, при этом самое первое упоминание об архивных документах, сформированных на Алтае, относится к 14 ноября 1747 г., когда генерал-майор А.В. Беэр, первый начальник Колывано-Воскресенских заводов и руководитель Канцелярии, дал указание о «надлежащем» хранении документов. Произошло это 270 лет тому назад. Таким образом, одновременно с образованием и развитием краевой столицы рос и расширялся Государственный архив Алтайского края, практически «ни дня не отступая», он бережно увековечивал документальные факты разных исторических эпох.

Роль в общественном сознании современной России национальной памяти, запечатленной в документах Архивного фонда Российской Федерации и собственно российских архивов, очень значима и велика. Наличие в архивных органах уникального по количеству и качеству информации документального потенциала открывает широкие возможности для научного познания прошлого.

Анализируя происходящие сегодня политические, социально-экономические события, понимаешь, как свойственно человеку очень быстро забывать про вчерашний день. Нельзя изучать мировую историю, историю страны, малой Родины, своей семьи без использования архивных документов, следовательно, требуется их скрупулезное рассмотрение.

Государственный архив Алтайского края всегда пополнялся документами, отражающими материальную и духовную жизнь населения края, имеющими историческое, научное, социальное, экономическое, политическое и культурное значение, являющимися неотъемлемой частью историко-культурного наследия населения Алтайского края и составной частью наследия всей страны в целом.

В данное время в Государственном архиве находится на хранении более 2,5 млн дел, из них более 70% составляет управленческая документация, которая будет храниться вечно, т.е. в течение нескольких тысячелетий. Благодаря данным документальным источникам, поступивших в архив от федеральных, государственных органов власти, учреждений образования, культуры и здравоохранения, общественных и политических организаций, появляется возможность из поколения в поколение передавать историю развития края, воссоздавать его культурную жизнь, социальную и

экономическую обстановку, понять, какие ставились задачи и как они решались, какие проблемы беспокоили граждан и т.д.

В архивных органах хранятся фонды разных периодов истории, а именно: фонды учреждений, предприятий досоветского, советского периодов, учреждений, организаций современной России, фонды личного происхождения, аудиовизуальные и электронные документы, документы по личному составу.

В течение нескольких лет руководством нашего государства отмечается, что общество лишь тогда способно ставить и решать масштабные национальные задачи, когда у него есть общая система нравственных ориентиров, когда в стране хранят уважение к памяти своих предков, к каждой странице нашей отечественной истории, что становится гарантией достойной жизни граждан в будущем. И архивные органы являются частью механизма по выполнению данных гарантий.

Степень востребованности архивных документов очень велика, например, архивными органами России исполняется в среднем 5 млн обращений граждан в год. Благодаря выставочной деятельности в научный оборот вводятся новые документы, возникают совместные проекты с учеными, учреждениями образования и культуры, выходят в свет издания, меняется отношение к недавним событиям XX в.

Среди экскурсантов документальных выставок присутствуют студенты и преподаватели вузов, будущие архивариусы и документоведы, ветераны войны и труда, сотрудники правоохранительных и административных органов, представители творческой интеллигенции и средств массовой информации, учащиеся школ, лицеев и колледжей, учителя и краеведы, работники государственных и частных музеев, представители Барнаульской епархии, гости города и края, жители ближнего и дальнего зарубежья.

Рассказывая о документах той или иной экспозиции, архивисты не упускают возможности подчеркнуть, насколько велика значимость самого главного исторического источника – документа, и как важно не только сохранить его, но и грамотно использовать в наше время, когда больше всего ценится оперативная и точная информация.

В целях расширения доступности специалистами архива ведется большая работа по оцифровке архивных документов и созданию электронных баз данных. Бесспорно, проведение лекций, экскурсий, информирование граждан об архивных документах, их демонстрация на выставках, в сети Интернет оказывает большее влияние на сознание современного жителя России, на формирование его патриотических чувств и правильного понимания им истории своей Родины.

Какие бы многочисленные реформы, преобразования ни происходили в жизни общества, для архивных органов задачи остаются прежними: собрать, сберечь и донести до любого гражданина все богатство, заложенное

в документальных источниках, потому что каждый архивный документ, независимо от даты его создания, имеет важное значение.

Таким образом, обеспечивая вечное хранение и разностороннее использование документов Архивного фонда России, архивный орган любого уровня – это документальная память о событиях и фактах жизни общества и судьбе граждан.

К истории нужно относиться очень бережно и уважительно и, кроме того, надо уметь ценить настоящее, сегодняшний день (мирное небо, развитие городов, строительство новых общеобразовательных кластеров, учреждений здравоохранения и культуры и т.д.). И повторяю, ведь каждый день, каждый час, прожитый сегодня, завтра будет уже историей. Приглашаем ознакомиться с сайтом КГКУ ГААК и посетить действующие выставки всех желающих.

Мероприятие, проведенное сегодня, также войдет в историю. Нужно понимать, что мы сами своими деяниями формируем историю и закладываем будущее, зерна нравственного воспитания для своих потомков.

Страницы истории многолики, и мы видим, какой тяжелый след оставили революционные события 1917 г. 1917 год – сложный жестокий переломный период в истории нашего государства. Трудно было представить, что через 100 лет мы будем иметь практическую возможность пересмотреть историю заново под разными ракурсами, предоставить возможность гражданам проанализировать архивные документы и сделать свои новые определенные выводы. Сегодня мы предлагаем всем участникам симпозиума выставку архивных документов «Алтай в 1917 году», рассказывающую о буднях горожан того времени, о происходивших тогда политических событиях в городе Барнауле и др.

В заключение хотела бы пожелать: познавайте, изучайте и открывайте для себя новые знания! Успехов вам и всего самого доброго!

*Директор КГКУ «Государственный архив
Алтайского края»
О.В. Трясунова*

П.А. Афанасьев
*ФГБОУ ВО «Алтайский государственный
педагогический университет»*
(Барнаул, Россия)

Процесс установления советской власти в Алтайской губернии (конец 1917 – начало 1918 г.)*

Установление советской власти в России после октябрьских событий 1917 г. в Петрограде стало важнейшим итогом развития революционного процесса. Явившись ответом на политические события в стране, взятие власти Советами оказалось напрямую связано с деятельностью большевиков по ее захвату. Поэтому переход к советской власти положил конец демократическим формам общественно-политической жизни, развивавшимся в стране с марта 1917 г. Характеризуя установление советской власти в регионах страны, историки долгое время использовали определение В.И. Ленина «триумфальное шествие советской власти», подчеркивая неизбежный и прогрессивный характер этого процесса. Именно в таком ключе установление советской власти в Алтайской губернии было предметом внимания обобщающих работ по периоду революции и Гражданской войны. Историки, описав в основных чертах политический процесс, рассматривали его как поступательное движение к советской власти и единоличному влиянию большевиков. Сложной политической борьбе, сопровождавшей советизацию губернской власти, должного внимания не уделялось [Борьба за власть, 1957, с. 83–155; Шелестов, 1959, с. 40–56]. Даже в региональной историографии последних десятилетий сложно найти работы, рассматривающие установление советской власти в Алтайской губернии на более широкой, чем ранее, источниковой базе и учитывающие все многообразие и сложность общественно-политического развития региона на рубеже 1917–1918 гг. [Кокоулин, 2013, с. 60–82]. Поэтому в данной публикации предпринимается попытка рассмотреть события, раскрывающие неоднозначный ход процесса установления советской власти в Алтайской губернии, начиная от усиления влияния большевиков в барнаульском Совете с сентября 1917 г. до официального провозглашения власти Советов на территории всей губернии в феврале 1918 г. Учитывая очень низкую обеспеченность этого промежутка времени сохранившимися документами, основным источником можно назвать прессу. Она представлена

* Публикация подготовлена при совместной финансовой поддержке РФФИ и Министерства образования и науки Алтайского края в рамках реализации проекта «Историческое развитие Алтая в контексте общегосударственных и региональных процессов XVIII – начала XXI в.» (грант № 17-11-22006).

алтайскими газетами разных политических направлений («Голос труда», «Сибиряк-крестьянин», «Дело Алтая» и др.), что позволяет посмотреть на процесс советизации губернской власти как с позиции ее главных движителей – большевиков, так и их политических оппонентов.

Создание Советов на Алтае началось в первые дни революции параллельно с новыми органами власти и самоуправления. В отличие от них, Советы рассматривались как выборные структуры по защите классовых интересов отдельных групп трудового населения (крестьян, рабочих и солдат). В Барнауле организация Совета рабочих депутатов завершилась 8 марта 1917 г., тогда же солдатами гарнизона был избран Совет солдатских депутатов. В апреле два барнаульских Совета объединились [Борьба за власть, 1957, с. 33, 47; Шелестов, 1959, с. 24]. В сельской местности создание Советов крестьянских депутатов началось с конца весны 1917 г. Первые волостные Советы создавались солдатами, направленными в села для учета хлеба. К середине июля 1917 г. в Алтайской губернии было не менее 15 волостных Советов крестьянских депутатов [Иванцова, 1990, с. 53–54]. Создание волостных и сельских Советов активизировалось осенью 1917 г. под руководством возвращавшихся домой солдат-фронтовиков [Иванцова, 1990, с. 57].

Губернское звено Советов сложилось летом 1917 г. 16 июля на I съезде Советов рабочих и солдатских депутатов Алтайской губернии постоянным органом было избрано губернское бюро Советов. В это же время, 16–17 июля, в Барнауле состоялось совещание представителей Советов крестьянских депутатов, на котором был создан губернский Исполнительный комитет Совета. Совет крестьянских депутатов сохранял самостоятельность, лишь по общим вопросам контактируя с Советом рабочих и солдатских депутатов [Борьба за власть, 1957, с. 57]. Полной властью Советы на Алтае не обладали. Как и по всей стране, на Алтае Советы рабочих существовали обособленно от Советов крестьян, а сама вертикаль Советов, в отличие от структур самоуправления, характеризовалась хаотичностью созыва и представительства.

По партийному составу Советы состояли преимущественно из эсеров и меньшевиков. Организация волостных Советов крестьян летом 1917 г. осуществлялась эсеровскими активистами. Губернский исполком совета крестьянских депутатов также возглавили эсеры. Во главе губернского бюро Совета рабочих и солдатских депутатов встали меньшевики. На губерньских съездах в июле 1917 г. оба совета в резолюциях заявляли о взаимодействии всех сил революционной демократии (советы, партии, местное самоуправление), но с различным центром их сплочения. Съезд крестьянских советов выступал за центральную роль советов, а резолюция Съезда советов рабочих поддерживала Временное правительство [Кокоулин, 2013, с. 42, 52; Съезды, 1992, с. 32].

Неудачное выступление генерала Л.Г. Корнилова в конце августа 1917 г. с целью восстановления «твердой власти» и установления диктатуры привело к дискредитации Временного правительства. Защитниками революционной демократии выступили Советы. Вновь стало актуальным требование передачи власти Советам, которое выдвигали большевики. По стране в Советах усиливаются позиции большевиков, но эта большевизация охватила преимущественно городские Советы рабочих и солдат. Рабочие и профсоюзы Барнаула на митингах высказывались против Временного правительства и за передачу власти «согласно соотношению сил в стране» [Шелестов, 1959, с. 34].

Важнейшую роль в намечившемся изменении организации губернской власти сыграло заседание барнаульского Совета рабочих и солдатских депутатов, состоявшееся 1 сентября 1917 г. Ключевым его решением стало предложенное по инициативе меньшевиков и эсеров создание губернского Комитета спасения революции. При обсуждении его полномочий «в результате горячих прений» новая структура была признана «исполнительным органом Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов» [Голос труда, 1917, 5 сентября]. Но уже 2 сентября Комитет сложил с себя власть, передав ее первоисточнику – Совету. Поэтому 3 сентября барнаульский Совет обсудил вопрос «о конструировании новой власти», признав в итоге, что «вся власть должна принадлежать совету рабочих, солдатских и крестьянских депутатов». Не вполне согласный с таким решением председатель Совета меньшевик В.И. Шемелев покинул свой пост, и председателем барнаульского Совета рабочих и солдатских депутатов был избран большевик М.К. Цаплин, получивший поддержку 46 голосов при 2 голосах против и одном воздержавшемся [Голос труда, 1917, 5 сентября].

Барнаульский Совет принял меры к расширению масштабов своей деятельности. 5 сентября 1917 г. он постановил, что до выборов губернских органов советов на губернском Съезде Советов руководство всеми советами губернии переходит к так называемому распорядительному бюро. Во главе его также встал М.К. Цаплин. В барнаульском Совете большевики возглавили и его отделы [Борьба за власть, 1957, с. 93]. В течение первой декады сентября 1917 г. произошла большевизация барнаульского Совета рабочих и солдатских депутатов.

По инициативе распорядительного бюро барнаульский Совет начал подготовку ко II губернскому съезду Советов рабочих и солдатских депутатов, назначенному на 17 сентября. Главным вопросом повестки была заявлена «организация губернской власти» [Голос труда, 1917, 10 сентября]. Съезд состоялся 18–20 сентября 1917 г. в присутствии 23 делегатов от 5 городских Советов Алтая, Исполкома Совета крестьянских депутатов и представителей партий большевиков, меньшевиков и эсеров. Съезд сформировал Губернский исполнительный комитет Советов рабочих депутатов

и по предложению В.И. Шемелева принял резолюцию, высказывавшуюся за передачу власти Советам рабочих, солдатских и крестьянских депутатов [Борьба трудящихся, 1957, с. 60, 63]. Хотя ее затем поддержали городские Советы Алтая, работа губернского съезда показала, что большевизация коснулась только барнаульского и частично бийского Советов, а в остальных городах губернии в Советах по-прежнему преобладали эсеры. К тому же большевизированные барнаульский Совет и его Губисполком не распространяли влияние и власть на Советы крестьянских депутатов – большинства населения Алтая. Для большего влияния барнаульского Совета в октябре по инициативе большевиков состоялась его реорганизация и довыборы. Это еще больше усилило позиции большевиков в барнаульском Совете.

Накал борьбы усилился после получения известий о событиях в Петрограде 24–25 октября, в ходе которых было свергнуто Временное правительство, и II Всероссийский съезд советов рабочих и солдатских депутатов, руководимый большевиками, объявил о переходе власти к Советам. Большинство сил умеренной демократической общественности Алтайской губернии осудили действия большевиков в Петрограде как захват и узурпацию центральной власти в обход Учредительного собрания. Еще накануне этих событий на состоявшемся в Барнауле 22–23 октября совещании по вопросу «о борьбе с анархией» представитель барнаульского Совета рабочих и солдатских депутатов заявил, что в случае перехода центральной власти в руки Советов «барнаульский Совет также примет все меры к переходу власти в Алтайской губернии в руки Барнаульского Совета» [Известия Алтайской, 1917, 29 октября]. Поэтому в конце октября – начале ноября в преддверии выборов на Алтае обострилась борьба основных партий против большевиков, а Учредительное собрание противопоставлялось Советам, захватившим власть. Уже 27 октября в Барнауле было созвано экстренное совещание, в котором приняли участие представители 13 организаций: губернского исполнительного Комитета, губернского и уездного земств, городского самоуправления, исполнительного комитета барнаульского Совета рабочих и солдатских депутатов, демократических организаций и социалистических партий. Совещание заслушало губернского комиссара А.М. Окорокова, признав его действия «вполне правильными». Для поддержания порядка в губернии «в целях правильного и своевременного производства выборов в Учредительное собрание» совещание образовало губернский Комитет спасения революции, которому передавалась вся полнота власти в Алтайской губернии [Известия Алтайского, 1917, 18 ноября]. Аналогичные комитеты возникли в Бийске, Камне и Славгороде.

Поддержка событий в Петрограде на Алтае главным образом осуществлялась в Барнауле. В поддержку власти Советов уже в конце октября выступали группы рабочих города. Сразу же поддержали смену власти большевики Барнаула, а их губернский комитет в начале ноября 1917 г.

принял курс на взятие власти [Борьба трудящихся, 1957, с. 75; Шелестов, 1959, с. 43]. Руководимый большевиками барнаульский Совет рабочих и солдатских депутатов 1 ноября высказался за взятие власти [Голос труда, 1917, 2 ноября]. В Славгороде уже 27 октября, после получения известий о столичном перевороте, славгородский Совет рабочих депутатов «по примеру Петрограда» взял в свои руки власть в городе и вручил ее временно выделенному из своего состава революционному комитету [Известия Славгородских, 1917, 28 октября]. В бийском Совете рабочих и солдатских депутатов были сильны позиции эсеров и меньшевиков, поэтому 29 октября бийский Совет осудил вооруженное выступление большевиков в столице. Губернский исполнительный комитет Совета крестьянских депутатов высказался категорически против признания новой власти и исполнения декретов Совета народных комиссаров [Сибирская жизнь, 1917, 12 ноября]. Несмотря на это, в ноябре 1917 г. большевики Барнаула стали вести подготовку к взятию власти Советом. Но чиновники и служащие губернского комиссариата, Управления Алтайского округа и других учреждений также высказались за недопущение захвата власти барнаульским Советом, пригрозив ответить всеобщей забастовкой [Борьба за власть, 1957, с. 121]. Таким образом, к концу ноября никакой широкой поддержки передачи власти Советам в губернии не было.

События непосредственного захвата власти большевиками через барнаульский Совет не раз описывались в литературе [Борьба за власть, 1957, с. 121–125; Шелестов, 1959, с. 44–45]. На экстренном собрании 3 декабря большевики Барнаула приняли решение об установлении власти Советов. В этот же день на заседании барнаульского Совета рабочих и солдатских депутатов была принята резолюция «всеми мерами и средствами добиваться осуществления перехода всей власти на местах к советам» [Голос труда, 1917, 6 декабря]. Для реализации этого решения Советом был создан Военно-революционный комитет (ВРК). Решающий шаг был сделан 6 декабря 1917 г. Руководимый большевиками Исполнительный комитет барнаульского Совета опубликовал приказ, в котором объявлялось о роспуске высшего губернского органа – Комитета спасения революции, а временной властью в городе и губернии до созыва губернского съезда Советов был провозглашен Военно-революционный комитет при барнаульском Совете. В ночь на 7 декабря солдаты и Красная гвардия, руководимые ВРК, заняли губернский комиссариат, милицию и другие важнейшие учреждения города. 7 декабря барнаульский Совет одобрил действия ВРК, а руководитель обоих органов М.К. Цаплин заявил, что «силы вполне достаточно, чтобы сломить всякое контрреволюционное противодействие Совету» [Голос труда, 1917, 9 декабря]. Власть в Барнауле перешла к Совету рабочих и солдатских депутатов, руководимому большевиками.

Вслед за Барнаулом переход власти к Советам начался в городах Алтайской губернии. В Славгороде и Камне советы рабочих депутатов взяли

власть в свои руки 6 декабря, сместив уездных комиссаров [Иванцова, 1990, с. 85]. В Совете Бийска из-за влияния эсеров и меньшевиков решение о переходе к нему власти трижды (6, 10 и 13 декабря) так и не было принято. Только 21 декабря бийский Совет окончательно объявил о переходе власти в свои руки. Помощь оказала рота петроградских солдат-фронтовиков, которые в решающий момент оцепили бийский гарнизон. Но только к 21 января 1918 г. руководство бийского Совета от эсеров перешло к большевикам во главе с З.Я. Двойных [Борьба за власть, 1957, с. 126–127].

Захват власти Советом рабочих и солдатских депутатов в Барнауле вызвал неприятие и непризнание со стороны городских органов, демократической общественности и части крестьянских учреждений губернии [Сибирская жизнь, 1917, 25 декабря]. Все эти силы выступали в поддержку Учредительного собрания и создания коалиционных органов власти на местах из представителей земств, городских самоуправлений и советов. Такие решения были приняты на губернском совещании представителей земств и городов (17–19 декабря) [Съезды, 1992, с. 74–75, 77]. Уездные и волостные крестьянские организации также выражали свои протесты. Так, Корниловская волость Каменского уезда заверила, что не допустит «захвата власти какой-либо организацией без воли на то народа» [Земская газета, 1917, 17 декабря].

Показательным стало губернское совещание Советов крестьянских депутатов, состоявшееся в Барнауле 22–23 декабря 1917 г. Вначале это мероприятие планировалось как очередной губернский съезд Советов крестьянских депутатов, но в Барнаул прибыло только 73 из 250 делегатов, поэтому проведение губернского съезда советов перенесли на конец января [Дело Алтай, 1918, 6 января]. Совещание подвергло резкой критике барнаульский Совет, захвативший власть, «не советуясь ни с кем, даже с советами других городов Алтайской губернии». Делегаты уездных Советов выступили в поддержку Учредительного собрания. Это вошло в принятую совещанием резолюцию, которая отводила советам роль органов охраны завоеваний революции «от всяких покушений, откуда бы они ни исходили» [Дело Алтай, 1918, 9 января]. Таким образом, совещание показало, что крестьянские Советы губернии отнюдь не выражали солидарность барнаульскому Совету, оставляя его действия без поддержки всей губернией. К тому же, считая власть Советов захваченной оружием, меньшевистские силы Алтай выступили с поддержкой Сибирского областного съезда в Томске как более законной и демократической власти.

Несмотря на это, с конца декабря 1917 г. барнаульский Совет рабочих и солдатских депутатов начал распространять установление советской власти на всю Алтайскую губернию. Циркуляр ВРК от 24 декабря 1917 г. предлагал в селах и волостях немедленно организовать Совет, «являющийся единственно законной властью на месте» [Борьба трудящихся,

1957, с. 112]. Инструкция предписывала избирать в Советы людей, «способных всемерно защищать интересы бедняков-крестьян». С конца декабря по этому призыву деревенская беднота включилась в избрание Советов по всей губернии. В некоторых селах Советы избирались под давлением солдат-большевиков. Однако переход власти к Советам или земствам в деревнях Алтая зависел от соотношения сил на местах. Поэтому в начале января 1918 г. барнаульский Совет создал специальную инструкторскую коллегию с целью «организовать хотя бы часть волостных крестьянских советов» [Борьба трудящихся, 1957, с. 129–130].

Эти инструкции вызвали негодование Губисполкома Совета крестьянских депутатов. В своем печатном органе, газете «Дело Алтая», он объявил, что «находит это предписание ВРК не подлежащим исполнению на местах» [Дело Алтая, 1918, 5 января]. Подчеркивая, что крестьяне губернии не выбирали Военно-революционный комитет, газета указывала, что предстоящий съезд советов крестьянских депутатов «должен сказать свое полномочное слово» об организации прочной губернской власти [Дело Алтая, 1918, 9 января; 11 января].

Вместе с тем попытка договориться об объединении рабоче-солдатских и крестьянских Советов все-таки была предпринята на объединенном заседании исполкомов обоих Советов 5 января 1918 г. Но члены Губисполкома Совета крестьянских депутатов, опасаясь полного подчинения Военно-революционному комитету, не согласились на совместную работу. В итоге большевики В. Устинович и М. Цаплин заявили, что Совет рабочих и солдатских депутатов встал перед необходимостью управлять жизнью губернии самостоятельно, вплоть до проведения губернского съезда [Голос труда, 1918, 12 января; Борьба трудящихся, 1957, с. 127]. Барнаульский Совет временно возложил на себя функции губернского органа. Губисполком Совета крестьянских депутатов продолжал работу, отказавшись от совместной работы с барнаульским Советом рабочих и солдатских депутатов.

Умеренные социалисты в борьбе с большевистским захватом власти в Барнауле большое значение придавали готовившемуся губернскому съезду Советов крестьянских депутатов. Одним из вопросов повестки была заявлена организация местной власти. Эсеры, преобладавшие в крестьянских Советах, выступали за то, чтобы наряду с хозяйственными земствами существовал смешанный орган власти, включавший как представителей всех советов, так и органов самоуправления. Большинство делегатов съезда накануне его открытия в частном совещании высказалось за слияние Советов рабочих и Советов крестьян. Однако обязательным условием этого объединения выдвигалось преобладание в объединенном Совете и его исполкоме представителей крестьян как большинства населения губернии [Дело Алтая, 1918, 27 января].

II губернский съезд Советов крестьянских депутатов так же, как и в декабре, чуть не оказался под угрозой срыва. Из-за буряков в Барнаул из 250 делегатов смогли приехать 98. Только двумя депутатами был представлен Славгородский уезд, а от Змеиногорского уезда прибыло всего 7 делегатов [Алтайский луч, 1918, 14 (1) февраля; Съезды, 1992, с. 85]. Некоторые делегаты телеграммами просили подождать их приезда. В связи с такими обстоятельствами на съезде сразу же возник вопрос о его правомочности. Суть сомнений выразилась в словах делегата Тарабанова: «Страшно взять на себя ответственность решать таким малочисленным собранием за всю громаду населения губернии... что там на местах скажут: откуда и какие люди взялись, чтобы решать за нас». После прений делегаты признали съезд правомочным, а его решения – обязательными [Сибиряк-крестьянин, 1918, 30 января; Дело Алтая, 1918, 28 января]. Официально свою работу съезд открыл 27 января, завершив ее 3 февраля.

Одним из первых пунктов повестки было обсуждение работы Губисполкома Совета крестьянских депутатов. Часть делегатов с подачи В. Устиновича предложили резолюцию с осуждением Губисполкома за то, что он «стоял не на высоте своего положения и не стремился к слиянию и совместной работе с советом рабочих и солдатских депутатов» [Дело Алтая, 1918, 30 января]. Но такая оценка не получила поддержку большинства депутатов, и работа Губисполкома, проходившая с декабря в сложной обстановке, была одобрена с перевесом всего в два голоса [Алтайский луч, 1918, 14 (1) февраля]. Уже этот вопрос показал, что съезд будет сложным. Один из его участников Н. Ерушев вспоминал, что съезд был бурным, в связи с чем даже пришлось вызвать отряд Красной гвардии для успокоения делегатов – эсеров и меньшевиков. Правда, он же отмечал их желание сорвать съезд, но газетные сообщения о ходе работы съезда свидетельствуют лишь об их противостоянии большевистским предложениям в рамках деятельности съезда.

Бурные дебаты вызвал вопрос об организации местной власти. По отзыву участника съезда, делегата от барнаульской городской Думы С. Таракановой, вопрос «обсуждался при весьма напряженной обстановке, внесшей большую страстность и прения» [Алтайский луч, 1918, 14 (1) февраля]. Две основные точки зрения определились еще до съезда. Сторонники одной позиции выступали за передачу власти Советам, противоположное мнение признавало полноту власти за Учредительным собранием [Алтайский луч, 1918, 15 (2) февраля]. Бурные дебаты по вопросу о власти закончились принятием обширной резолюции, признававшей, что «вся власть как в центре, так и на местах должна быть в руках Советов крестьянских, рабочих и солдатских депутатов». За резолюцию было подано 56 голосов, против – 10, воздержались 14 делегатов [Борьба трудящихся, 1957, с. 143]. Итоги голосования подтверждают далеко не одно-

значное отношение съезда к советской власти. Однако это решение позволило съезду создать новую вертикаль власти в губернии.

Новая власть в губернии была организована созданием объединенного губернского Совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, который был признан органом «верховой власти народа в губернии» [ГААК, ф. П-5876., оп. 4., д. 1, л. 3–3 об.]. В резолюцию вошло решение об организации постоянной губернской власти по схеме создания объединенного Исполкома. В него вошли 20 человек от Совета крестьянских депутатов и 10 – от Совета рабочих и солдат [Борьба трудящихся, 1957, с. 144]. Избранный губернский Исполнительный комитет по партийному составу был представлен левыми эсерами и большевиками. Также съезд утвердил проект организации волостных и сельских Советов крестьянских депутатов. В целом, несмотря на далеко не полное представительство населения и разногласия, принятие большинством делегатов решений съезда формально придавало им организационную роль в установлении советской власти в Алтайской губернии. После проведения съезда уже не было оснований для критики барнаульского Совета в захвате власти в губернии. Но и добиться полной легитимизации советской власти в губернии съезд не мог в силу далеко не полного представительства делегатов.

Организация Советов в деревнях Алтайской губернии продолжилась после съезда. На уездном уровне последним советскую власть провозгласил Змеиногорский уезд (25 марта 1918 г.) [Борьба за власть, 1957, с. 151]. В селах Алтая создание Советов происходило одновременно с ликвидацией земств. Наряду с роспуском земств в ряде мест проводились их перевыборы и замена Советами. Распространенным было переименование волостных земств в Советы [Иванцова, 1990, с. 100]. Длительным процессом стало образование сельских Советов. В результате к маю 1918 г. Советы действовали в 97 волостях, менее чем в трети их числа в губернии. Сельских Советов к маю было создано 264 – 5% их общего числа [Иванцова, 1990, с. 101]. Поэтому распространение советской власти на местах в Алтайской губернии к началу Гражданской войны еще не было завершено.

Таким образом, рассмотрение насыщенной событийной канвы, связанной с установлением власти Советов в Алтайской губернии, позволяет уверенно говорить об отсутствии ее поддержки со стороны широких слоев населения. Во многом это было связано с партийным влиянием на Советы. Этим отчасти можно объяснить постоянный отказ от власти Советов со стороны Совета крестьянских депутатов, на который влияли эсеры. В большей степени противоречия, связанные с установлением советской власти, охватили политически активную часть населения губернии. Медленный ход советизации в первой половине 1918 г. косвенно подтверждает далеко не однозначное отношение к новой власти не только со стороны партийно-политических сил губернии. В совокупности с проводимой политикой и методами большевистской диктатуры несогласная часть поли-

тически активного населения вынужденно переходит в оппозицию новой власти. Крестьянское большинство губернии заняло по отношению к советской власти пассивно-выжидательную позицию. В силу этих обстоятельств после начала восстания чехословацкого корпуса, несмотря на сопротивление красновардейских отрядов, к середине июня 1918 г. советская власть в Алтайской губернии достаточно быстро была свергнута.

Литература

1. Алтайский луч: Общественно-литературная социал-демократическая газета. Барнаул, 1918.
2. Борьба за власть Советов на Алтае: исторический очерк. Барнаул: Алт. кн. изд-во, 1957. 462 с.
3. Борьба трудящихся за установление Советской власти на Алтае (1917–1920 гг.): сборник документов. Барнаул: Алт. кн. изд-во, 1957. 504 с.
4. ГААК (Государственный архив Алтайского края). Ф. П-5876. Оп. 4. Д. 1.
5. Голос труда: орган барнаульского Совета рабочих и солдатских депутатов. Барнаул, 1917–1918.
6. Дело Алтая: орган Алтайского губернского совета крестьянских депутатов. Барнаул, 1918.
7. Земская газета: издание Каменского уездного земства. Камень, 1917.
8. Иванцова Н.Ф. Сибирское крестьянство в 1917 – начале 1918 гг. М.: Прометей, 1990. 167 с.
9. Известия Алтайского губернского комитета спасения революции. Барнаул, 1917.
10. Известия Алтайской губернии. Барнаул, 1917.
11. Известия Славгородских советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов: ежедневные бюллетени. Славгород, 1917.
12. Кокоулин В.Г. Алтай в годы революции, Гражданской войны и «военного коммунизма» (февраль 1917 – март 1921 г.). Новосибирск, 2013. 456 с.
13. Сибирская жизнь: Газета политическая, литературная и экономическая. Томск, 1917.
14. Сибиряк-крестьянин: газета политическая и литературная. Барнаул, 1918.
15. Съезды, конференции и совещания социально-классовых, политических, национальных и религиозных организаций Алтайской губернии (март 1917 – ноябрь 1918 гг.). Томск, 1992. 130 с.
16. Шелестов Д.К. Борьба за власть Советов на Алтае. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1959. 135 с.

Ю.М. Гончаров

Алтайский филиал

*ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства
и государственной службы при Президенте Российской Федерации»
(Барнаул, Россия)*

**Судьбы российской буржуазии
в российских революциях начала XX в.**

Революционные события вековой давности для современной России – существенная и неотъемлемая часть истории нашего государства и общества, которые не только определили на десятилетия развитие нашей страны, но и изменили судьбы всего мира в XX столетии.

Термин «Великая русская революция», устойчиво вошедший в практику научных работ, уже не является идеологемой, а реально отражает значимость событий, произошедших в 1917 г. Данное определение точно позволяет позиционировать российскую революцию в ряду революций нового и новейшего времени. Российская революция так или иначе являлась частью масштабного исторического процесса модернизации, охватившего Европу за два, а то и три столетия до ее начала, – процесса трансформации традиционного аграрно-ремесленного общества в индустриальное. Идеологические основы этого процесса были сформулированы деятелями европейского Просвещения. В качестве важнейших составляющих процесса модернизации назывались: индустриализация, правовое государство, свобода личности, гражданское общество, права человека, гуманитарная система ценностей. Вместе с тем теоретики и общественные деятели высказывали идею рационально предусмотренной насильственной ориентации общества на путь прогресса и революционного воплощения такой реорганизации, что в частности, осуществилась во время Великой французской революции.

Российская революция своеобразно продолжила эту тенденцию, в силу значительной специфики российского общества и государства. Один из значимых вопросов в истории российских революций начала XX в. – это роль российской буржуазии в событиях столетней давности.

Российские предприниматели на рубеже XIX–XX вв. не имели какой-либо политической организации. Российское правительство, руководствуясь интересами экономической модернизации страны, разрешало объединение предпринимателей в различные совещательные организации, например: биржевые комитеты, советы торговли и мануфактур. Причем уровень компетенции этих организаций был достаточно жестко ограничен проблемами торгово-промышленной политики. Самодержавный режим нуждался в профессиональной экспертизе деловых кругов, однако на протяжении всего пореформенного периода крайне настороженно относился к

любым политическим инициативам буржуазии, пресекая переход от экономических запросов к политическим требованиям [Шепелев, 1981].

Революция 1905–1907 гг. способствовала политической активизации буржуазии. Под влиянием революционных событий в стране возник ряд политических объединений и партий, претендующих на представительство интересов предпринимательских слоев. Произошло также оформление общероссийской представительной организации – Совета съездов представителей промышленности и торговли, имевшей целью воздействовать на экономическую политику правительства [Черменский, 1970].

Однако наметившееся в это время стремление создать единую политическую организацию торгово-промышленных кругов не реализовалось, во многом, из-за противодействия самодержавия. Кроме того, очевидным стало соперничество за пальму первенства различных групп предпринимателей, наиболее активными из которых были московская и петербургская. Одной из попыток создания такой организации стала организация, возникшая уже после Февральской революции, – Всероссийский союз торговцев и промышленности, созданный московской группой.

В исследовательской литературе проблема соотношения консолидирующих и интегрирующих факторов в среде российской буржуазии начала прошлого века является дискуссионной. Например, известный американский историк, автор фундаментальной монографии о купцах и предпринимателях царской России А. Рибер подчеркивал уникальность российской исторической модели. Исследователь акцентировал внимание на нарастании в буржуазной среде процессов фракционности, фрагментации и распада [Riber, 1982, p. 423–426].

Советская историография, внесшая значительный вклад в разработку истории буржуазии как «главного антагониста» пролетариата, несмотря на наличие превосходно документированных работ, развивалась в жестких идеологических рамках, что, безусловно, мешало объективно оценивать процесс политического оживления буржуазии. Идеологема «контрреволюционности» буржуазии не позволяла отрешиться от взгляда на предпринимателей как на людей «с другой стороны баррикад» [Лаверычев, 1967]. В результате в работах советского периода общим местом было разоблачение несостоятельности претензий буржуазии на руководство общественным движением, подчеркивание ее слабости, политической раздробленности, склонности к поиску компромиссов с режимом и т.п.

В постсоветский период в российской историографии появляются исследования, в которых общественная организация отечественной буржуазии рассматривается как однотипная с западноевропейской, а причины исторического поражения предпринимательских слоев в 1917 г. объясняются не столько их внутренней слабостью, сколько общеисторическими условиями, парализовавшими политическую активность предпринимателей и предопределившими победу леворадикальной альтернативы.

Очевидно, что до начала прошлого столетия в политическом отношении отечественные предприниматели были в целом индифферентны и, как правило, не выходили за границы социальной роли «верноподданных купцов». В начале же XX в. российская буржуазия проявила высочайшую, даже по сравнению с европейскими странами, политическую активность, которая была вызвана системным кризисом самодержавия. Значимым рубежом для политического самоопределения предпринимателей стало знаменитое Кровавое воскресенье 1905 г. – расстрел мирной демонстрации рабочих, шедших с петицией, достаточно верноподданнической, к Николаю II. После этого преобладавшие среди буржуазии «охранительные» настроения сменились требованиями либеральных реформ государственного строя [Петров, 2000, с. 226].

Раздробленность буржуазии, отсутствие единой политической организации ярко проявились, в частности, при выборах в I Государственную думу, состоявшихся в 1906 г. Заявленные открыто прокапиталистические лозунги оттолкнули основную массу избирателей. Весьма важную роль сыграло и то обстоятельство, что в отличие от партий социалистической ориентации буржуазные политики не обещали радикального и скорого улучшения жизни рядового человека из социальных низов.

Тем не менее можно констатировать, что под влиянием революционных событий Первой русской революции российское «третье сословие» вышло на политическую арену в качестве самостоятельной силы, достигнув нового уровня своего классового самоопределения. Идея создания всероссийской партии промышленников и торговцев витала в воздухе. Однако этой идее не суждено было воплотиться в жизнь ни тогда, ни позднее ввиду целого ряда факторов, среди которых можно назвать следующие: очень большую разнородность делового мира России, сохранение у значительной части буржуазии иллюзий относительно возможности самореформирования самодержавия и, что на наш взгляд, является важнейшим фактором, – боязни лишиться государственной опеки.

Так или иначе, в ходе бурных политических событий начала XX в. предпринимательский класс российского общества начинает осознавать свою политическую значимость, искать варианты своего политического самовыражения в различных организациях. Начиналось накопление опыта взаимодействия различных группировок и организаций, апробирование тактики коалиций, парламентской борьбы.

Тем не менее корпоративные по духу, буржуазные по составу, прокапиталистические по программным требованиям, элитарные по методам деятельности экономические и политические организации и формирования предпринимателей не имели возможностей инициировать мирный переход страны к модернизационным реформам, предотвратить отчуждение государства и общества. Исход событий был во многом предопределен факторами, сформировавшимися задолго до событий 1917 г.: особенностями

взаимоотношений между предпринимателями и государством, антибуржуазным менталитетом большинства населения, незавершенностью формирования «среднего класса», который является основной опорой политического централизма, недостатком политического опыта у самой буржуазии и ее лидеров, неумением и нежеланием идти на компромиссы.

Таким образом, политическая слабость российской буржуазии, которая и предопределила ее историческое поражение в событиях русских революций начала XX в., была обусловлена не столько ее внутренней разобщенностью, культурной и общественной неразвитостью, как это постулировала советская историография, сколько объективными условиями, которые предприниматели не могли изменить: незавершенность буржуазных реформ, неразвитость гражданского общества, слабость среднего класса, сильная зависимость предпринимательской деятельности от властных структур всех уровней, политическая радикализация населения в условиях войн и экономических кризисов.

Несомненно, что социально-экономические, социокультурные и политические процессы наших дней заставляют внимательнее относиться к политическому опыту российской буржуазии и актуализируют исторические исследования революционных событий столетней давности.

Литература

1. Лаверычев В.Я. По ту сторону баррикад: из истории борьбы московской буржуазии с революцией. М.: Мысль, 1967. 288 с.
2. Петров Ю.А. Российская буржуазия в начале XX века: попытки политической консолидации // Труды Института российской истории РАН: 1997–1998 гг. Вып. 2 / Российская академия наук, Институт российской истории; отв. ред. А.Н. Сахаров. М.: ИРИ РАН, 2000. С. 218–257.
3. Черменский Е.Д. Буржуазия и царизм в революции 1905-1907 гг. М.; Л.: Гос. соц.-экон. изд-во, 1970. – 374 с.
4. Шепелев Л. Е. Царизм и буржуазия во второй половине XIX в.: Проблемы торгово-промышленной политики. Л.: Наука, 1981. 275 с.
5. Riber A. Merchants and Entrepreneurs in Imperial Russia. Chapell Hill (N. C.), 1982. 496 p.

Д.С. Дегтярев
ФГБОУ ВО «Алтайский государственный университет»
(Барнаул, Россия)

Алтай в 1917 году: мечты сбываются

«Революция – это праздник угнетенных и эксплуатируемых», – писал В.И. Ленин. Действительно ли это было так? Попробуем ответить на этот вопрос, рассмотрев революционные события на Алтае.

Накануне революции 1917 г. в местном сообществе накопились многочисленные противоречия. Первое из них проистекало из факта кабинетской (коронной) собственности на землю. После разорения горно-металлургического комплекса и закрытия основных производств местная администрация стала искать новые источники доходов. И таким источником стала эксплуатация земельных и лесных ресурсов. Было проведено землеустройство, в ходе которого землепользование крестьян было ограничено. Передача отмежеванных участков в собственность была обусловлена выкупной операцией, которая началась с 1908 г. К слову, в европейской части России выкупные платежи были отменены с 1906 г., то есть Алтай оставался единственным местом в империи, где сохранялся этот феодальный пережиток. Все это вызывало естественное недовольство земледельческого населения региона.

Также кабинетская администрация произвела и лесоустройство, сильно затруднив свободное пользование лесными богатствами края. Поскольку древесина была основным строительным материалом, а также и основным топливом, вопрос о ее получении в достаточных количествах был для крестьян жизненно важным. Возникли и трудности чисто бытового характера: например, недовольство вызывало взимание с местных жителей платы за сбор грибов и ягод на отдельных участках леса. Проведенные Кабинетом землеустройство и лесоустройство привели к тому, что землемеры и лесообъездчики стали для крестьян самыми ненавистными фигурами. Отказ от патерналистской политики Кабинета в отношении крестьян и усиление экономического гнета привели к формированию устойчивой негативной реакции аграрного населения на местную власть. Отсюда проистекала и главная «мечта» алтайских крестьян – ликвидация кабинетской собственности, свободное пользование земельными и лесными ресурсами, отмена выкупных платежей.

Немалые претензии к Кабинету были и у горожан, особенно у барнаульцев. Столица Алтайского округа в процессе землеустройства была разделена на две части – городскую (земля поступила безвозмездно в муниципальную собственность) и кабинетскую. Муниципальных земель было явно недостаточно для нормальной жизнедеятельности, нужные городу участки приходилось либо арендовать у кабинетской администрации, либо

выкупать за большие деньги. Результатом стал длительный конфликт города и Кабинета, в котором основная масса жителей Барнаула была на стороне местного самоуправления. Для двух новых городов Алтая, возникших в 1914-1915 гг., – Камня и Славгорода – землеустройство еще не было завершено, что также провоцировало недовольство местных жителей. «Мечтой» горожан и городских органов самоуправления также была ликвидация кабинетской собственности на землю и расширение земельного надела своих поселений.

Таким образом, на Алтае сложилось общее негативное отношение к политике царской администрации, обусловленное местными особенностями осуществления этой политики. Жители Алтая в большей мере, чем многие другие жители России, хотели свержения монархии. Это желание было обусловлено не столько общими представлениями о пагубности такой формы правления, сколько личными (подчас корыстными) интересами.

Развитие капиталистических отношений привело к формированию на Алтае местной буржуазии (в основном принадлежавшей к купеческому, мещанскому и крестьянскому сословиям) и местного класса пролетариев. Между ними, как и в любом другом регионе России, также имели место противоречия. Региональной особенностью было то, что полноценное развитие буржуазные отношения здесь получили только в 90-е гг. XIX века. До этого на Алтае функционировал кабинетский горнопромышленный комплекс, поэтому развитие частной инициативы подавлялось как конкурирующее начало. Более поздний, чем в Европейской России, «старт» обусловил отставание Алтая в этой сфере. Здесь имела место стадия первоначального накопления капитала, характеризующаяся полукриминальными способами получения доходов и жесточайшей эксплуатацией наемных работников. Однако в России в это время уже существовало рабочее законодательство, которое на Алтае систематически нарушалось. Все это в купе способствовало не постепенному росту недовольства со стороны пролетариата, а скачкообразному. Ускорение темпов социально-экономического развития в начале второго десятилетия XX в. (постройка железной дороги, Первая мировая война) способствовало быстрому увеличению числа пролетариев на Алтае. К 1917 г. их насчитывалось до 10 тысяч, чего уже было вполне достаточно для осознанного выражения своих групповых интересов. «Мечтой» алтайского пролетария было, как минимум, избавиться от негативных черт, присущих эпохе «дикого капитализма». Как максимум же пролетарии хотели избавиться от капиталистов вообще и желали сами быть хозяевами своих предприятий.

Впрочем, своего рода гнет испытывали не только эксплуатируемые группы населения (крестьяне и рабочие), но и некоторая часть эксплуататоров. Особенностью Алтая было его двойное административное подчинение: он одновременно управлялся коронной администрацией и граждан-

скими властями. Во втором случае это были власти Томской губернии, частью которой считался Алтайский округ. «Мечтой» местного чиновничества была ликвидация двойного подчинения. Главным способом достижения этой цели было создание Алтайской губернии.

Таким образом, большинство населения Алтая к 1917 г. хотело изменить свое положение, зачастую – весьма радикально, т.е. жители нашего региона хотели именно революции, а когда она случилась – с восторгом приняли ее.

Весть об отречении Николая II от престола пришла в Барнаул 3 марта 1917 г. Это означало только одно – эпоха коронной собственности на Алтае закончилась. Официально этот факт был оформлен решением Временного правительства от 27 марта, по которому все кабинетские земли стали государственными. В связи с этим напрямую встал вопрос о власти, так как после краха старой администрации возник ее вакуум. На управление регионом претендовали две силы: местная буржуазия, которая господствовала в муниципалитетах, и рабоче-крестьянские и солдатские массы, не имевшие до того никакой власти. Очевидно, что при таком положении вещей власть досталась буржуазии и поддерживавшей ее интеллигенции. Именно она сформировала Комитет общественного порядка, который вскоре стал проводником воли Временного правительства. Создание этого комитета было воплощением буржуазной «мечты». П.А. Казанский, который входил в данный орган управления, свидетельствовал, что заседания часто проходили прямо в ресторане «Метрополь», в перерывах между приемами пищи [Старцев, Тяпкин, Тяпкина, 2000, с. 190]. Управлять огромным краем из-за стола с красной икрой и балыком – вот так выглядела сбывшаяся мечта местной буржуазной и интеллигентской верхушки.

Что же касается масс трудящихся, то они также попытались сформировать свои органы управления – Советы. В Барнауле Совет рабочих депутатов появился уже 5 марта. Однако Советы в начале 1917 г. были разрозненными, слабыми и не имели никакого авторитета. Впрочем, в первые месяцы революции сколько-нибудь значимой конкуренции между различными органами управления не наблюдалось.

Падение самодержавия и ненавистной жителям Алтая кабинетской администрации вызвало подъем энтузиазма и вылилось во всенародное празднование освобождения от царского гнета. Апогеем торжества стал Праздник свободы, который прошел в Барнауле 10 марта 1917 г. Желавших принять участие в празднике было настолько много, что ни одно здание не смогло бы их вместить. Организаторам показалось недостаточно даже пространства центральных городских площадей – Демидовской и Соборной. Поэтому торжества прошли на окраинной Ново-Базарной площади, которая через 8 дней была переименована в площадь Свободы. Сейчас это квартал между улицами Партизанской и Пролетарской от переулка

Ядринцева до Челюскинцев. Сохранились воспоминания все того же П.А. Казанского об этом событии. Автор вспоминал, что на площадь пришли тысячи людей, представлявших все слои общества – от рабочих и солдат до священнослужителей. Выразителем всеобщего настроения стал один барнаулец, вышедший на сцену и пустившийся в пляс [Революционные события, 2001, с. 25-27]. Праздник свободы стал ярчайшим доказательством того, что общество Алтая с восторгом приняло революционные перемены.

С началом весенне-полевых работ в округе начался «черный передел», выразившийся в массовых самовольных захватах земли. В это же время в леса с целью заготовки древесины устремились тысячи человек. Кроме негативных экологических последствий такой «праздник свободных порубок» имел и последствия иного рода. Вырубленный лес массово складировался на усадьбах, что повышало риск распространения огня при пожарах. Это, на наш взгляд, могло стать одной из ключевых причин того, что локальный пожар 2 мая 1917 г. в Барнауле в итоге принял катастрофические масштабы.

Исчезновение кабинетской администрации ускорило процесс выделения Алтайской губернии из Томской. 17 июня 1917 г. Временное правительство издало постановление об образовании новой административно-территориальной единицы. Барнаул стал губернским городом, а местное чиновничество (быстро перешедшее под знамена революционной власти) почувствовало себя полновластным хозяином Алтая.

Относительное политическое спокойствие сохранялось на Алтае до конца 1917 г. Однако события в столице России – Петрограде – инспирировали новый виток борьбы за власть на местах. Установление советской власти в «столичных» регионах и создание Совета народных комиссаров подтолкнуло местных большевиков к подобным же действиям. Нужно отметить, что алтайские социал-демократы стали ярким выразителем интересов немногочисленного рабочего класса, поэтому получили поддержку от него уже летом-осенью 1917 г. Так, на выборах в Учредительное собрание в ноябре этого года за эсеров проголосовало большинство крестьян в уездах Алтайской губернии, тогда как в Барнауле (где концентрировались рабочие) верх одержали большевики (44% голосов) [Революционные события, 2001, с. 69]. Активная позиция городского Совета рабочих и солдатских депутатов в деле преодоления последствий пожара 2 мая 1917 г. повысила его авторитет в городе. Результатом стал бескровный переход власти в руки большевизированных Советов, происходивший на Алтае с декабря 1917 г. по апрель 1918 г. В Барнауле это произошло 7 декабря. Сопротивление предыдущей власти оказалось слабым и нерешительным.

Советы повсеместно узаконили «черный передел» земли (чем завоевали симпатии беднейшей части крестьянства), ввели 8-часовой рабочий день, рабочий контроль на предприятиях, а некоторые из них национали-

зировали. Приход к власти Советов – это воплощение мечты рабочих Алтая.

Революционное время означало разрушение старого мира, старой системы. В условиях, когда прежние правила исчезали, а новые еще не сформировались, было возможно воплощение в жизнь самых смелых идей и проектов. Одним из символов 1917 г. стал авангардный градостроительный проект Города-сада, предложенный местными архитекторами и реализованный в северной части Барнаула. Суть проекта, опиравшегося на концепцию британского архитектора Э. Говарда, состояла в создании нового города с принципиально иной схемой планировки, с улучшенными жилищными условиями и развитым коммунальным хозяйством. Предполагалось в центре Города-сада создать круглую площадь, от которой лучами должны были расходиться улицы, а опоясывать ее – кольцевые бульвары. Город застраивался 1- и 2-этажными домами, причем каждый дом был рассчитан на одну семью. Приусадебные участки предполагалось сделать большими (по 400 кв. саженной вместо стандартных 250), значительную часть их площади должны были занимать зеленые насаждения и цветники. Вся промышленность и внешний транспорт выносились за пределы жилой зоны, на окраины Города-сада [Барнаул: энциклопедия, 2000, с. 83]. В результате получился бы утопающий в зелени садов комфортный для проживания селитебный район с широкими улицами и красивыми новыми домами.

Реализовать этот проект в рамках действовавшего тогда генерального плана 1837 г. было невозможно, так как этот план требовал застраивать город по петербургской ортогональной схеме. Но слом всех прежних устоев сделал строительство Города-сада возможным. В Барнауле было создано «Общество городов-садов», а его руководитель А.М. Ларионов в августе 1917 г. стал гласным Городской думы. Уже в октябре того же года Общество распространило по Барнаулу анкету с описанием своего проекта, которую могли заполнить желающие поселиться в новом районе. В декабре дума приняла принципиальное решение одобрить этот проект. Также была проведена разбивка новых кварталов на местности и на плане. Сменивший Городскую думу Совет поддержал создание Города-сада, исходя из того, что это поможет быстрее решить жилищную проблему в Барнауле. Весной 1918 г. началась раздача участков желающим. Барнаульский городсад был застроен к концу Гражданской войны. Хотя данный проект был реализован лишь отчасти (например, в новых кварталах не доставало зелени, уровень благоустройства был очень низким), сам факт воплощения его в жизнь примечателен. Торжество градостроительного авангардизма – яркое свидетельство того, что в условиях революции было возможно если не все, то очень многое.

1917 год – это удивительный год в истории Алтая. За короткое время (и на короткое время) сбылись мечты почти всех жителей региона, от кре-

стьянской и пролетарской бедноты до состоятельных чиновников и утонченных интеллектуалов. Корень будущих бедствий, возможно, состоял в том, что мечты у них у всех были разные. Их воплощение в жизнь сразу же привело к острому конфликту интересов, вылившемуся в кровопролитную четырехлетнюю гражданскую войну.

Литература

1. Барнаул: энциклопедия. Барнаул: Изд-во АлтГУ, 2000. 408 с.
2. Революционные события и гражданская война в Алтайской губернии. 1917-1922 гг.: хрестоматия. Барнаул: Алтайский полиграфический комбинат, 2001. 528 с.
3. Старцев А.В., Тяпкин М.О., Тяпкина О.А. История Барнаула: учебное пособие для средней школы. Барнаул: Алтайский полиграфический комбинат, 2000. 330 с.

В.А. Должиков

ФГБОУ ВО «Алтайский государственный университет»

(Барнаул, Россия)

Корниловская альтернатива в контексте революционной «трифуркации» 1917 года

В рамках дискуссионной проблематики, которая обсуждается на симпозиуме, особый интерес может представлять историческая личность Лавра Георгиевича Корнилова (1870-1918) – Верховного главнокомандующего русской армии в июле-августе 1917 г., а позже одного из лидеров антибольшевистского Белого движения. На наш взгляд, он персонифицирует оставшуюся нереализованной настоящую демократическую альтернативу победившему впоследствии тандему двух вождей партии большевиков – Ленина и Троцкого. Мы знаем, «историю пишут победители». Неудивительно, что в школьных и вузовских учебниках тиражируется до сих пор официальный миф советского времени о пресловутом «корниловском мятеже», целью которого будто бы являлась контрреволюционная «военная диктатура».

За последние годы опубликовано довольно много работ отечественных и зарубежных исследователей, теперь оценивающих характер августовского выступления Л.Г. Корнилова совсем иначе [Шулдяков, 2004; Рунов, 2014; Кенез, 2015; Цветков, 2017 и др.]. Однако, несмотря на определенные положительные изменения, в историографии темы сохраняется еще довольно много «белых пятен». В большинстве случаев лакуны, полагаем, обусловлены той или иной методологией, а вернее, идеологией, которой руководствуются авторы современных публикаций о Л.Г. Корнилове.

Своего рода ключом к адекватному пониманию и декодированию данного сюжета могла бы стать, на наш взгляд, концепция вариативности политического процесса [подробнее об этом см.: Данилов, 2007; Могильницкий, 1989; Придорожный, 2001; Шевелев, 2009], глубоко чуждая историкам западнического (марксистского, постмарксистского и либерального) толка. «На протяжении своей многовековой истории Россия, – по справедливой оценке А.Г. Данилова, – нередко стояла на “перекрестке”, “развилке”, перед выбором дальнейшего пути развития. Существует распространенная точка зрения: “история не знает сослагательного наклонения”, “говорить о том, что было бы, если бы...– не научный подход”. Но в таком случае получается, что история заранее предопределена (интересно, кем?)» [Данилов, 2007, с. 5]. Действительно, сам факт присутствия в реальном историческом процессе множества вариантов отторгается западниками еще и потому, что фундаментальную основу данной концепции составляют парадигмы «русского» (народнического по преимуществу), цивилизационного подхода к освещению таких проблем. Иногда, впрочем, сторонники европоцентристской методологии признают существование развилки в истории – так называемых точек бифуркации (от сложносочиненного прилагательного *bifurcos*, т.е. *двоезубый*). Но и в этом случае инструментарий анализа событийного контекста ограничен крайне узкими рамками, фиксирующими наличие всего лишь **двух** альтернативных вариантов.

В отличие от адептов западничества, как исследователь, автор настоящей работы придерживается «русского» подхода к освещению данной проблемы. Поэтому считаем, что в момент ситуационной развязки системных кризисов, циклически повторяющихся в отечественной истории, действующие факторы и стоящие за ними политические силы всегда, как правило, выбирают одну из **трех** возможных альтернатив. Наиболее ярко эту закономерность иллюстрирует образ «троопутья» в известной картине Виктора Васнецова, который был народником по своим взглядам. Число «три» в данном случае символизирует не только математически выверенную, идеальную конструкцию желаемого устойчивого мироустройства, базирующуюся на известном правиле «третьей точки» («треножника»). С этим же числом тесно связана сокровенная, экзотерическая идея народной мифологии, которая остается до сих пор одним из самых излюбленных мотивов русского фольклора и классической национальной культуры. Не случайно опять-таки с «Тройкой» прочно связан образ исторической Руси (Н.В. Гоголь). Отсюда бесконечные вариации на ту же тему: «три богатыря», «три дочери», «три сына», трехглавый Змей Горыныч и «тридевятое царство» в народных сказках, божественная «Троица», «троеперстие» в обрядовой церковной традиции староверческого народного православия и множество других подобных аллегорий [Иваницкий, 1994, с. 130]. Поэтому предлагаем внести определенные коррективы в сложившуюся политологическую семиотику: вместо «бифуркации» было бы разумнее и точнее,

на наш взгляд, использовать понятие «трифуркация». Данный термин, правда, хотя и непривычен, зато вполне соответствует особенностям национального самосознания, тяготеющего по целому ряду причин к выше-названному числу.

На тему вариативности политической истории России есть замечательная работа М.А. Бакунина «Народное дело: Романов, Пугачев или Пестель?» (1862 г.). В ней как раз подробно рассматриваются перспективы реализации трех вариантов освободительного процесса, развертывавшегося в России в конце 1850-х – начале 1860-х гг. Один из них, по мнению родоначальника классического народничества, и мог быть реализован на развилке отечественной истории, предшествующей революционному взрыву 1917 г.

Во-первых, в тот переломный момент, как полагал мыслитель мировой величины, «русский до мозга костей», по словам Н.А. Бердяева (кстати говоря, прекрасно владевший методами диалектико-логического и математического анализа), существовала еще возможность добровольного эволюционного преобразования политической системы «сверху» с обратной трансформацией всероссийского императора в «земского царя» по примеру первых Романовых. Такая политическая реформа должна была начаться с восстановления представительного Земского Собора и последующего учреждения конституционного правопорядка в России. Во-вторых, подходящим и также оптимальным для разрешения противоречий системного кризиса М.А. Бакунин считал другой вариант с условным названием «Пестель», предполагавшим революцию «образованных классов», т.е. просвещенного высшего слоя политической элиты, лидеры которой могли бы возобновить и завершить модернизационный план движения декабристов. Наконец, как наихудший сценарий М.А. Бакунин рассматривал возможное стихийное развертывание народной антиимперской революции «снизу», но координируемой и направляемой коллективным «Пугачевым из русского университета», или, по-другому, «народной партией коренного переворота» [Бакунин, 2000, с. 322-345; подробнее см.: Должиков, 2011]. Современная исследовательница утверждает, что на этой переломной развилке отечественного политического процесса М.А. Бакунин якобы выбрал для себя вариант «Пугачев» [Русакова, 1994, с. 49]. Справедливости ради заметим, что в то время у него, как оппозиционного политика, вообще не было такой возможности. Выбор делали совсем другие лица, обладавшие реальной властью и соответствующими полномочиями, но абсолютно безответственные перед русским обществом. «Династия, – отчетливо понимал М.А. Бакунин, – явно губит себя. Она ищет спасения в прекращении, а не в поощрении проснувшейся народной жизни...». Констатируя данный факт, мыслитель вынужден был рассматривать все другие политические альтернативы, включая и возможный рецидив разрушительной «пугачевщины», хотя вариант «Романов» казался ему все-таки

намного предпочтительней двух других альтернатив [Бакунин, 2000, с. 324, 342-343].

Позже, что ныне очевидно, сбылись самые наихудшие прогнозы отечественного «пророка социальной революции». Российский император демонстрировал на переломном рубеже системного кризиса реакционное нежелание «поступиться принципами» абсолютного самодержавия в интересах национального единства. Он категорически отказался в 1862 г. восстановить институт Земского собора, причем для такого акта был исключительно удобный повод: в том году пышно праздновалась знаменательная годовщина тысячелетия России. Но Александр II не смог пойти на встречу справедливым требованиям пока еще лояльного конституционного общественного движения русской элиты [подробнее см.: Должиков, 2013].

Заметим особо, что вариант под условным названием «Романов» исчерпал себя уже на развилке 1850-х – 1860-х гг., поскольку правительство тогдашних «молодых реформаторов» заложило под здание Империи, по терминологии современного автора, «три роковые “бомбы” замедленного действия, которым суждено было полвека спустя взорвать монархию в России» [Янов, 2002, с. 112-114, 117-123, 343]. Своим отказом восстановить Земский Собор и тем самым инициировать процесс перехода к конституционному правлению, Александр II заложил, как верно замечает А.Л. Янов, «бомбу № 1» под «здание пореформенной России» [Янов, 1999, с. 85; Должиков, 2013]. Проблемы, вызвавшие permanently нарастающий в течение последующих лет кризис имперской государственной власти, никуда не делись. Они только на время были «заморожены». Косметические непоследовательные «великие» квазиреформы Александра II вкупе с «контрреформами» его преемника Александра III обернулись в начале XX в. поистине Великими потрясениями, которые влекли за собой рецидив новой всероссийской Смуты и предопределили трагическую гибель самой правящей династии.

На переломе системного кризиса 1917 г. похожую развилку вариантов общенационального выбора в пореволюционной России олицетворяли собой **три** политика: А.Ф. Керенский, Л.Г. Корнилов и В.И. Ленин. Причем от гипотетического объединения двоих персон из этой большой тройки в альянсе, исключаящем «третьего лишнего», зависела в тот момент будущая судьба страны. Вначале (июль-август 1917 г.) Керенский, как известно, поддержал авторитетного военного лидера национально-патриотических сил. «На посту Верховного Главнокомандующего Корнилов, – отмечает современный его биограф, – был нужен Керенскому как популярная и сильная личность, способная пресечь деятельность левоэкстремистских движений в стране и стабилизировать политическую ситуацию. Но и Керенский нужен был Корнилову как государственный гарант, “легализующий” действия Верховного по наведению порядка и установле-

нию твердой власти. Безусловно, каждый имел и свои собственные интересы в таком альянсе». Причем, вопреки мифу о «контрреволюционных» намерениях Корнилова, сам он открыто заявлял в июле 1917 г. о безусловной преданности демократическим идеалам Русской революции. «Сообщаю вам, стоящим у кормила власти, – предупреждал генерал министра-председателя Временного правительства, – что Родина действительно накануне безвозвратной гибели, что время увещеваний и пожеланий прошло, что необходима непоколебимая **государственно-революционная власть** (здесь и далее все выделения мои – *В.Д.*)». И разъяснял, что его личная политическая задача состоит в том, чтобы «спасти армию и использовать ее по действительному назначению защиты **Родины и Свободы**» [Комаровский, 2006, с. 21]. Заметим особо, что в тогдашней России мало кто из политиков осознавал вполне масштабы и сам характер нависшей над страной угрозы. «Большевики хотят подчинить, – предостерегал, например, соотечественников Г.Н. Потанин в актуальной по сию пору, но малоизвестной исследователям статье «Областничество и диктатура пролетариата» (середина июля 1917 г.), – нашу жизнь своей воле. Они создают организацию с сильной центральной властью, под нож которой хотят бросить нас». Эта демонстративная акция гражданского мужества лидера областников относится к тому отрезку времени, когда над революционной Россией нависла угроза коммунистического тоталитаризма. «Большевики, – предупреждал Г.Н. Потанин российскую общественность сразу после неудачного для Ленина и Троцкого июльского путча, – хотят подчинить нашу жизнь своей воле, они создают организацию с сильной центральной властью, под нож которой хотят бросить нас» [Потанин, 1917]. В отличие от вожаков, так называемых анархо-коммунистических группировок, лидера сибирского областнического движения не сбива с толку «советская» (почти что в духе Бакунина или Щапова) демагогия недавних ортодоксальных марксистов. «Они стремятся к захвату власти, – замечает Г.Н. Потанин, – чтобы воцарить над жизнью свою доктрину. **Строй, который нам готовят большевики, не на тех же ли началах построен, как и только что низвергнутый монархический строй?**». Иначе говоря, ему были понятен контрреволюционный характер готовившегося переворота. Далее Потанин разъяснял, к каким катастрофическим последствиям приведет ее реализация. «Если бы проекты Ленина осуществились, – предвидел он, – русская жизнь снова очутилась бы в железных тисках, в ней не нашлось бы места для самостоятельности общественных организаций» [Потанин, 1917]. Характерно, что среди влиятельных политических деятелей демократического направления, находившихся у власти в России (А.Ф. Керенский и др.), мало кто смог понять тогда зловещий смысл отдаленных последствий большевистской контрреволюции.

Лишь другой великий сибиряк – Верховный главнокомандующий Русской армии, генерал от инфантерии Л.Г. Корнилов, понимая характер

угрозы, предпринял в конце августа 1917 г. решительную попытку спасения страны от надвигавшейся катастрофы. В своем историческом радиопослании к народу он говорил: «Вынужденный выступить открыто, я, генерал Корнилов, заявляю, что Временное правительство под давлением большевистского большинства Совета действует в полном соответствии с планами германского генерального штаба,... убивает армию и потрясает страну внутри... Я, генерал Корнилов, сын казака-крестьянина, заявляю всем и каждому, что мне лично ничего не надо, кроме сохранения Великой России, и клянусь довести народ путем победы над врагом до Учредительного собрания, на котором он сам решит свои судьбы и выберет уклад своей новой государственной жизни...» (цит. по: Комаровский, 2006, с. 22). Вопреки мифу коммунистической историографии о «диктаторских» амбициях и «контрреволюционных» замыслах Л.Г. Корнилова на самом деле он придерживался в августе 1917 г. даже слишком умеренных, «интеллигентских» и, в общем, конституционно-демократических взглядов. «Факт, что лидеры Белого движения не были аристократами, – справедливо отмечает зарубежный исследователь, – мог иметь огромное значение для Гражданской войны. Корнилов и Деникин могли воззвать к крестьянам, делая упор на свое происхождение» [Кенез, 2007, с. 20]. И, действительно, ключевой контекст цитируемого выше «Обращения к русскому народу» по радио Верховного главнокомандующего только лишний раз подтверждает данную оценку. В ретроспективе именно принципиальная позиция Л.Г. Корнилова, Г.Н. Потанина и других русских демократов-конституционалистов, понимающих масштабы опасности, которая исходила в тот момент от группировки Ленина-Троцкого, представляется наиболее дальновидной.

Недаром же выступившая в 1917 г. на стороне Верховного главнокомандующего конституционно-демократическая Партия Народной Свободы («кадеты») была первой объявлена вождями большевиков «партией врагов народа» и немедленно попала под внесудебную расправу ЧК. Спустя пять лет после трагической гибели Верховного главнокомандующего в Праге на публичном собрании русских политэмигрантов, организованном в память о нем, ведущий идеолог этой партии П.Б. Струве вспоминал: «Когда мы, скромные почитатели, помощники и пособники Корнилова, в наших подпольях в Москве и иных местах России узнали весной 1918 г. о славной гибели Корнилова на поле брани, наши души переполнились неизмеримо скорбью... Да удостоит же нас Господь быть верными последователями Корнилова на его патриотическом пути!» [Струве, 2000, с. 164-167].

Пока Л.Г. Корнилов и А.Ф. Керенский действовали согласованно, у большевистского заговора не было ровно никаких шансов на успех. В тот момент объединенными силами всех истинных патриотов удалось быстро подавить первую попытку захвата власти в России, предпринятую группировкой Ленина-Троцкого. В августе 1917 г. Ставка располагала достоверной информацией о том, что большевики продолжают вести подготовку

государственного переворота в Петрограде. Чтобы пресечь его, Корнилов намеревался ввести в столицу с фронта лояльные Временному правительству воинские части. Вначале и Керенский был согласен с таким решением, но позднее, к сожалению, отказался его поддерживать. Парадоксально, но факт: во время Мировой войны Верховный главнокомандующий лишается всех необходимых полномочий, обвиняется в «мятеже», заключается под арест и целиком отстраняется от участия в политике. И в то же самое время под надуманным предлогом борьбы с «корниловщиной» Керенский позволяет вооружиться отрядам большевистской Красной гвардии, разрешает выпустить из-под ареста «демона революции» Троцкого.

Противники вскоре умело воспользовались подаренным им стратегическим преимуществом в своей борьбе и против Временного правительства, и против самого же Керенского. С его стороны это было самое настоящее предательство. 31 августа 1917 г. З.Н. Гиппиус оставила памятную запись в своем дневнике: «...Ведь уже с первого момента всем видно было, что нет никакого Корниловского мятежа. ...Бесспорно ожидался в Петербурге – самим Керенским – большевистский бунт, ожидался ежедневно, и это само собой разумело войска с фронта... С того момента, как на всю Россию раздался крик Керенского об “измене” главнокомандующего, все стало непоправимым... Керенский теперь всецело в руках максималистов и большевиков. Кончен бал» [Гиппиус, 1991, с. 357-359]. Возможно, что недооценка главой Временного правительства масштабов угрозы, исходящей от большевистской партии, была связана с широко декларируемым ее вождями левым радикализмом и народническим популизмом. Точно такими же левыми лозунгами увлекался порой и сам Керенский, представлявший в последней министерской коалиции 1917 г. партию социалистов-революционеров. Наверное, сыграла свою роль и земляческая солидарность, спровоцированная детскими воспоминаниями Керенского о дружеских связях отца в Симбирске с родителями Ульянова-Ленина. Добавим сюда непомерное властолюбие министра-председателя Временного правительства, у которого в 1917 г. какое-то время была рекордно высокая общественная поддержка. Возможно, что ко всему прочему оказала влияние и боязнь военной диктатуры «русского Бонапарта», своего рода постдекабристский синдром, имманентно присущий либералам и демократам в России. Наверное, иначе бы Керенский не обвинил в мятеже Верховного главнокомандующего, фактически сдав тем самым верховную власть в России так легко реальным контрреволюционерам «слева» Троцкому и Ленину.

В конечном итоге демократические завоевания февральско-мартовской революции оказались под угрозой срыва. Однако еще оставался в запасе «сибирский вариант» [Цветков, 2017], реализация которого в 1918 г. без активного личного участия Л.Г. Корнилова, как позднее выяснилось, была невозможна по многим причинам. Между тем «внутренний

голос», по свидетельству А.И. Деникина, «казака Корнилова ...безотчетно звал в Сибирь» [Деникин, 2016, с. 278].

Для региональных исследователей данный аспект рассматриваемой темы, думаю, также мог бы представлять интерес. Хотя бы потому, что Л.Г. Корнилов, родившийся в алтайском городе Усть-Каменогорске 18 августа 1870 г. – наш земляк. По своему происхождению будущий Верховный главнокомандующий из потомственных линейных казаков. «Его отец, Георгий Николаевич, – согласно данным омского историка В.А. Шульдякова, – уроженец станицы Каркаралинской, “пройдя всю строевую лямку казака”, “с огромными трудностями” смог выслужиться из нижних чинов в хорунжие (1860), вышел в отставку (1862) и стал работать по вольному найму». В начале 1860-х гг. Г.Н. Корнилов «увлекся областничеством» и, следуя примеру своих друзей по Сибирскому кадетскому корпусу (Омск), решил уйти с военной службы [Шульдяков, 1992, с. 6]. «Мать Л.Г. Корнилова, Прасковья Ильинична, – заметил его современный биограф, – не была ни киргизской, ни калмычкой, как полагают многие авторы, а принадлежала к казачьему роду Хлыновских станицы Кокпетинской...» [Шульдяков, 2004, с. 48]. По воспоминаниям родной сестры генерала – Анны Георгиевны, «Хлыновские переселились в Кокпекты с Бийской линии, вероятно, в сороковых годах, когда русские, оттесняя киргиз на юго-запад, основывали новые поселения и, привлекая разными льготами, заселяли их семейными казаками из старых станиц. Живя на Бийской линии, казаки имели близкое общение с алтайскими калмыками. Возможно, что в прежние времена, когда был большой недостаток в женщинах, а казачество пополнялось выходцами из Средней и Южной России, в том числе и ссыльными поляками, один из предков матери поляк, судя по фамилии, женился на калмычке. Вот откуда берет начало наш монгольский тип с материнной стороны» [Корнилова, 1919, с. 20-21]. Следует подчеркнуть, что по другой, уже общественной линии, через своего отца Л.Г. Корнилов изначально связан с движением сибирских областников. Еще в молодости «первый почетный гражданин Сибири» Г.Н. Потанин стал другом их большой, многодетной семьи [Цветков, 2017, ч. 1].

Акцентируя сибирское происхождение генерала Корнилова, необходимо вместе с тем иметь в виду связанную с этим важным обстоятельством судьбоносную его ошибку, непоправимую, как выяснилось позже. Вместо того чтобы двинуться со своими многочисленными соратниками-корниловцами на родину – в Сибирь, он ввязался в бесперспективную и для себя лично, и для всех русских патриотов борьбу за создание на казачьем Юге опорной базы освободительного Белого движения. Вскоре основатель Добровольческой армии пожалел о том, что не направился на Восток. «Сибирь я знаю, – говорил он, – в Сибирь я верю; я убежден, что там можно поставить дело широко. Здесь же (т.е. на Юге России – В.Д.) с делом легко справится и один генерал Алексеев. Я убежден, что долго

здесь оставаться буду не в силах. Жалею только, что меня задерживают теперь и не пускают в Сибирь, где необходимо начинать работу возможно скорей, чтобы не упустить время» [цит. по: Цветков, 2017, ч. 4]. Л.Г. Корнилов рассчитывал перебраться на свою родину, которую надеялся поднять на борьбу с большевистской контрреволюцией. «В апреле 1918 г. с юго-запада России проехали на Восток полковник Глухарев и генерал Флуг, – сообщает участвовавший в гражданской войне русский историк-сибиряк Е.Е. Колосов, – уполномоченные генерала Корнилова, через которых он, – если не организационно, то идейно, – пробовал связаться с сибирскими цензовыми [т.е. влиятельными предпринимательскими – *В.Д.*] кругами». По свидетельству Колосова, в личном его архиве хранились «копии писем полковника Глухарева к генералу Корнилову, в которых он сообщал о своих сибирских связях с военными кругами и с областниками». Собственно говоря, «сам факт связи» с командованием Добровольческой Белой армии Г.Н. Потанин и его товарищи по движению никогда не скрывали. Е.Е. Колосов подчеркивает, что «имя генерала Корнилова в то время в Сибири, в цензовых кругах и в части интеллигенции, было окружено необычным ореолом и пользовалось исключительным моральным авторитетом» [Колосов, 1923, с. 59]. Иное дело – властолюбивый адмирал А.В. Колчак с его непомерными амбициями, по стечению обстоятельств занявший после удавшегося военного переворота в ноябре 1918 г. лидерскую нишу, опустевшую из-за бессмысленной и нелепой гибели на Дону Л.Г. Корнилова.

Колчаковское правительство, по мнению современника, «представляло из себя какое-то удивительное собрание людей безнадежно бездарных в государственном и политическом отношении. Менее же всего к роли государственного деятеля, да еще призванного править страной в эпоху гражданской войны, когда такую роль получают в общественной жизни народные массы, был подготовлен сам Колчак» [Колосов, 1923, с. 59]. Хотя к тому самому моменту на гигантском пространстве от Волги до Тихого океана большевистский режим был уничтожен. Причем для его ликвидации хватило усилий небольшого по численности военного контингента – пресловутых «белых» чехословаков, сибирских казаков и ополченцев. Административно-политический центр управления страной фактически уже переместился к осени 1918 г. в Сибирь. Сюда же был вывезен из Казани практически весь государственный золотой запас. Однако при всех своих дореволюционных научных и военных заслугах, А.В. Колчак не сумел справиться ни с миссией временного Верховного правителя России, ни тем более с чрезвычайно ответственной ролью главнокомандующего вооруженными силами антибольшевистского общенационального Сопrotивления. Окажись на его месте Л.Г. Корнилов, историческая судьба как России, так и, в особенности, Русской Сибири могла бы, наверное, стать совсем иной.

Но в конечном итоге Ленину с Троцким досталась «пиррова победа», так как они угодили в «диалектический капкан» реальной истории. По сути своей инициированный ими государственный переворот отрицал предыдущую (февральско-мартовскую) демократическую народную революцию 1917 г., которая, в свою очередь, являлась последовательным отрицанием Империи. Лидеры «победившего пролетариата» оказались в парадоксальной ситуации «отрицания отрицания», которая точно соответствует канонам классической диалектики Гегеля.

По многим позициям в 1917–1918 гг. В.И. Ленин действовал как оппортунист и ревизионист в отношении доктрины ортодоксального марксизма, сторонником которой себя лицемерно провозглашал. Так, переманивая колеблющихся левых радикалов, он заявлял о себе как федералисте и стороннике народнической аграрной программы. Неслучайно бывшего своего «ученика» Г.В. Плеханов подверг в 1917 г. очень жесткой критике за уклон в «анархистскую ересь», именуя его при этом «воскресшим Бакуниным» [подробнее см.: Тютюкин, 2008]. Однако, по сути, Ленин вместе с единомышленниками реализовывал тот самый наихудший вариант, который М.А. Бакунин обозначил в своей программной работе 1862 г. как «Пугачев из русского университета», то есть в полном соответствии со знаменитым мрачным прогнозом Жозефа де Местра.

Хотя большевики не без успеха временно замаскировались под левых радикалов, на самом же деле они выступали в исторической роли подлинных контрреволюционеров, которые «воленс-ноленс» обязаны были заново реставрировать Империю с ее авторитарной всевластной вертикалью бюрократического государственно-централизованного централизма. Какой уж тут мог быть добровольный Союз народов! А если учесть, что на протяжении своей действительно революционной биографии В.И. Ленин являлся бескомпромиссным врагом имперской государственности, то для него персонально, как для вождя правящей партии, подобный идейный диссонанс означал неизбежную и скорую политическую смерть. В сравнении с ним самим и соратниками по «ленинской гвардии» И.В. Сталин, будучи реалистом и прагматиком, не мог сопротивляться диалектике истории. Напротив, он стал решительно восстанавливать имперское традиционное государство из подручного материала, которым располагал в тот момент. Пригодился ему и марксистский «государственный коммунизм».

В течение так называемого советского периода состоялась поэтапная реставрация имперской бюрократической «вертикали власти». Характерной ее особенностью является традиционно авторитарное **назначение** должностных лиц номенклатуры центрального и регионального государственного управления «сверху вниз» (а не демократической **выборности** «снизу вверх», как в федерациях). Под камуфляжем внешне федералистской аббревиатуры «СССР», истинной целью руководителей которого была реализация мессианской химеры («коммунизм – это светлое будущее

всего человечества»), на самом деле скрывалось традиционное имперское государство с поистине беспредельными экспансионистскими устремлениями. Что же касается личности верховного правителя Красной Империи времен ее триумфа (конец 1940-х – начало 1950-х гг.), то парадный портрет генералиссимуса – наглядное тому подтверждение. На нем бывший генсек партии революционных коммунистов уже и внешним антуражем напоминал не «народного вождя» Ленина, а череду российских императоров, которые по традиции всегда изображались в мундирах. Вот вам и реальная военная диктатура, которой так боялись фальшивые «демократы» и «либералы» образца 1917 г.

Понятно, что драматические искривления и ошибки отечественной истории сегодня выправить нельзя. В нашей компетенции остается только добросовестная исследовательская интерпретация Прошлого, цель которой состоит в том, чтобы очистить, наконец, общественное сознание от ложных трактовок событийного контекста давно минувшей великой эпохи.

Литература

1. Бакунин М.А. Народное дело: Романов, Пугачев или Пестель? // Бакунин М.А. Анархия и Порядок: сочинения. М.: ЭКСМО-Пресс, 2000. 704 с.
2. Гиппиус З.Н. Живые лица: в 2 кн. Кн. 1. Тбилиси: Мерани, 1991. 397 с.
3. Данилов А.Г. Альтернативы в истории России: мифы и реальность (XIV-XIX вв.). Ростов н/Д: Феникс, 2007. 317 с.
4. Деникин А.И. Борьба генерала Корнилова: август 1917 г. – апрель 1918 г. М.; Берлин: Директ MEDIA, 2016. 513 с.
5. Должиков В.А. М.А. Бакунин об альтернативных вариантах политического процесса в России (идеология «Народного Дела» 1860-х гг. // Вопросы политологии. Вып. 4. Барнаул: Изд-во АлтГУ, 2011. С. 45-61.
6. Должиков В.А. Проекты реставрации земских представительных учреждений в России в эпоху первой политической «оттепели» (1855-1862 гг.) // Представительная власть в Российской Федерации: история, теория и современность: материалы Всеросс. науч.-практ. конф. (с междунар. участием). Барнаул: Изд-во ААЭП, 2013. С. 37-40.
7. Иваницкий В.Г. Фундаментальный лексикон // Знание – сила. 1994. № 6. С. 129-131.
8. Кенез П. Красная атака, белое сопротивление: 1917–1918 / пер. с англ. К.А. Никифорова. М.: Центрполиграф, 2007. 287 с.
9. Кенез П. Красная атака, белое сопротивление: 1917-1918. 2-е изд. М.: Центрполиграф, 2015. 583 с.
10. Колосов Е.Е. Сибирь при Колчаке. Воспоминания, материалы, документы. Пг.: Былое, 1923. 190 с.

11. Комаровский Е.Ф. Л.Г. Корнилов // Белое движение: Исторические портреты: Л.Г. Корнилов, А.И. Деникин, П.Н. Врангель... М.: Астрель: АСТ, 2006. С. 11-46.
12. Корнилова А.Г. Мои воспоминания о брате Л.Г. Корнилове // Иртыш. 1919. № 24. С. 14-21.
13. Могильницкий Б.Г. Альтернативность в истории советского общества // Вопросы истории. 1989. № 11. С. 5-17.
14. Потанин Г.Н. Областничество и диктатура пролетариата // Сибирская жизнь. 1917. № 153. 18 июля.
15. Придорожный А.В. Проблема альтернатив общественного развития периода революции 1917 года в отечественной историографии: автореф. дисс....канд. ист. наук. Тюмень, 2001.
16. Рунов В.А. Легендарный Корнилов: «Не человек, а стихия». М.: Эксмо-Яуза, 2014. 430 с.
17. Русакова О.Ф. Лики российского радикализма. Екатеринбург: УИФ НАУКА, 1994. 95 с.
18. Рыжков В. Корни генерала Корнилова // Казахстанская правда. 2012. № 66. 8 марта.
19. Струве П.Б. Patriotica: Россия, Родина, Чужбина. СПб.: Изд-во Рус. Христиан. гуманист. ин-та, 2000. 349 с.
20. Тютюкин С.В. Г.В. Плеханов и В.И. Ленин: Штрихи к политическим портретам // VIII Плехановские чтения: Россия в 1912–1922 гг.: период социально-политического слома и национальной консолидации / 30 мая – 1 июня 2008 г.: материалы к конференции. СПб., 2008. С. 33-39.
21. Шапошников Б.М. Воспоминания // Военно-научные труды. 2-е изд. М.: Воениздат, 1982. 560 с.
22. Шевелев В.Н. Все могло быть иначе: альтернативы в истории России. Ростов н/Д: Феникс, 2009. 349 с.
23. Шульдяков В.А. Лавр Корнилов: Годы в Сибири // Сибирская жизнь. 1992. № 20, май.
24. Шульдяков В.А. Гибель Сибирского казачьего войска: 1917-1920: в 2 кн. Кн. 1. М.: Центрполиграф, 2004. 748 с.
25. Цветков В.Ж. Генерал Лавр Георгиевич Корнилов: в 4 ч. Ч. 1. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.dk1868.ru/statii/kornilov1.htm> (дата обращения 12.11.2017)
26. Цветков В.Ж. Генерал Лавр Георгиевич Корнилов: в 4 ч. Ч. 4. [Электронный ресурс]. URL: http://ruskline.ru/monitoring.smi/2008/12/15/general.lavr.georgievich.kornilov_chast.chetvertaya/ (дата обращения 13.11.2017)
27. Янов А.Л. Очерки истории русского национализма: 1825-1921. Новосибирск: Сибирский хронограф, 1999. 368 с.
28. Янов А.Л. Патриотизм и национализм в России: 1825-1921. М.: ИКЦ «Академкнига», 2002. 398 с.

И.А. Ерёмин
*ФГБОУ ВО «Алтайский государственный
педагогический университет»
(Барнаул, Россия)*

Государственный переворот в феврале 1917 г. как результат предательства правящей элиты: уроки истории

В рамках самодержавной православной монархии нашими предками была создана не только самая большая держава в мире, но и самобытная российская цивилизация от Балтийского моря до Тихого океана. Именно самодержавная власть смогла собрать, обустроить и сохранить гигантские пространства, населенные сотнями племен, народностей и народов от Лодзи до Владивостока, от Тампере до Кушки. При этом все самые малые народности, став частью российской цивилизации, приумножились количественно. Многие из них получили свои алфавит и письменность, смогли познакомиться с сокровищницами великой русской культуры, которая именно при самодержавии дала мировой цивилизации «золотой и серебряный века» литературы. Самодержавная Россия в начале XX в. входила в первую пятерку наиболее промышленно развитых стран мира и являлась одним из крупнейших экспортеров сельскохозяйственной продукции на планете. Наша страна в это время демонстрировала впечатляющие темпы роста не только в экономике, но и в социальной сфере. Все это свидетельствовало о жизнеспособности существовавшей в тот период системы и ее огромном потенциале для успешного решения встающих перед страной проблем в будущем.

Со времен императора Петра I в нашей стране шла борьба между теми властителями, кто стремился сохранить самобытную российскую цивилизацию, и теми, кто хотел сделать Россию неравноправной частью западноевропейской цивилизации. Сам император Петр I, будучи убежденным западником, заложил в правящей дворянской элите комплекс неполноценности перед западноевропейской цивилизацией. В XIX в. в ходе споров о перспективах исторического пути развития России между западниками и славянофилами четко обозначились те силы в правящей элите, которые были готовы развернуть нашу страну в русло западноевропейской цивилизации. Речь шла о либералах-западниках. Именно их великий русский писатель Ф.М. Достоевский характеризовал как людей, ненавидящих народные обычаи, русскую историю, отрицающих саму Россию. Они, будучи проводниками идеологии крупного капитала, стремились уничтожить монархию, мешавшую буржуазии установить общественный строй, главным мерилом которого будет обогащение любой ценой. Среди них преобладали идейные сторонники П.Я. Чаадаева, который является самым ярким персональным символом презрения к истории нашей Родины и одиозного

преклонения перед западноевропейской цивилизацией. Они стремились к тому, чтобы в нашей стране, перефразируя известные строки А.С. Пушкина, «не было русского духа и не пахло Русью».

П.Я. Чаадаеву и его последователям-русофобам великий русский поэт Н.М. Языков посвятил такие строки:

«Вполне чужда тебе Россия;
Твоя родимая страна!
Ее предания святыя
Ты ненавидишь все сполна».

Реформы императора Александра II стали временем начала активной деятельности либералов-западников по изменению русского общественного сознания, основанного на самодержавно-православной концепции «Москва – Третий Рим» и теории «официальной народности». С этой целью либералы-западники, опираясь на свои огромные материальные ресурсы, в течение нескольких десятилетий распространяли и пропагандировали в нашей стране такие западноевропейские учения, как дарвинизм, ницшеанство и марксизм. Эта деятельность не прошла бесследно. В начале XX в. русское общество оказалось в серьезном морально-нравственном кризисе. Об этом, прежде всего, свидетельствовало ослабление религиозного чувства среди государствообразующего русского народа, нарастание нигилистических настроений в отношении института самодержавной монархии. Русское общество было готово отказаться от своих традиционных морально-нравственных и политических устоев в угоду ценностям западноевропейской цивилизации. Поэтому в 1917 и нескольких последующих годах борьба за выбор путей исторического развития нашей страны развернулась между западноевропейским либерализмом и западноевропейским марксизмом.

В годы Первой мировой войны либеральные прозападные силы решили, что настал их час для осуществления своих замыслов. Следует подчеркнуть, что к началу 1917 г. в России в условиях продолжавшейся четвертый год мировой войны не было такой критической ситуации, которая неминуемо вела бы к социальному взрыву и краху существовавшего общественно-политического строя. При всех проблемах военного времени в стране было стабильное продовольственное снабжение. Между тем в Германии зимой 1916-1917 гг. от голода умерло около 800 тысяч человек [Партия, 2017, с. 3].

К этому времени под руководством императора Николая II успешно завершился перевод российской экономики на военные рельсы. Армия преодолела нехватку вооружений и боеприпасов. К 1917 г. на одно орудие приходилось 4000 снарядов – вчетверо больше, чем в начале войны [Стариков, 2007, с. 18]. На весну 1917 г. планировалось наступление на всех

фронтах 60 хорошо оснащенных и подготовленных корпусов в составе 120 дивизий, и оно было бы для самодержавной России победоносным. До русской победы оставалось всего несколько месяцев. Текстильные фабрики страны получили правительственный заказ на пошив для парада победы в Берлине тысяч кавалерийских шинелей и головных уборов, стилизованных под шлемы древних русичей, названных «богатырьками». Широким кругам нашего народа эти головные уборы станут известны как «будёновки», названные так по фамилии командующего Первой конной армии советских войск в годы гражданской войны.

Грядущую русскую победу любой ценой стремились не допустить союзники России по Антанте. Здесь следует особо остановиться на геополитическом аспекте февральского государственного переворота. По приглашениям, подписанным в 1915-1916 гг. между Россией, Великобританией и Францией, после победоносного завершения мировой войны, к нашей стране должны были перейти Константинополь с проливами Босфор и Дарданеллы, а также Турецкая Армения. Это означало превращение России в мировую сверхдержаву. В данной ситуации единственным вариантом для правящих кругов Великобритании и Франции по предотвращению такой перспективы был государственный переворот по устранению законной национально и государственно ориентированной власти в нашей стране под руководством императора Николая II и утверждение в качестве правителей своих марионеток в лице либералов-западников.

Весь дипломатический и разведывательный корпус Великобритании и Франции в России был брошен на поддержку своих агентов влияния. Особенно активно действовал на этом поприще британский посол Бьюкенен, который в январе 1917 г. в беседе с Николаем II намекал ему на возможность дворцового переворота, а представитель правительства Великобритании Мильнер в то же самое время пытался убедить царя во избежание этих событий создать ответственное перед Госдумой правительство. По сути, они предлагали императору согласиться со сменой государственного строя в разгар мировой войны. Это было абсолютно неприемлемо и губительно для страны, и царь эти предложения отклонил. Русские спецслужбы сообщали, что во время посещения Великобритании и Франции делегацией Госдумы во главе с П.Н. Милюковым весной 1916 г., отдельные ее представители получили обещание моральной поддержки от местного мasonicского центра, что способствовало активизации борьбы с русским правительством в конце 1916 г. [Соловьёв, 1986, с. 124-125, 174-177].

Либерально-западнические агенты влияния внутри нашей страны в этот период группировались вокруг руководителей партий кадетов и октябристов П.Н. Милюкова и А.И. Гучкова, а также председателя четвертой Государственной думы М.В. Родзянко [8, 2002, с. 18-22]. Четвертая Государственная дума стала штабом по организации государственного переворота потому, что именно отсюда шла четкая координация действиями раз-

личных организаций, преследовавших общую цель – ликвидации существующего общественно-политического строя.

В конце XX – начале XXI в. в словаре политических терминов прочно утвердилось понятие «цветная революция». Этот термин использовался для характеристики событий, в ходе которых были свергнуты законные правительства в Восточной Европе, Северной Африке, на Ближнем Востоке. С помощью «цветных революций» реализуются геополитические интересы западной цивилизации, которая на протяжении столетий стремится доминировать над остальным миром и навязывать другим народам свою модель общественно-политического устройства. Все это необходимо правящим элитам западной цивилизации для продолжения грабительской эксплуатации целых континентов, с помощью которой можно поддерживать высокий уровень жизни населения Северной Америки и Западной Европы.

Между тем идеолог «цветных революций» британец Джин Шарп прямо заявил, что создавая свою теорию, учился на страницах истории борьбы с царизмом в России, особенно тщательно изучая Февральскую революцию. Результатом обобщения российского опыта стала его знаменитая книга «От диктатуры к демократии». Суть теории «цветной революции» заключается в том, чтобы найти слабые стороны власти. Для этого нужно ухудшить то, что уже является проблемой, и привлечь к этому всеобщее внимание. Первый этап борьбы за свержение существующего правительства включает в себя организацию разного рода акций протеста, распространение в обществе понятия «нелигитимность власти». Второй этап проходит под знаком дискредитации силовых структур и государственного аппарата, агитации к саботажу и вредительству. Третий этап завершается свержением законной власти. Следовательно, сам автор теории «цветных революций» признал, что первой победоносной «цветной революцией» в XX в. являлся государственный переворот в России в феврале 1917 г.

Проследим, как на практике главным действующим лицам удалось осуществить государственный переворот в феврале 1917 г. при опоре на созданные ими общественно-политические структуры в рамках трех этапов «цветной революции». Итак, в самом начале подрывной антигосударственной деятельности заговорщики должны были создать в русском обществе устойчивое представление о нелигитимности существовавшей царской власти. С этой целью в августе 1915 г. в Госдуме при активном участии П.Н. Милюкова, А.И. Гучкова и М.В. Родзянко был создан либерально-западнический «Прогрессивный блок». Он должен был максимально препятствовать плодотворной деятельности правительства, обвиняя его во всех смертных грехах, прежде всего в предательстве и коррупции, и требуя его отставки [Родзянко, 2002, с. 278-279]. Чего только стоит поджигательская речь П.Н. Милюкова с трибуны Госдумы 1 ноября 1916 г., в которой он голословно, ссылаясь на публикации в германских и австрийских газе-

тах, обвинил премьер-министра России Б.В. Штюрмера в подготовке сепаратного мира с Германией [Государственная Дума, 1995, с. 44-48]. Эта подрывная деятельность была вполне успешной – за годы войны сменилось четыре главы правительства.

Либерально-западническая пресса играла роль рупора идеологов государственного переворота и должна была максимально дискредитировать царя, его семью и ближайшее окружение. Императрицу Александру Фёдоровну, немку по происхождению, либеральная пресса безнаказанно и бездоказательно обвиняла в тайном шпионаже в пользу Германии. Пожалуй, ни один царь в истории России не подвергался такому поношению, как Николай II еще в период своего царствования. Самые скверные анекдоты о «Николашке», его жене- «немке», похождениях Гришки Распутина при дворе стали признаком времени [Июффе, 1992, с. 17].

Таким образом, цель первого этапа подготовки «цветной революции» была достигнута: в общественном сознании к началу 1917 г. прочно утвердилась мысль, что существующая царская власть нелегитимна и преступна.

Теперь наступила очередь второго этапа. Либералам-западникам нужно было любой ценой дискредитировать русскую армию путем отрицания ее успехов на поле боя под руководством императора Николая II. При этом сами либералы дело помощи воюющей русской армии свели к подготовке государственного переворота. Так, созданный летом 1915 г. Центральный военно-промышленный комитет, возглавляемый А.И. Гучковым, занимался не столько вопросами обеспечения поставок необходимого действующей армии снаряжения, сколько созданием в тылу и на фронте разного рода антиправительственных структур.

Либералы, используя принадлежащую им прессу, трибуны Государственной думы и созданных ими многочисленных «общественных организаций», рисовали в народном сознании картину постоянно терпящей поражения, разутой, раздетой и голодной русской армии, которую довел до такого состояния нелегитимный и преступный царский режим. Даже блестящие победы русского оружия на Юго-Западном фронте весной-летом 1916 г. в ходе знаменитого Брусиловского прорыва ничего, кроме осуждения царской власти со стороны либералов-западников, не вызвали. В целом, они сумели вложить в общественное сознание мысль о вине царя за якобы бедственное положение русской армии к 1917 г.

Между тем организаторы государственного переворота на самом деле оценивали состояние русской армии к 1917 г. совсем по-другому. Вот что по этому поводу писал в своем дневнике П.Н. Милюков: «Мы знали, что весной предстояли победы русской армии. В таком случае престиж и обаяние царя в народе снова сделались бы настолько крепкими и живучими, что все наши усилия расшатать и свалить престол самодержца были бы тщетны. Вот почему и пришлось прибегнуть к скорейшему революци-

онному взрыву». [Император, 2016, с. 117]. Как видим, заговорщики даже не сомневались в неизбежных победах русской армии. Именно это привело их к паническим настроениям. Они откровенно признавались, что делали все возможное для расшатывания существовавшей власти. Главную угрозу для осуществления своих преступных планов они видели в неизбежном победоносном наступлении русской армии весной 1917 г. Этим самым они опровергали свои публичные истерические кликушества о якобы полном крахе промышленности и сельского хозяйства в нашей стране из-за провальной политики самодержавия. Подготовить к победоносному наступлению армию без дееспособной экономики, как известно, просто невозможно. Теперь остановить предстоящую русскую победу мог только предательский переворот.

Не менее важную роль во втором этапе подготовки «цветной революции» в России на рубеже 1916-1917 гг. играл организованный либералами-западниками саботаж. Еще советский историк Н.Н. Яковлев в своей монографии обратил внимание на синхронность резких нападков на власть со стороны либералов-западников в начале ноября 1916 г. в Госдуме с резким ухудшением продовольственного снабжения населения крупных городов и действующей армии на фронте. До ноября 1916 г. вооруженные силы России имели запас продовольствия на два месяца, к февралю 1917 г. – на несколько дней. Н.Н. Яковлев в советский период первым из исследователей доказал, что подобная ситуация стала следствием сознательного саботажа либеральных заговорщиков, логическим продолжением их тактики «чем хуже, тем лучше», попыткой с помощью искусственно созданного продовольственного кризиса поднять самые широкие массы народа на свержение царской власти [Яковлев, 1974, с. 205-207].

В последнее время вышло значительное количество исследований, в которых на документальной основе показан масштаб саботажа в деле продовольственного снабжения русской армии и населения крупных городов на рубеже 1916-1917 г. Так, в Западной Сибири зимой 1916-1917 г. на станциях Алтайской железной дороги между Семипалатинском и Бийском скопилось четыре миллиона пудов мяса. Для вывоза такого количества мяса не хватало вагонов. Мясо было свалено под открытым небом, в результате чего значительная его часть пришла в негодность. Между тем когда военное начальство вмешалось в эту ситуацию, на железных дорогах между Омском и Семипалатинском было обнаружено до тысячи пустых вагонов [Ерёмин, 2010, с. 41]. Таких вопиющих актов саботажа в это время было немало по всей стране.

«Мозговым центром», где принимались стратегические решения по руководству всеми этапами «цветной революции», была масонская ложа «Великий Восток народов России», в состав которой входили главные участники антигосударственного заговора. Основной задачей политического масонства являлась ликвидация монархии. В 1916 г. генеральным секретарем

рем ложи был избран адвокат, лидер Трудовой группы Четвертой государственной думы А.Ф. Керенский [Старцев, 1984, с. 54].

Стоит в этой связи обратить внимание на название ложи. Сначала ее создатели собирались дать ей название «Великий Восток России» по аналогии с хорошо знакомой им ложей «Великий Восток Франции». Но руководитель киевского отделения ложи М.С. Грушевский, идеолог украинского национализма, был категорически против слова «Россия». Центральное руководство ложи пошло навстречу его требованию удалить словосочетание «народы России» в ее названии. Это не было случайностью. В угоду своим англо-французским хозяевам-кукловодам руководители государственного переворота собирались отбросить Россию к границам XVI в. путем предоставления независимости Польше, Финляндии и создания искусственных никогда ранее не существовавших государственных образований вроде Украины.

Особую опасность для судеб власти и страны представлял тот факт, что с середины 1916 г. думско-масонские заговорщики установили тесные связи с высшим генералитетом во главе с начальником штаба Верховного главнокомандующего генерал-адъютантом М.В. Алексеевым, который входил в состав Военной масонской ложи [Платонов, 2001, с. 189-190]. Кстати, осенью 1916 г. русские спецслужбы уличили А.И. Гучкова в переписке с генералом М.В. Алексеевым. Эти письма в самодельных копиях разошлись по всей стране. Императрица Александра Фёдоровна в письмах к Николаю Второму требовала повесить А.И. Гучкова [Старцев, 1984, с. 59].

Либерально-масонские заговорщики прорабатывали несколько вариантов захвата власти. Первый вариант предусматривал захват Николая II в Царском Селе или Петергофе. Второй вариант предусматривал возможность произвести эту операцию в Ставке. Самым кровавым был так называемый крымский заговор. Генерал-масон А.М. Крымов предлагал осуществить убийство царя на военном смотре в марте 1917 г. [Платонов, 2001, с. 189, 192]. Существовали также планы разбомбить царский автомобиль с воздуха при проезде его по дороге на фронт [Яковлев, 1984, с. 218]. В январе 1917 г. заговорщики остановились на идее захвата царского поезда на пути из Петрограда в Ставку Верховного главнокомандующего [Керенский, 1993, с. 106].

В 20-х числах февраля 1917 г. механизм антигосударственного переворота, когда, по словам Николая II, кругом царили «измена, трусость и обман», был запущен. Это был третий, последний этап «цветной революции», нацеленный на свержение законной власти. Этот этап, по сути, стартовал с невиданной по дерзости речи А.Ф. Керенского в Госдуме в середине февраля 1917 г. Руководитель масонской ложи «Великий Восток народов России» тогда заявил буквально следующее: «Исторической задачей русского народа в настоящий момент, является задача уничтожения сред-

невекового режима немедленно, во что бы то ни стало. Как можно законными средствами бороться с теми, кто сам закон превратил в оружие издевательства над народом? С нарушителями закона есть только один путь борьбы – физического их устранения» [Государственная Дума, 1995, с. 259]. Такого в адрес монархии еще никто не позволял себе говорить. Обращает на себя внимание спокойная уверенность одного из главных организаторов государственного переворота. Он знал, что ему и всем его подельникам обеспечена внутренняя и внешняя поддержка могущественных сил, которые приступили к исполнению последнего акта русской драмы.

Здесь надо остановиться подробнее на действиях и бездействии императора Николая II в эти судьбоносные для нашего Отечества дни. Надо прямо сказать, что царь совершил несколько непростительных ошибок еще задолго до февраля 1917 г. Николай II считал, что самодержавие должно делать ставку «на простой народ», «на мужика», а не на «европеизированную общественность». Но на практике он поступился самодержавным принципом задолго до 1917 г. Уступки по пути либерализации, на которые пошел император (Октябрьский манифест 1905 г.), не улучшали политического положения в стране, не укрепляли самодержавную власть. Напротив, они еще больше возбуждали ту же самую «общественность», и некоторые наиболее решительные ее представители становились еще требовательнее. С.Ю. Витте, занимавший в эпоху правления императора Николая II посты министра финансов и главы правительства, однажды заметил, что отечественные либералы напоминали ему шахматного игрока, который, выиграв партию, хватается доску и начинает бить ею своего противника по голове [Июffe, 1992, с.12]. В самом деле, созданная Манифестом 17 октября 1905 г. Госдума станет в феврале 1917 г. штабом по организации государственного переворота.

Другая серьезная ошибка состояла в непродуманном решении царя в разгар мировой войны перевести Ставку Верховного главнокомандующего из Петрограда в провинциальный Могилев. Это оторвало Николая II от пульса политической жизни столицы империи и не позволило ему лично принять оперативные решения для подавления начавшихся беспорядков. Еще более серьезным просчетом выглядит его кадровая политика. В ней практически не нашлось места способным управленцам из числа патриотов-монархистов.

Но самый серьезный провал в руководстве государством и страной император допустил, отказавшись от ответственности за неизбежное большое кровопролитие при подавлении мятежа и восстановлении порядка. Он даже не прислушался к требованиям своей супруги, императрицы Александры Фёдоровны, немедленно арестовать и казнить двух главных организаторов переворота – А.И. Гучкова и А.Ф. Керенского. Выполнил царь лишь первую часть требования, в результате чего были бы в самом деле арестованы два главных поджигателя русского государственного зда-

ния, и история могла пойти другим путем. Ведь сам факт того, что власть наконец-то применила силу закона против врагов Государства Российского, мог полностью расстроить планы внутренних и внешних организаторов переворота, а последующая вслед за этим русская победа на фронте сделала бы в принципе невозможными любые усилия расшатать русские государственные устои. К сожалению, император Николай II проявил непротистительную слабость и безволие, тем самым подписав смертный приговор и государству, и себе самому, и своей семье.

Между тем инспирированный либерально-масонскими заговорщиками «хлебный бунт» в столице перерос в настоящий мятеж, когда на сторону бунтовщиков перешли войсковые части. В этом направлении успешно поработали и агенты британских спецслужб, которые платили солдатам запасного Павловского полка по 25 рублей, чтобы они выходили из казарм и не подчинялись своим офицерам [Стариков, 2007, с. 27]. И конечно, британское посольство в эти дни проявляло нескрываемую активность в деле всесторонней поддержки всех антиправительственных сил в Петрограде. На долгие годы в отечественном общественном сознании сложилось твердое убеждение, что «душой» Февральского переворота 1917 г. был пусел Великобритании, который своей деятельностью «воодушевлял и помогал революционным элементам России» [Родзянко, 2002, с. 265].

Известный в современной России ученый в области геополитики А.Г. Дугин подчеркивает, что эта наука районирует пространства и общества по своему главному критерию: одни страны относятся к цивилизации Моря, то есть к Западу, к Империи торгово-колониального типа; другие – к цивилизации Суши, к Империи консервативных ценностей. По мнению А.Г. Дугина, в России, которая относится к цивилизации Суши, «пятая колонна» традиционно состоит из тех сил, которые стоят на стороне цивилизации Моря. Но кроме «пятой колонны» традиционным врагом России является также и «шестая колонна». В ее состав входят те, кто борется за власть в России, но при этом они стоят за либеральную, прозападную Россию, за глобализацию и интеграцию в западный мир, за европейские ценности и институты. Они стоят за то, чтобы Россия стала процветающей корпорацией в мире, где правила и законы устанавливает глобальный Запад, частью которого России суждено стать.

В феврале 1917 г. российская цивилизация Суши столкнулась в смертельной схватке с англо-французской цивилизацией Моря. Победить цивилизации Моря активно помогала не только «пятая колонна» ее агентов влияния из числа деятелей «Прогрессивного блока», но и «шестая колонна». Без ее активной поддержки переворота у него просто не было шансов на успех. Вот самые яркие примеры этой деятельности в те драматические дни. Генералы, прежде всего Гурко, не выполнили приказ императора о переброске в Петроград частей гвардейской кавалерии. Командующий Петроградским гарнизоном генерал Хабалов запретил войскам применять

оружие против участников антиправительственных беспорядков. В разгар мятежа на улицах Петрограда военный министр генерал Беляев отдал распоряжения войскам, фактически означавшие капитуляцию власти перед бунтовщиками: «Целить так, чтобы не попадать», «стрелять так, чтобы пули ложились впереди демонстрантов, никого не задевая» [Стариков, 2007, с. 27-28]. До 27 февраля царь, находясь в Ставке Верховного главнокомандующего, получал искаженное представление о происходившем в Петрограде из-за предательской деятельности генерала М.В. Алексеева. 28 февраля из Могилева император выехал в Царское Село. 1 марта, приехав в Псков, царь оказался пленником в руках генералов-изменников, требовавших его отречения от престола [Платонов, 2001, с. 198-199]. Среди командного состава не нашлось никого, кто вступился бы за своего царя. Николай II оказался в ситуации, когда на него был нацелен пистолет, и на мушке была не только его жизнь, но и будущее страны [Боханов, 1995, с. 359].

В этих условиях он отрекся от престола в пользу брата, великого князя Михаила Александровича. Но лидеры либерально-масонского заговора уговорами, а А.Ф. Керенский – угрозой смерти, заставили и его отречься от престола [Июффе, 1992, с. 71-75].

Как отмечалось выше, организаторы государственного переворота смогли возбудить народное возмущение и ловко направить его против царской власти многочисленными клеветническими утверждениями о якобы антигосударственных злоупотреблениях, допущенных императором. Комиссия Временного правительства, созданная для обнаружения доказательств «антинародной деятельности царя», ничего порочащего Николая II не обнаружила. Главный следователь В.М. Руднев закончил свой доклад словами: «Император чист, как кристалл» [Император, 2016, с. 135].

Между тем власть в России перешла в руки прозападных мятежников. 1 марта 1917 г., за день до отречения императора Николая II, руководство Великобритании и Франции официально признало самозваную власть своих марионеток-либералов в лице Временного правительства. Осуществленный либерало-масонскими заговорщиками государственный переворот в феврале 1917 г. был, прежде всего, нацелен на максимальное ослабление военной мощи России в угоду правящим кругам Антанты. «Приказ № 1», подготовленный Петроградским Советом рабочих и солдатских депутатов при фактическом одобрении либералов-западников, провозгласил переход законной военной власти к самозванным солдатским комитетам, ввел выборные начала при назначении на командные должности. Эти антигосударственные решения должны были подорвать основы боеспособности русской армии, полностью разрушить складывавшуюся веками структуру вооруженных сил и не дать нашей стране одержать победу в мировой войне.

После государственного переворота, в ходе которого был отстранен от власти Верховный главнокомандующий вооруженными силами России император Николай II, в стране возникло двоевластие в лице либерального Временного правительства и социалистического Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов. Такая ситуация и в центре, и на местах привела к многовластию и безвластию, анархии и управляемому хаосу.

Предав царя и многовековой институт монархии, правящее дворянское сословие подписало себе смертный приговор. Ведь само это сословие было порождением той государственной системы, которую оно разрушило в феврале 1917 г. В новых условиях сотни тысяч представителей дворянского сословия были обречены на гибель или изгнание. Историческое возмездие постигнет их через считанные месяцы после отстранения императора Николая II от власти.

За семь месяцев своей деятельности марионеточное Временное правительство полностью разрушило все скрепы Государства Российского, превратив его в руины. Каждый свой шаг либералы-марионетки выполняли по приказам своих кукловодов из Лондона, Парижа и Вашингтона, которые делали все возможное, чтобы прибрать к своим рукам русские богатства и сделать территорию бывшей Российской империи объектом их хищнической колониальной эксплуатации. В декабре 1917 г. на совещании в Париже была принята англо-французская конвенция о военнополитическом разделе между двумя странами территории России на сферы влияния. Однако к этому времени, благодаря деятельности марионеток из Временного правительства, их западные хозяева в экономическом плане уже разделили территорию России на сферы влияние, навязав ей внешнее управление.

Ненависть западной цивилизации и ее агентов влияния в России к приходу к власти большевиков в октябре 1917 г. объясняется предельно просто. Большевики с их глобальным антикапиталистическим проектом мировой социалистической революции полностью разрушили планы Запада в отношении России на многие десятилетия. Вместо расчлененной и отброшенной к границам XVI в. своей сырьевой колонии, находящейся под внешним управлением, Запад, к своему ужасу, получил на месте разрушенной Российской империи воссозданную большевиками в кратчайшие сроки в рамках Советского Союза историческую Россию почти в прежних границах. Советский Союз стал на многие десятилетия вторым самостоятельным центром силы во всемирном масштабе, добившись невиданных до сих пор в истории мировой цивилизации достижений по созданию общества социальной справедливости. Его пример вдохновил на антикапиталистическую, антиколониальную борьбу против западной цивилизации целые континенты. Именно социально-экономическая система, созданная большевиками в Советском Союзе, позволила нашей стране победить главного врага человечества – гитлеровский фашизм. Авторитет

Советского Союза в первые послевоенные годы был настолько велик, что правящие круги Запада всерьез опасались появления просоветских правительств даже в ведущих западноевропейских странах. Советский Союз, став мировой сверхдержавой, создал военно-политические и экономические союзы с участием социалистических стран, расположенных на разных континентах, предотвратив тем самым попытки коллективного Запада безнаказанно навязывать свои идейно-нравственные и социально-экономические принципы. Половина мира ориентировалась на ту систему ценностей, прежде всего социальную справедливость, которая утвердилась в Советском Союзе.

Так продолжалось до 1985 г. Приход к власти в нашей стране нового руководства во главе с М.С. Горбачёвым ознаменовал начало политического курса, прозванного в народе «катастрофкой». Этот народный термин появился из сложения первой и последней частей слов «катастрофа» и «перестройка». По существу, вся официальная политика перестройки осуществлялась под придуманным М.С. Горбачёвым лозунгом: «Перестройка. Революция продолжается». Уже сам этот лозунг должен был внушать нашему обществу тревогу, потому что революция, как известно, всегда предполагает коренной разрыв с прежней устоявшейся системой. Но, согласно советской историографии, революций в 1917 г. было две – Февральская буржуазно-демократическая и Октябрьская социалистическая. Тогдашнее советское общество было уверено, что речь в этом лозунге, разумеется, идет о продолжении Октябрьской социалистической революции.

Последующие события показали, что это было глубоким заблуждением. На самом деле, к великой трагедии для нашего государства и страны, в 1985 г. к власти пришли идейные наследники вождей февральского государственного переворота, политические правнуки А.И. Гучкова и А.Ф. Керенского. М.С. Горбачёв олицетворял ту часть партийной номенклатуры, которая была недовольна своим имущественным положением. Этим деятелей не устраивало, что они в условиях советской системы могли лишь временно пользоваться собственностью, которая принадлежала государству, а в его лице – всему народу. Им же хотелось быть полноценными частными собственниками, которые могли бы не только пользоваться, но владеть и распоряжаться собственностью по своему усмотрению. Произошло буржуазное перерождение той части партийной номенклатуры, которая была наиболее деятельна и амбициозна. Им была нужна реставрация капитализма в нашей стране при опоре на коллективный Запад во главе с США. Разумеется, разрушители Советского Союза, идя по политическим стопам своих либерал-марионеточных предшественников, заранее предполагали полную капитуляцию перед Западом и внешнее управление уже не над страной, а над разрушенной территорией, которая должна оказаться на месте некогда могучей державы.

13 марта 2010 г. в телевизионной программе «Вести в субботу» ее ведущий С. Брилёв посвятил значительный сюжет 25-летию со дня начала политики перестройки. На передачу был приглашен М.С. Горбачёв как главный «герой дня». Ведущий программы прямо заявил, что у него сложилось твердое убеждение о происходивших тогда событиях как об управляемом хаосе. Казалось бы, М.С. Горбачёв в присущей ему манере начнет говорить стандартные фразы типа «мы уже пришли, когда в стране был системный кризис», «ситуация повсюду была критическая» и т.д. Но на самом деле главный перестройщик спокойно и уверенно фактически подтвердил подозрения С. Брилёва: «А что вы имеете против хаоса? Запомните, все стоящее в мире рождается из хаоса!». Стоит напомнить в этой связи, что теория «цветных революций» и доктрина управляемого хаоса, как братья-близнецы, дополняют друг друга в деле сокрушения правительств, государств и стран.

Принципиальная разница с подготовкой и осуществлением крушения российской государственности в феврале 1917 г. и декабре 1991 г. заключается в том, что в начале XX в. объектом персональной атаки всех русофобских сил был император Николай II, который был символом монархической России. В конце XX в. формальный глава советско-коммунистической системы М.С. Горбачёв лично возглавил политический курс, направленный на ее уничтожение. При этом сама высшая власть сыграла предательскую роль и «пятой», и «шестой» колонн одновременно. В остальном весь механизм уничтожения государственности, приведенный выше, повторился под непосредственным руководством М.С. Горбачёва и его верного помощника А.Н. Яковлева.

Если либералам-западникам царского времени потребовалось более пятидесяти лет, чтобы вызвать сомнения в общественном сознании в правильности прежней государственной политики, то идеологам и пропагандистам эпохи перестройки при помощи гораздо более эффективных средств массовой информации, это удалось сделать за пять лет. Чего только стоит придуманный М.С. Горбачёвым перл о «периоде застоя», в который тот включил эпоху Л.И. Брежнева, когда в действительности наша страна достигла пика своего могущества в XX в. Теперь получалось, что Коммунистическая партия Советского Союза (КПСС) завела народ в исторический тупик. И очень многие в это поверили.

А дальше, как любил повторять в те годы М.С. Горбачёв, «процесс пошел». В самом деле, процесс крушения государства и страны шел и с каждым днем ускорялся. Первым об этой предательской политике, опираясь на солидную документальную базу, написал в своей книге под характерным заголовком «Перестройка: история предательств» глава советского правительства в годы перестройки Н.И. Рыжков [Рыжков, 1992]. Н.И. Рыжков доказал, что гибель СССР стала следствием целенаправленных действий М.С. Горбачёва и его ближайших соратников А.Н. Яковлева и

Э.А. Шеварднадзе, направленных на разрушение социально-экономических и политических устоев советского государства. Книга Н.И. Рыжкова стала первой в целом ряде исследований, посвященных уничтожению Советского Союза в годы перестройки. К ним добавился целый цикл документальных фильмов, посвященных этим трагическим событиям в жизни нашего народа.

Суммируя эти опубликованные и телевизионные материалы, можно прийти к следующим выводам. Сама высшая власть в рамках первого этапа подготовки «цветной революции» со всех экранов и трибун непрерывно вещала о своей нелегитимности. Ведь коммунистов теперь формально коммунистическая власть стала обвинять в незаконном захвате и удержании власти. И в это тоже поверила значительная часть пока еще советского народа.

Затем наступила очередь деморализации и разрушения силовых структур государства. Многим памятна провокация, связанная с приземлением на Красной площади в Москве в мае 1987 г. самолета, управляемого летчиком М. Рустом из ФРГ. Под предлогом того, что высшее военное руководство СССР якобы допустило преступную халатность в ходе этого инцидента, в отставку по приказу М.С. Горбачёва были отправлены сотни высокопоставленных офицеров во главе с министром обороны маршалом Соколовым. На самом деле военные с самого начала засекали нарушение границы самолетом, управляемым М. Рустом, и просили М.С. Горбачёва дать санкцию на использование соответствующих средств для предотвращения дальнейшего полета самолета-нарушителя. Чистка командного состава была связана с желанием М.С. Горбачёва убрать из вооруженных сил патриотов, которые останутся верны присяге и будут защищать Родину до конца. Такая же чистка произошла и в других силовых ведомствах, в том числе в Комитете государственной безопасности. На руководящие посты в них были поставлены сторонники Горбачёва. Такая же участь постигла и КПСС, которая являлась сердцевинной и фундаментом советской государственности. М.С. Горбачёв лишил ее статуса руководящей силы общества и, провозгласив в стране многопартийную систему, по сути, благословил все возникшие партии на борьбу с КПСС.

Далее наступила очередь использования саботажа для ускорения процесса крушения государства. М.С. Горбачёв и его соратники рассчитывали в рамках рукотворного саботажа вызвать самый серьезный кризис обеспечения населения СССР продуктами питания и товарами длительного пользования. Со второй половины 1987 г. с полок магазинов во всей стране исчезли самые необходимые продукты и товары. Одновременно повсеместно происходило в рамках политики саботажа уничтожение огромного количества продовольствия. Особое внимание уделялось тому, чтобы не допустить доставку продовольствия и товаров широкого потребления в столицу и крупные промышленные центры. При этом официальная пропра-

ганда на каждом шагу твердила, что в сложившейся ситуации виновата плановая система, социалистическая экономика, советская власть и коммунистическая партия.

Кризис снабжения разрушители нашего Отечества дополнили сознательным и целенаправленным разжиганием межнациональных противоречий и конфликтов. Сначала столкнули лбами русских и казахов в Алма-Ате, затем армян и азербайджанцев в Нагорном Карабахе. Заполыхала вся страна. Впервые со времен Великой Отечественной войны в стране появились тысячи беженцев. Все это делалось в рамках плана расчленения СССР по национальному принципу минимум на 15 частей. Затем эти части должны были перейти под внешнее управление коллективного Запада.

Чтобы ускорить процесс развала и расчленения страны, организаторы перестройки применили метод своих предшественников-февралистов. В стране снова появилось двоевластие. Только теперь оно ассоциировалось с противостоянием между союзным центром, который олицетворял М.С. Горбачёв, и руководством Российской Федерации, персональным символом которого в тот период стал Б.Н. Ельцин. Оба деятеля занимали одинаковую позицию по отношению к судьбам страны и государства. Управленческий рукотворный кризис, в организации которого с азартом и удовольствием участвовали оба руководителя, заметно приблизил гибель советского государства. Союзные республики, вслед за Российской Федерацией, стали также провозглашать независимость, и это означало фактическую гибель единой страны под названием Советский Союз. Печально знаменитые Беловежские соглашения в декабре 1991 г. формально констатировали исчезновение с политической карты мира СССР. За выдающиеся заслуги перед коллективным Западом М.С. Горбачёв получил Нобелевскую премию мира и медаль конгресса США «За победу в “холодной войне”».

Литература

1. Боханов А.Н. Император Николай II. М.: Русское слово, 1998. 568 с.
2. Государственная Дума 1906-1917: стенографические отчеты. Т. IV. М.: Фонд «Правовая культура», 1995. 368 с.
3. Ерёмин И.А. Западная Сибирь в период Первой мировой войны (июль 1914 – март 1918 гг.). Барнаул: Изд-во АлтГПА, 2010. 293 с.
4. Император Николай II: крестный путь. Омск: Омскбланкиздат, 2016. 170 с.
5. Иоффе Г.З. Революция и судьба Романовых. М.: Республика, 1992. 351 с.
6. Керенский А.Ф. Россия на историческом повороте: мемуары. М.: Республика, 1993. 384 с.
7. Партия испуганных интеллигентов // Аргументы недели. 2017. № 7. 22 февраля.

8. Платонов О.А. Терновый венец России: История царевубийства. М.: Энциклопедия русской цивилизации, 2001. 768 с.
9. Родзянко М.В. Крушение империи и Государственная Дума и февральская 1917 года революция. М.: ИКАР, 2002. 368 с.
10. Рыжков Н.И. Перестройка: история предательства. М.: Новости, 1992. 397 с.
11. Соловьев О.Ф. Обреченный альянс: заговор империалистов против народов России: 1914-1917 гг. М.: Мысль, 1986. 256 с.
12. Стариков Н.В. Февраль 1917: Революция или спецоперация? [Электронный ресурс]. URL: lit.md>...nstarikov/fevral_1917...spetsoperaciya.pdf. 140 с. (дата обращения: 23.03.2016.).
13. Старцев В.И. 27 февраля 1917 г. М.: Молодая гвардия, 1984. 255 с.
14. Яковлев Н.Н. 1 августа 1914. М.: Молодая гвардия, 1974. 240 с.

В.Н. Ильин

Алтайский филиал

*ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства
и государственной службы при Президенте Российской Федерации»
(Барнаул, Россия)*

1905-1917гг.: «золотой век» русского старообрядчества

В последние годы к старообрядчеству как религиозному и социально-феномену внимание со стороны отечественных исследователей заметно усилилось. Это и неудивительно, так как старообрядчество представляет собой масштабное общественно-духовное движение, развертывавшееся в России на протяжении трех с половиной веков. Ему были всегда органически присущи базовые ценности христианского мировоззрения, которые традиционно являются нравственными ориентирами подлинной человечности. Старообрядчеству свойственны: стремление к свободе совести (религиозный плюрализм), предприимчивость и экологическая трудовая этика, тяготение к социальной справедливости, безусловный императив «моральной экономики», методы ненасилия в политической деятельности и т.д. Православные староверы стремились изначально сохранить и передать потомкам богатое наследие традиционной русской культуры, народные обычаи и нормы семейной жизни. «Старообрядчество, – справедливо замечает главный редактор журнала «Церковь» А.В. Антонов, – это живое свидетельство о глубинных пластах духовной породы, залегающих в душе каждого русского человека» [Антонов, 1990, с. 2-3]. Освоение всех этих ценностей заново могло бы, наверное, помочь современному русскому обществу восстановить свою национальную и цивилизационную идентич-

ность, почти разрушенную в период господства тоталитарного атеистического режима.

Церковно-государственная реформа середины XVII в. сопровождалась тотальным искоренением русского православного традиционализма, благодаря которому происходила самоидентификация русских людей. Естественно, что часть церковной иерархии со своими многочисленными последователями отказалась следовать церковным новациям и заявила о том, что не признает и не принимает этой реформы, вследствие чего в русском обществе произошел раскол на представителей государственного (имперского) начала и народного (традиционного). Представители государственной церкви узурпировали право именоваться православными. Сторонники «древлеправославной» церкви назывались старообрядцами, или староверами (на официальном, государственном уровне – «раскольники»).

С самого начала церковной реформы старообрядцы были объявлены еретиками и, соответственно, государственными преступниками. По отношению к ним применялись самые строгие меры наказания: «Беспощадные пытки, бесчисленные, мучительные казни следуют длинным, непрерывным рядом. Раскольников ссылали, заточали в тюрьмы, казематы и монастыри ... кровь лилась рекой. Все первые вожаки и предводители раскола умерли на плахе, сгорели в срубках, исчахли в заточениях. ... все, что только могло изобрести человеческое зверство для устрашения, паники и террора, – все было пущено в ход», – писал один из первых отечественных исследователей староверческого движения А.С. Пругавин о событиях 1666-первой половины XVIII в. [Пругавин, 1905, с. 31]. Последующий период характеризуется моментами некоторой «лояльности» светских властей (особенно в период Екатерины II и Александра I). Однако в целом, на всем протяжении существования так называемого «старообрядческого вопроса», единственным вариантом его решения, по мнению светских и церковных властей, было присоединение старообрядцев к Синодальной церкви (уничтожение старообрядчества на конфессиональном уровне); противники данного процесса подвергались изоляции – ссылке, тюремному заключению (уничтожение старообрядчества на социальном уровне). Вплоть до конца XIX в. старообрядчество продолжало оставаться бесправным, даже сравнительно с иностранными религиями. Сложившееся отношение к старообрядцам, как к преступникам, злоумышленникам, помышляющим подорвать мощь государства, было настолько сильно и пустило такие глубокие корни, что наделение старообрядцев определенными правами произошло лишь в 1905 г. с изданием закона «О веротерпимости» от 17 апреля.

Очень важный момент в «Высочайшем указе об укреплении начал веротерпимости» 17 апреля 1905 г. содержался в 7 пункте: «Присвоить наименование старообрядцев, взамен ныне употребляемого названия рас-

кольников, всем последователям толков и согласий, которые приемлют основные догматы церкви православной, но не признают некоторые принятых ею обрядов и отправляют свое богослужение по старопечатным книгам». Впервые юридически признавалось наименование «старообрядец». Указ четко разделил вероучения, относимые ранее к «расколу», на старообрядческие согласия, сектантство и изуверные (за принадлежность к последним сохранялась уголовная ответственность). В соответствии с пунктом 12 распечатывались ранее закрытые молитвенные дома [Слово церкви, с. 345-347]. Уже 16 апреля

«...государь император Высочайше соизволил отправить Московскому Генерал-Губернатору следующую телеграмму: Повелеваю в сегодняшний день наступающего Светлага праздника распечатать алтари старообрядческих часовен Рогожского кладбища и предоставить впредь состоящим при них старообрядческим настоятелям совершать в них церковные службы. Да послужит это столь желанное старообрядческим миром снятие долговременного запрета новым выражением моего доверия и сердечного благоволения старообрядцам, искони известным своею непоколебимою преданностью престолу. Да благословит и умудрит их господь с полною искренностью пойти навстречу желаниям и стремлением русской православной Церкви воссоединить их с нею и прекратить соборным решением тяжелую историческую церковную рознь, устранить которую может только церковь» [Пороховщиков, 1905, с. 4].

Несмотря на несовершенство данного указа, он, тем не менее, являлся «первой серьезной уступкой в деле свободы духа» и «первым серьезным уроном политики насилия над совестью человека и грубого вмешательства в интимную область веры». Он официально провозглашал «свободу религиозной мысли, хотя и с крупными, существенными урезками» [Право, с. 1354-1357].

17 октября того же 1905 г. последовал Высочайший манифест, устанавливавший в России «незыблемые основы гражданской свободы на началах действительной неприкосновенности личности, свободы совести, слова, собраний и союзов». В осуществление этих основ ровно через год, именно 17 октября 1906 г., последовал и Высочайший указ правительства Сенату о порядке образования и действия старообрядческих общин.

Период с 1905 по 1917 г. в истории русского старообрядчества именуется «золотым веком». Известный старообрядческий полемист и писатель Ф.Е. Мельников дал следующую характеристику данному периоду:

«Весьма кратким он был – каких-нибудь 10-12 лет (1905-1917 гг.), но по своему весьма богатому содержанию, необычайной широте деятельности и напряженно-

сти всех сторон церковно-общественной и соборно-иерархической жизни этот период стоит целого столетия и действительно заслуживает названия "золотого", ибо он был на самом деле славным, ярко-блестящим, внутренне насыщенным и глубоко жизненным. Это была целая историческая эпоха – творческая, своеобразно стильная, торжествующая. О ней одной можно написать целые тома» [Мельников, 1999, с. 407].

К началу XX столетия старообрядцы смогли сохранить и развить учение об особом историческом пути русского народа [Зеньковский, 1994, с. 21; Смирнов, 1999, с. 29; Поздеева, 1999, с. 8]. Барон Гакстгаузен утверждал: «Кто хочет изучить характерные черты великороссов, тот должен изучать их у староверов» [цит. по: Пругавин, 1905, с. 12]. Эта концепция нашла свое воплощение в старообрядческой легенде о «вольной стране Беловодье». В ней, по утверждению старообрядцев, «земля хлебопахотная, можно молиться Богу, не подвергаясь никаким мирским соблазнам, по старым обрядам без всяких препятствий», «в ней имеется благочестие и живут христиане, бежавшие от Никона-еретика, имеются священники и церкви» [цит. по: Липинская, 1996, с. 37, 44]. Беловодье представляло собой народный вариант государственного устройства, в котором Церковь благочестива (т.е. не подчинена правительству, служит не закрепощению народа, а «спасению души»), крестьяне живут и трудятся на вольной урожайной земле, не испытывая насилия от светских властей. Легенда, таким образом, явилась отражением традиционного народного мировоззрения, представлений об обществе, государстве, в которых важнейшее место занимают свобода совести (вероисповедания), равноправие и т.п. Пожалуй, нельзя однозначно определить легенду о Беловодье как «утопию» или «миф», тем более что она имела свое частичное практическое воплощение в виде поселений беглых староверов «за камнем» – у границ с Китаем. Г. Гребенщиков утверждал, что в XVIII в. в долинах рек Бухтармы и Уймона существовало **«маленькое государство», «твердо ставшее на ноги»** (выделено мной – *В.И.*) [цит. по: Кривоносов, 1998, с. 50]. Бухтарминцы, или «каменщики», были открыты при Екатерине II. У них насчитывалось 30 поселков по рекам Бухтарме, Белой, Язовой, Бобровке, Тихой, Середчихе, Осочихе, Берелу, Тургусуну, Катуню (и в каждом селении был молитвенный дом) [Ядринцев, 1866, с. 37-39]. Можно ли назвать утопистом человека, который бежал в Беловодье, нашел его, прожил там 30 лет, воспитал детей [ЦХАФ АК, л. 164-174; Кривоносов, 1998, с. 50]?

Вполне естественно, что еще в период структурного кризиса Российской империи середины XIX в. просвещенная часть дворянства в поисках выхода из сложившегося социально-политического тупика стремилась вновь обрести национальную идентичность. Они переосмысливают Россию как особую цивилизацию, со своим русским антропологическим ти-

пом. В стремлении понять его суть, отличительную особенность от западного типа, а следовательно, и принципиальное устройство русского государства и общества в целом, их взор обратился к старообрядчеству, в котором они и увидели «тот самый» русский антропологический тип.

По предположительной оценке А.С. Пругавина, в конце XIX – начале XX в. старообрядцев в России насчитывалось не меньше 20 млн человек [цит. по: Мельгунов, 1907, с. 4]. «Русский раскол! Возьмите его...», – писал В.А. Андерсон в 1905 г., – и вы имеете значительную массу, равную Испании. Сама эта численность уже заслуживает внимания. Потом подумайте, как широко его действие. От Риги до Казани, до Ледовитого океана, до Черного моря и Кавказа, а потом почти до границ Китая» [Андерсон, 1905, с. 3]. Это был, действительно, колоссальный массив русских православных людей, вполне сопоставимый с отдельным большим народом целой страны.

Таким образом, старообрядцы наследовали и сохранили особый вариант общественного и государственного устройства, основанного на русском традиционном народном православии. Этому самобытному типу Руси был противопоставлен новый имперский (вненародный, вненациональный), который стал официальной доктриной формирования Российской государственности. А.П. Богданов писал о Российской имперской системе: «Единовластие требовало единомыслия. ...Это превращалось в идеологический и дидактический акт “отмежевания” от чего-то, якобы чуждого русской православной церкви, вредного и опасного для государства. Единообразие требовало превосходства над окружающим враждебным миром, насаждения ненависти и страха перед живущими иначе, постоянного поиска врагов, чуждых идей и чуждых людей» [Богданов, 1990, с. 7]. «Чуждыми людьми» для собственного государства на два с половиной столетия оказался многомиллионный старообрядческий контингент, который однозначно воспринимался имперским правительством, в первую очередь, как враг государства, будто бы имеющий потенциальную склонность к антиправительственным выступлениям. Однако к началу XX в. русское старообрядчество смогло продемонстрировать (незвизрая на вековые преследования) этот самый русский народный самобытный тип общественного устройства. Старообрядцы смогли показать «иной» тип России с его склонностью к просвещению, предпринимательству, соборности, любви к Отечеству. Однако двенадцати лет «золотого века» оказалось недостаточно для того, чтобы Россия смогла использовать этот потенциал. События семнадцатого года двадцатого столетия в очередной раз изменили траекторию движения страны.

Литература

1. Андерсон В.А. Старообрядчество и сектантство: исторический очерк русского религиозного разномыслия. СПб., 1905. 460 с.

2. Антонов А.В. Вступительное слово // Родина. 1990. № 9. С. 2-3.
3. Богданов А.П. Перо и крест. Русские писатели под церковным судом. М.: Изд-во политич. лит-ры, 1990. 480 с.
4. Слово Церкви. 1915. № 15, 12 апреля 1915. С. 345-347.
5. Зеньковский С. Разрыв // Родина. 1994. № 2. С. 20-24.
6. Кривоносов Я.Е. Документы государственного архива Алтайского края о побегах крестьян и работных людей в «алтайские урочища» в поисках Беловодья. Духовные уроки // Гуляевские чтения. Вып. 1. Барнаул, 1998. С. 50-53.
7. Липинская В.А. Старожилы и переселенцы. Русские на Алтае XVIII – начала XX в. М.: Наука, 1996. 269 с.
8. Мельгунов С. Старообрядчество и свобода совести. М., 1907. 86 с.
9. Мельников Ф.Е. Краткая история древлеправославной (старообрядческой) Церкви. Барнаул: Изд-во БГПУ, 1999. 567 с.
10. Поздеева И.В. Личность и община в истории русского старообрядчества // Мир старообрядчества. История и современность. Вып. 5. М., 1999. С. 7-9.
11. Пороховщиков А. Чем победили старообрядцы? М., 1905. 44 с.
12. Право. 1905. 1 мая. С. 1354-1357.
13. Пругавин А.С. Раскол и сектантство в русской народной жизни. М., 1905. 94 с.
14. Смирнов И.П. Место старообрядчества в философских концепциях русского «духовного ренессанса» // Мир старообрядчества. История и современность. Вып. 5. М., 1999. С. 28-31.
15. ЦХАФ АК. Ф. 169. Оп. 1. Д. 196. Л. 164-174.
16. Ядринцев Н.М. Раскольничьи общины на границе Китая // Сибирский сборник. Кн. 1. СПб., 1886. С. 37-39.

Т.В. Кайгородова, С.В. Цыб

Алтайский филиал

*ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства
и государственной службы при Президенте Российской Федерации»*

(Барнаул, Россия)

Календарная реформа советской власти

Среди многообразных и грандиозных последствий революционных событий 1917 г. на второй план отходит объявленное декретом 24 января 1918 г. Совета Народных Комиссаров и подписанного лично В.И. Лениным введение в Советской России григорианского календаря. Приведем его текст полностью в целях дальнейшего полноценного анализа:

**«Декрет о введении западноевропейского календаря
24 января (6 февраля) 1918 г.**

В целях установления в России одинакового почти со всеми культурными народами исчисления времени Совет Народных Комиссаров постановляет ввести, (отметим, что здесь знак запятой поставлен с точки зрения современной пунктуации ошибочно, – *все дальнейшие вставки в цитируемые тексты и курсивные выделения сделаны авторами этой статьи – Т.К., С.Ц.*) по истечении января сего года в гражданский обиход новый календарь (он не был новым! В Западной Европе его знали еще с XVI в., знали и в России; см. далее в нашей статье). В силу этого:

1) Первый день после 31 января сего года считать не 1 февраля, а 14 февраля, второй день считать 15 и т.д.

2) Сроки всех обязательств, как по договору, так и по закону, которые наступили бы, (опять лишняя запятая; какой безграмотный человек подsunул Ленину на подпись этот декрет) по до сих пор действовавшему календарю, между 1 и 14 февраля, считать путем прибавления к каждому соответствующему сроку 13 дней.

3) Срок всех обязательств, которые наступили бы, (запятая ?!) по до сих пор действовавшему календарю, начиная с 14 февраля и 1 июля с. г. (т. е. «сего года»), считать по желанию обеих сторон наступившими на 13 дней позже.

4) Сроки всех обязательств, которые наступили бы, (запятая?!) по до сих пор действовавшему календарю, начиная с 1 июля с. г., считать наступившими в те же самые числа и вводимыми по новому календарю.

5) При исчислении в первый после 14 февраля по новому календарю срок процентов по всем государственным и частным займам, по всем дивидендным бумагам, по вкладам и текущим счетам, считать истекший после последнего начисления процентов промежуток времени меньше на 13 дней.

6) Лицам, получающим жалованье или заработную плату в конце каждого месяца, выдать 28 февраля с. г. получаемую ежемесячно сумму за вычетом 13/30 оной.

7) Лицам, получающим жалованье или заработную плату 15 и 30 числа каждого месяца, уплаты 15 февраля не производить, а выдать 28 февраля с. г. получаемую ежемесячную сумму за вычетом 13/30 оной.

8) Лицам, получающим жалованье или заработную плату 20 каждого месяца, выдать 20 февраля с. г. получаемую ежемесячную сумму за вычетом 13/30 оной.

9) Каждый из сроков выдачи пенсий и эмеритур, установленных в правилах о выдаче оных, считать после 31 января с. г. наступившим на 13 дней позже.

10) До 1 июля с. г. писать, (?!), после числа каждого дня по новому календарю, (?!), в скобках число по до сих пор действовавшему календарю.

*Председатель Совета Народных комиссаров
В. Ульянов (Ленин)
Помощник комиссара по иностранным делам
Чичерин*

*Народные комиссары: А. Шляпников, Г. Петровский,
В. Алгасов, В. Оболенский
Секретарь Совета Народных Комиссаров Горбунов»
[Декреты Советской власти, 1957, с. 404-405.]*

Конкретные исторические обстоятельства принятия этого декрета были в свое время изучены выдающимся знатоком хронологии Е.И. Каменцевой [Каменцева, 1969, с. 159-165]. Оставим пока в стороне его содержательную характеристику и попробуем кратко обозреть историческую основу соотношения «старого» и «нового» календарей. Она восходит к временам глубокой христианской древности. В 325 г. христианская церковь, к тому моменту уже признанная римскими имперскими властями, провела первый съезд своих руководителей-иерархов (в официально-церковной истории он получил название I Вселенского церковного собора). По месту его проведения (в г. Никея, ныне г. Извик в Турции) его именуют еще и Никейским собором. Помимо обсуждения иных вопросов собор установил еще и единые для всех христиан календарные правила празднования самого главного дня сторонников этой веры – дня Пасхи, дня Великого Воскресения Господнего. Среди них было такое положение: Христианская Пасха никогда не должна была праздноваться ранее 21 марта юлианского («старого», по ленинскому декрету) календаря. Это требование основывалось на евангельских сведениях, согласно которым Иисус Христос был распят в день древнееврейского праздника Песах, который никогда не праздновался иудеями ранее дня весеннего равноденствия. В год Никейского собора (325 г.) день весеннего равноденствия (день, когда светлая часть суток идеально равна ночной их части, – каждая по 12 часов) действительно соответствовал числу 21 марта, но в дальнейшем астрономическое равноденствие стало расходиться с этим календарным днем. Возникает вопрос – почему?

Нужно понять, что все наши календарные системы не соответствуют идеально тем астрономическим циклам, которые были созданы природой и по которым мы пробуем выстраивать наше времяисчисление. Так, тот же юлианский календарь был основан на древних математических рассуждениях о том, что каждый календарный год длился 365 дней и 6 часов, тогда как на самом деле реальный астрономический (тропический) год составлял и составляет ныне величину в 365 дней, 5 часов, 48 минут, 12 секунд... (современная астрономия предельно точно определяет еще и десятые, и сотые, и тысячные доли секунд, входящие в тот временной период, за который Земля делает один оборот вокруг Солнца). Иными словами, юлианский календарь ежегодно насчитывал примерно 12 лишних минут в сравнении с природным (астрономическим) временем. Эта 12-минутная ошибка через каждые 128 лет суммируется в суточное опережение юлианским календарем реального времени.

Итак, в 325 г., в момент проведения Никейского собора, весеннее равноденствие, один из важнейших хронологических ориентиров Пасхи, приходилось на 21 число марта юлианского календаря. Прошло 128 лет, и в календаре появилась суточная ошибка, что означало следующее: реальное равноденствие происходило 20 марта юлианского календаря (реальный астрономический цикл равноденствий был короче искусственного календарного построения!), но в пасхальных расчетах продолжали ориентироваться на дату 21 марта, установленную Никейским собором. К XVI в. разница достигла уже 10 дней: равноденствие на самом деле происходило 11 марта юлианского календаря, но в пасхальных расчетах христиане продолжали использовать дату 21 марта, потому что так определил Никейский собор!

В 1582 г. римский папа Григорий XIII решил все же реформировать юлианский календарь (поэтому-то новый календарь получил название «григорианского»). По проекту итальянского ученого Луиджи Лилио папа приказал убрать из календаря 10 лишних дней, а чтобы в дальнейшем не накапливалась разница в днях, было принято решение в «сотенных» годах (1600-й, 1700-й, 1800-й, 1900-й, 2000-й и т.д.) делать високосными (с добавлением дня 29 февраля) только те февральские месяцы, годы которых первыми двумя цифрами без остатка делились на 4. Так, 1600-й год был високосным как в старом (юлианском), так и в новом (григорианском) календаре, и разница между календарями продолжала составлять 10 дней. 1700-й год в старом календаре был високосным, но в новом – нет, и разница между календарями увеличивалась на сутки (уже 11 дней). В XIX в. календари стали расходиться уже на 12 суток, в XX в. – на 13, и поскольку прошедший недавно 2000-й год во всех календарях был високосным, разница не изменилась и в наши времена. В следующий раз разница увеличится до 14 суток в 2100 г. [подробнее об истории и соотношении юлианского и григорианского календарей см.: Иванова, Цыб, 2013, с. 115-124, 133-138].

Конечно же, григорианский календарь с астрономо-математической точки зрения был более точен в сравнении с календарем юлианским: если во втором из них суточная ошибка в сравнении с реальным временем накапливалась, как уже говорилось, через каждые 128 лет, то в григорианском – более чем через 3300 лет, что практически незаметно для человечества. Тем не менее Русская православная церковь ни в XVI в., ни в последующие столетия не соглашалась принять эту календарную систему только потому, что она имела католическое происхождение. Даже великий наш реформатор Петр I не решился вводить григорианский календарь в России, хотя во многих европейских странах (за исключением Англии и Дании), в которых он побывал во время Великого посольства, давно уже употреблялся календарь Луиджи Лилио. Расхожее мнение о том, что Петр ввел в России новый календарь, принципиально неверно: в 1700 г. царь ввел в

России новую эру летосчисления (от Рождества Христова), но календарь оставил прежний, юлианский, только перенес начало Нового года с 1 сентября на 1 января. И при Петре I, и потом еще более 200 лет Россия в своем календарном счете продолжала отставать от Западной Европы. Именно поэтому и сейчас мы празднуем, к примеру, Рождество Христово на 13 дней позже всего католического и протестантского мира (в день 7 января, который, по счету юлианского календаря, является днем 25 декабря).

Первые достоверные сведения о григорианском календаре стали известны в «юлианской» России уже в начале XIX в. Академик-астроном Ф.И. Шуберт в одном из выпусков издаваемого им ежегодного «Санкт-Петербургского карманного месяцеслова» издал свою статью с обзором всех известных тогда времяисчислительных систем, где впервые русские читатели получили точное и не замутненное религиозными предубеждениями представление о григорианском календаре [Шуберт, 1813, с. 201-208]. Шубертовское описание выгодно отличалось от всех прочих попыток XVIII – первой половины XIX в. познакомить россиян с западноевропейскими календарными правилами отсутствием церковных мотивов и точностью астрономо-математической основы. Совсем не случайно после появления этой публикации среди грамотной российской публики началось и продолжалось на протяжении нескольких десятилетий активное обсуждение вопроса о возможности смены календаря в России [Л., 1846; Бутурлин, 1866; Записка..., 1879; Два вечера..., 1888; Сумцов, 1888; Н.Г., 1892; и др.]. В годы александровских реформ оно достигло такого накала, что потребовалось даже умерить этот пыл. В 124-м номере полуофициальной столичной газеты «Северная пчела» за 9 июня 1858 г. в разделе «Внутренние известия» появилось такое сообщение:

«О не введении нового стиля.

По поводу статей, появившихся в наших и иностранных газетах, относительно предположений ввести в отечестве нашем новый стиль, или григорианское счисление времени, обязанностию почитаем, с разрешения как духовной, так и гражданской цензуры, сообщить читателям, что (как нам совершенно известно) ни православная церковь, ни правительство наше никогда не помышляли и ныне не помышляют вводить григорианское летосчисление (правильнее было бы не «летосчисление», а «календарь» – Т.В., С.Ц.), которое, хотя ему и приписывают астрономическую верность, само заключает в себе и важную же астрономическую ошибку» [Северная пчела, 1858, с. 549].

Нежелание гражданских и церковных, в первую очередь, властей склониться к принятию григорианского календаря породило мнение о том, что возможная календарная реформа в России будет заключаться в созда-

нии какой-то новой сверхсовершенной в астрономо-математическом смысле календарной системы [Маврокордат, 1857, с. 222-223].

Календарная отрешенность россиян от Западной Европы неоднократно порождала нелепые ошибки в датировании событий. Яркие примеры этому привела известный литературовед XX в. М.И. Перпер. Так, А.И. Герцен, давно уже живший в «григорианской» Англии, но воспитанный на русских «юлианских» календарных традициях, писал в письме сыну, датированному 24 декабря 1860 г.: «Завтра (т.е. 25 декабря) день рождения Наташи (он писал о старшей дочери Наталье)». В русских метриках рождение Натальи Александровны было отмечено 13 декабря 1844 г., следовательно, отец совершенно верно прибавил к юлианской календарной дате рождения дочери положенные для XIX в. 12 дней разницы с григорианским календарем (13 декабря + 12 дней = 25 декабря). Однако через 6 лет в письме к тому же адресату он обратился с таким напоминанием: «Татино (Тата – так звали в семье Наталью) рождение не 25 декабря, а 6 января». Получается, что запомнив уже переведенную дату 25 декабря, А.И. Герцен еще раз мысленно прибавил к ней 12 дней [Хронологический справочник, 1984, с. 20].

Новый «пик» общественного интереса к возможному принятию григорианского календаря пришелся на самый конец XIX в., когда в 1899 г. при Русском астрономическом обществе была создана правительственная Комиссия по вопросу о реформе календаря. В ее состав входили представители царских министерств, известные ученые, священники и общественные деятели, а ее председателем стал профессор астрономии Санкт-Петербургского университета С.П. Глазенап. Работа Комиссии не привела, однако, к каким-то практическим результатам, поскольку ее членам не удалось преодолеть противоречий между тремя различными точками зрения.

Известный историк христианской церкви, профессор Санкт-Петербургской Духовной академии В.В. Болотов отстаивал на заседаниях Комиссии приверженность юлианскому календарю, ссылаясь на традиционное историческое сознание русского народа. Чиновник из министерства иностранных дел К.Н. Григорович, наоборот, призывал к скорейшему принятию григорианского календаря, мотивируя это новшество потребностями упрощения связей России с западноевропейскими странами. Известный ученый Д.И. Менделеев, представлявший в Комиссии почему-то интересы министерства финансов, призывал создать «астрономический календарь», полностью соответствующий природным небесным циклам, т.е. повторил мнение К.С. Маврокордато 40-летней давности (см. выше). Интересно, что отклики на работу Комиссии появились не только в России [Голубинский, 1899; Андреев, 1900; Степанов, 1911; и др.], но и за рубежом [Raina, 1899; С. Tordini de Quarenghi, 1900; Мнения..., 1900; и др.]. Комиссия посчитала последнее предложение самым разумным, но госу-

дарственная власть оставила это решение без внимания, полагаясь, вероятно, на церковное противодействие проведению каких-либо календарных реформ.

На этом фоне и появился ленинский декрет января 1918 г. Мотивация его излагается в самых первых строчках: «В целях установления... одинакового почти со всеми культурными народами исчисления времени...». Иначе говоря, только что созданная большевиками Советская республика желала сравнять свое времяисчисление с цивилизованным миром («культурные народы»), намекая на то, что прежняя, царская власть и власть Временного правительства не ориентировалась на эту задачу, и в этом просматривается явное стремление нового руководства показать преимущество перед своими предшественниками. Здесь, однако, наше внимание привлекают такие слова: «...*почти со всеми* культурными народами...». Они понимаются однозначно: большинство «культурных народов» мира уже стали к тому времени апологетами григорианского календаря, но некоторые из них (из «культурных народов») все-таки не вошли в это большинство. Таковыми в то время были, в частности, греки и сербы. Поэтому мы можем признать явное «западническое» направление календарной реформы, попытку советской власти отмежеваться от «праславянского» курса внешней политики Российской империи, которая и ввергла ее в мировую войну. Для В.И. Ленина и его соратников предательство интересов славянского мира было незначительной мелочью в сравнении с «наведением мостов», связывающих их с католической и протестантской Европой. Вряд ли стоит этому удивляться. Вспомним, что сам председатель Совнаркома и многие из первых руководителей новой республики много лет пребывали в западноевропейской эмиграции в конце XIX – начале XX в. Совсем не случайно «Декрет о введении западноевропейского календаря...» вместе с В.И. Лениным подписал «помощник комиссара по иностранным делам» Г.В. Чичерин, с 1904 г. постоянно живший в Западной Европе и приехавший в Россию только в январе 1918 г., буквально за несколько дней до проведения календарной реформы. Отсутствие инициалов в подписи Чичерина указывает на то, что подписант еще не успел освоить необходимые элементы административного этикета нового поколения государственных служащих.

Подписи наркома иностранных дел Л.Д. Троцкого декрет не содержит. К тому моменту он уже успел «провалить» русско-немецкие переговоры в Бресте, и поэтому воспринимался другими членами Совнаркома как «антизападник». Декрет подписал «наследник» Л.Д. Троцкого на переговорах с немцами нарком внутренних дел Г.И. Петровский. В контексте международной обстановки того времени становится понятным, что декрет 24 января 1918 г. не был исключительно внутренним документом, но был предназначен, с одной стороны, для успокоения германских партнеров на тайных переговорах в Бресте, а с другой – для дезинформации ста-

рых военных союзников России (Великобритания и Франция) в области намерения новых российских властей продолжать свое участие в войне. Сближаясь в календарном счете с «культурными народами» и назвав новый календарь «западноевропейским», советское правительство выполняло свои тайные замыслы в сфере международных отношений.

Обращает на себя внимание присутствие среди подписантов декрета весьма представительного «экономического блока» Совнаркома: А.Г. Шляпников – Наркомат труда и В.В. Оболенский (Осинский) – Высший Совет народного хозяйства. К ним можно добавить и «наркома без портфеля» левого эсера В.А. Алгасова, известного, прежде всего, как специалиста в области экономики. Этот факт неслучаен, поскольку декрет имел еще и экономический эффект, лишая работающих граждан заработной платы, а неработающих – пенсий за 13 дней, изымаемых из календарного счета (пункты № 6-9 в тексте декрета).

Появление декрета потребовало идеологического и наукообразного обоснования этого действия властей. И таковые появились! Мы приводим здесь ссылки только на некоторые работы из «бездрижного моря» статей, книг, рецензий, заметок и т.д., оправдывающих календарную реформу советской власти [Полак, 1918 (книга переиздавалась несколько раз, последнее издание – 1928 г.); Самгин, 1923; Днепровский, 1924]. На фоне всеобщего одобрения календарной реформы мужественными поступками представляются противодействие ей со стороны православной церкви (впрочем, для советской власти эти возражения были несущественными, так как церковь она отделила от государственной жизни) и сочинение историка и архивиста А.И. Юшкова «В защиту юлианского календаря...» (1923 г.) объемом в 9,5 п.л., до сих пор так и не опубликованное в России [Каменцева, 1996, с. 46-53]. Так или иначе, но наша нынешняя приверженность католическому григорианскому календарю является результатом и последствием революционных событий 1917 г.

Литература

1. Андреев И. Естественный календарь. М., 1900. 8 с.
2. Бутурлин П. О календарях юлианском и григорианском. СПб., 1866. 98 с.
3. Голубинский Е.Е. Вопрос об уравнивании года гражданского с астрономическим. М., 1899. 43 с.
4. Два вечера у графа Д.Н. Блудова: О переводе русского календаря на новый стиль:... Из воспоминаний В.А. Кокорева. М., 1888. 12 с.
5. Декреты Советской власти. Т. I: 25 октября 1917 г. – 16 марта 1918 г. М.: Гос. изд-во полит. лит-ры, 1957. 640 с.
6. Днепровский Н.И. Время, его измерение и передача. Л.: Научное книгоиздательство, 1924. 110 с.

7. Записка о попытках к введению григорианского календаря в странах православного вероисповедания. СПб., 1879. 24 с.
8. Иванова Н.П., Цыб С.В. Историческая хронология. Барнаул: Изд-во АлтГУ, 2013. 236 с.
9. Каменцева Е.И. Декрет о введении в Советской России нового календаря // Вспомогательные исторические дисциплины. Вып. II. Л.: Наука, 1969. С. 159-165.
10. Каменцева Е.И. О неопубликованной книге А.И. Юшкова «В защиту юлианского календаря...» // Отечественные архивы. 1996. № 5. С. 46-53.
11. Л. О старом и новом стиле // Московские губернские ведомости. 1846. № 19 (11 мая). С. 211-216.
12. Маврокордат (Маврокордато К.С.). Календарь // Христианское чтение, издаваемое при Санкт-Петербургской Духовной Академии. Ч. 1 (март 1857). СПб., 1857. С. 22-223.
13. Мнения иностранцев о реформе календаря в России, Камилла Фламариона, Цезаря Тондини ди Кваренги и др., изложенные корреспондентами польской газеты «Края». СПб., 1900. 12 с.
14. Н. Г. (Глубоковский Н.Г.). О реформе православного календаря // Церковный вестник. 1892. № 6. С. 86-89.
15. Полак И.Ф. Изменение календаря: Старый и новый календарь, их история и устройство: введение нового календаря в России. М.: Природа, 1918. 62 с.
16. Самгин Н.А. Календарь, его значение и реформы. М.; Л.: Госиздат, 1923. 88 с.
17. Северная пчела. 1858. № 124 (9 июня). С. 549.
18. Степанов Н.В. К реформе юлианского календаря. СПб., 1911. 98 с.
19. Сумцов Н.Ф. Исторический очерк попыток католиков ввести в южную и западную Россию григорианский календарь // Киевская старина. Т. XXI (май), 1888. С. 235-272.
20. Хронологический справочник (XIX и XX века) / сост. М.И. Перпер. Л.: Наука, 1984. 38 с.
21. Шуберт Ф.И. О месяцеслове // Санкт-Петербургский карманный месяцеслов на лето от Р. Х. 1814. СПб., 1813. С. 129-217.
22. Raina M. La Riforma del Calendario Russo. Firenze, 1899. 4 p.
23. Tordini de Quarenghi C. La Christianizzazione del Dario e la Riforma Pasquale in Russia. Roma, 1900. 28 p.

О.Г. Климова
Алтайский филиал
ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства
и государственной службы при Президенте Российской Федерации»
(Барнаул, Россия)

Судьбы предпринимателей Сибири после 1917 г. в новейшей отечественной историографии

История предпринимательства дореволюционной Сибири к настоящему времени имеет обширную историографию. С конца 1990-х гг. история российского, и в том числе сибирского, предпринимательства стала приоритетным направлением в отечественной новейшей историографии.

Начало изучения предпринимательства связано с именем Г.Х. Рабиновича, издавшего монографию по истории формирования сибирского буржуазии, которая до сих пор не потеряла своего научного значения [Рабинович, 1975]. Известные исследователи сибирского купечества, ученики Г.Х. Рабиновича, – В.А. Скубневский, О.Н. Разумов, В.П. Бойко, В.Н. Разгон, А.В. Старцев – продолжили изучение проблематики, но в своем творчестве уже не критиковали буржуазию.

В.П. Бойко отмечает: «...Буржуазию и буржуазный путь развития стало модно не критиковать, а возносить на неммыслимую прежде высоту и сильно идеализировать» [Бойко, 2014, с. 24].

Ю.М. Гончаров, А.Г. Киселев, Н.И. Гаврилова, Е.В. Комлева, Е.В. Шайдуров, И.И. Кротт и другие являются представителями следующего поколения историков, труды которых также посвящены изучению сибирского предпринимательства и экономической истории Сибирского региона.

Одним из историографических направлений в истории предпринимательства является изучение биографий купцов и других предпринимателей. По мнению А.В. Старцева, «сейчас, пожалуй, уже никто не сомневается в том, что в экономической жизни центральное место принадлежит не обезличенным “производственным силам” и “производственным отношениям”, а человеку, от энергии и таланта которого зависят результаты тех или иных хозяйственных действий... Поэтому необходимо дальнейшее изучение биографий крупных представителей делового мира, истории возникновения и развития торговых и промышленных предприятий и фирм, сыгравших важную роль в народном хозяйстве региона» [Старцев, 2005, с. 5].

Нельзя не согласиться со словами И.И. Кротта: «...актуальным является изучение процессов социального перемещения предпринимателей – “класса исторически проигравшего”» [Кротт, 2015, с. 72].

Однако если современная историография характеризуется значительным количеством публикаций библиографического характера (а это и монографии, и учебные пособия, и статьи, и энциклопедические издания), то трудов, посвященных судьбам предпринимателей Сибири после установления советской власти, недостаточно. К сожалению, до сих пор никто из историков специально не занимался исследованием судеб купцов и других предпринимателей после трагических событий 1917 г.

В данной статье предпринята попытка дать обобщающую характеристику опубликованных работ сибирских историков, посвященных судьбам предпринимателей Сибири после 1917 г. в новейшей отечественной историографии.

В дореволюционной Сибири купцы и другие предприниматели играли как в социально-экономической, так и в общественной жизни еще более значимую роль, чем в европейской части Российской империи. Потому что, как известно, в Сибири дворяне не проживали, а совсем незначительное количество дворян проживало либо находясь на государственной службе, либо в ссылке. Как известно, принадлежность к купеческому сословию, в отличие от дворянства, не передавалась по наследству, и для занятий предпринимательской деятельностью нужно было приобретать купеческие свидетельства. Именно поэтому разбогатевшие крестьяне старались «выбрать» купеческие свидетельства и приобщиться тем самым к кругу купцов. Из числа наиболее известных купцов в сибирских городах Томске, Иркутске, Тюмени, Барнауле и других избирались городские головы. Многие сибирские купцы активно занимались благотворительностью.

После трагических событий 1917 г. купеческие капиталы были национализированы. Из воспоминаний известно, что из домов купцов вывозилось все, даже личные вещи, а самих хозяев выселяли. В.А. Скубневский отмечает: «Многие из купцов даже не представляли, что могут лишиться не только имущества, но и жизни» [Скубневский, 2008, с. 34].

В рамках данной статьи в центре внимания – научные труды сибирских ученых. Но также интересными представляются некоторые опубликованные публицистические материалы о судьбах сибирских купцов. Так, в «Алтайской правде» были напечатаны воспоминания Лиды, воспитанницы купцов из Барнаула Суховых [Кроха, 1996]. Она вспоминала, что бывший голова, купец, меценат, почетный гражданин П.Д. Сухов был похоронен в костюме племянника, потому что его одежда была конфискована. В этой же газете краевед В.Ф. Гришаев написал о судьбе купца первой гильдии из Бийска, который умер после революции в тюрьме от тифа, а его сын был в 1937 г. арестован как участник дела «контрреволюционной повстанческо-диверсионной организации», отправлен в лагерь, а после освобождения остался жить в Норильске [Гришаев, 1996].

Большую роль в изучении купеческих родов сыграл Д.Я. Резун, объединивший сибирских историков и краеведов для подготовки и издания «Краткой энциклопедии по истории купечества и коммерции в Сибири» в 4 томах в 10 книгах [Краткая энциклопедия, 1994-1999]. Энциклопедия содержит 4 тыс. энциклопедических заметок, из них 3 тыс. 226 библиографических сведений и очерков о предпринимателях [Климова, 2017, с. 93].

В 2012 г. и 2013 г. вышел «Энциклопедический словарь по истории купечества и коммерции Сибири» [Энциклопедический словарь, 2012-2013]. В словарь было включено больше библиографической информации как о крупных, так и о мелких предпринимателях, библиографический список составлен в алфавитном порядке и исправлены ошибки предыдущего издания («Краткой энциклопедии по истории купечества и коммерции в Сибири»), в связи с чем появилась возможность познакомиться не только с биографиями людей, занимавшихся предпринимательской деятельностью, но и с организацией их деятельности и условиями жизни.

Также необходимо отметить издание региональных энциклопедий и словарей «Томские купцы: биографический словарь (вторая половина XVIII – начало XX в.)» [Дмитриенко, 2014], «Предприниматели Алтая, 1861–1917 гг.: Энциклопедия» [Скубневский, 1996], «Алтай купеческий» [Скубневский, 2007], «Енисейское купечество в лицах (XVIII – начало XX в.)» [Комлева, 2006] и др., выполняющих неоценимую роль в изучении истории купеческих родов.

К сожалению, в этих энциклопедических и справочных изданиях описание значительно большей части биографий предпринимателей заканчивается событиями 1917 г., и практически не содержатся данные об их судьбах после российской революции.

Конечно, некоторые историки, изучающие проблемы сибирского предпринимательства, в отдельных научных статьях обращаются к исследованию судеб предпринимателей после 1917 г. с привлечением и уже введенных в научный оборот источников, и новых.

В рамках поставленной в данной статье проблеме необходимо отметить, несомненно, работы В.А. Скубневского. Профессор в опубликованной статье «Купечество Сибири после 1917 г.» представляет обоснование необходимости изучения судеб предпринимателей и выделяет три варианта их социального перемещения (эмиграция, репрессии, адаптация), отмечая при этом, что надежной статистики о соотношении этих трех групп нет. Он делает попытку на основе материалов «Краткой энциклопедии по истории купечества и коммерции в Сибири» рассмотреть соотношение указанных групп. Он пишет: «В группу репрессированных вошло 18 фамилий, эмигрантов – 23, оставшихся в Советской России на свободе – 37. В эти подсчеты вошли и члены семей» [Скубневский, 2008, с. 34]. Ученый рассматривает судьбы многих сибирских предпринимателей после событий 1917 г., имеющих ряд общих черт и разделенных на категории, что

представляется актуальным, так как послереволюционное купечество не может исследоваться как единая социальная группа ввиду уничтожения его как сословия [Скубневский, 2017].

Другая статья В.А. Скубневского также посвящена судьбам предпринимателей и членам их семей г. Барнаула после 1917 г., в которой он отмечает:

«В сферу внимания автора попали не только гильдейские купцы, но и представители иных сословий, которые занимались предпринимательством, и не только жившие в самом городе, но и в сельской местности Барнаульского уезда» [Скубневский, 2017, с. 88].

Ученый так же последовательно, как и в первой статье, исследует судьбы барнаульских (алтайских) предпринимателей: репрессированных (П.Д. Сухов, А.А. Винокуров и др.), мигрантов (П.И. Федулов, В.М. Вершинин, М.А. Морозов и др.) и тех, кому удалось адаптироваться в условиях советского времени (Н.А. Ворсин, С.Д. Холкин, З.И. Платова и др.).

Как уже было отмечено, судьбы предпринимателей и их семей после 1917 г. недостаточно исследованы, так как до сих пор многие просто неизвестны. По мнению В.А. Скубневского, «необходим дальнейший сбор материалов и поиск новых источников для воссоздания более полной картины» [Скубневский, 2017, с. 91].

Иркутский ученый Н.И. Гаврилова изучила биографию известного предпринимателя и общественного деятеля В.М. Посохина, проследив его судьбу до 1945 (1948) г. (его смерть в Харбине) [Гаврилова, 2014]. Исследователь рассмотрела сферы вложения капиталов (не единственными, но главными были книжная торговля и издательская деятельность), участие В.М. Посохина в общественной и культурной жизни региона, его общественные взгляды, а также отметила типичные черты для социального портрета крупного иркутского предпринимателя.

Одной из тем для исследований сибирского историка и краеведа А.А. Жирова стало изучение генеалогии русского купечества г. Тары XVIII – начала XX вв. [Жиров, 1994]. Исследователь рассматривал генеалогическую память как часть общенациональной российской культуры [Жиров, 1995]. Биографии некоторых купцов и меценатов, например, Немчиновых [Жиров, 2006], купца-библиофила Г.В. Юдина [Жиров, 2001] А.А. Жирову удалось проследить и после 1917 г.

Заслуживает внимания изданная в 2005 г. книга «Деловая элита старой Сибири: исторические очерки» [Старцев, 2005]. В ней представлены подробные биографии крупных предпринимательских семей дореволюционной Сибири (Томска, Новониколаевска, Барнаула, Бийска, Кольвани, Каинска, Камня), рассмотрена их предпринимательская, общественная, благотворительная деятельность. Авторы ставили перед собой задачу, «по мере возможности, проследить их судьбу после 1917 г.» [Старцев, 2005, с. 11]. Судьбы шести из двадцати четырех предпринимательских родов про-

слежены и после революции. Очевидно, из-за отсутствия сведений описание большей части биографий предпринимателей заканчиваются началом революции. В очерках рассмотрены жизненный путь купцов Винокуровых и их потомков до 1994 г. (авторы В.А. Скубневский и Н.Т. Зенухина) [Скубневский, 2005], купцов Ворсиных, выходцев из мещан до 1942 г. (автор В.А. Скубневский) [Скубневский, 2005], купцов Вытновых (автор Н.М. Дмитриенко) [Дмитриенко, 2005], купцов Кухтериных, происходивших из сословия государственных ямщиков (авторы Н.М. Дмитриенко и В.П. Зиновьев) [Дмитриенко, 2005], предпринимателей Макушиных (автор Н.М. Дмитриенко) [Дмитриенко, 2005], купцов Родюковых (автор В.П. Зиновьев) [Зиновьев, 2005].

Показательно, что на Всероссийскую научную конференцию, которая состоялась в г. Томске в апреле 2014 г., приехали представители купеческих династий Сибири, а доклады одной из секций были посвящены потомкам купеческих родов и их судьбам (Кухтериным, Гороховым, Сапожниковым, Безходарновым и др.) [Сибирское купечество, 2014].

Таким образом, информация о судьбах сибирских предпринимателей после 1917 г., содержащаяся в работах ученых, показывает, что они нашли свое место в жизни как в эмиграции, так и на родине. Уничтожение значительной части предпринимателей не способствовало развитию экономической и общественной жизни в государстве.

Изучение судеб предпринимателей подтверждает, что большинство из них были незаурядными, волевыми людьми, оставившими заметный след в становлении и развитии экономической, общественной, культурной жизни региона. Конечно, основой их деятельности было стремление к обогащению, но всегда присутствовало желание самовыражения и реализации своих способностей. Так, А.А. Жиров писал: «Экономические мотивы, мотивы личной выгоды движут поступками многих людей. Что же в этом странного? А для общества куда важнее не мотивы, а сама деятельность, ее результаты» [Жиров, 2008, с. 162].

Пожалуй, среди наиболее актуальных на сегодняшний день задач в отечественной новейшей историографии можно назвать дальнейшее изучение биографий купцов и других предпринимателей. Можно предположить, что изучение судеб предпринимателей Сибири после 1917 г. будет активнее, так как постоянно ведется работа по обнаружению и публикации новых источников.

Литература

1. Бойко В.П. История изучения сибирского купечества на современном этапе // Сибирское купечество: истоки, деятельность, наследие: материалы Первой Всеросс. науч. конф. Томск: Изд-во ТГАСУ, 2014. С. 21-26.
2. Гаврилова Н.И. Владимир Михайлович Посохин: опыт биографического анализа // Сибирское купечество: истоки, деятельность, наследие:

материалы Первой Всеросс. науч. конф. Томск: Изд-во ТГАСУ, 2014. – С.139–146.

3. Гришаев В. Зэк Иван Ассанов // Алтайская правда. 1996. 20 декабря.

4. Дмитриенко Н.М. Томские купцы: биографический словарь (вторая половина XVIII – начало XX в.). Томск: Изд-во Томского ун-та, 2014. – 336 с.

5. Дмитриенко Н.М. Вытновы // Деловая элита: исторические очерки. Новосибирск: ИД «Сова», 2005. С. 65-71.

6. Дмитриенко Н.М. Макушины // Деловая элита: исторические очерки. Новосибирск: ИД «Сова», 2005. С. 126-139.

7. Дмитриенко Н.М., Зиновьев В.П. Кухтерины // Деловая элита: исторические очерки. Новосибирск: ИД «Сова», 2005. С. 111-125

8. Жиров А.А. Благотворительность Немчиновых // Тарское Прииртышье и проблемы сохранения историко-культурного наследия малого исторического города России: материалы истор.-краевед. конф., посвящ. памяти А.В. Ваганова. Омск, 2006. С. 54–58.

9. Жиров А.А. Возвращение Геннадия Юдина // Югра. Ханты-Мансийск. 2001. № 3. С. 68–73.

10. Жиров А.А. Генеалогическая память как часть общенациональной культуры // Культура и интеллигенция России в эпоху модернизаций (XVIII–XX вв.): материалы Всеросс. науч. конф. Т. 2. Российская культура: модернизационные опыты и судьбы научных сообществ. Омск, 1995. С. 56–58.

11. Жиров А.А. Если бы стены могли говорить...: очерки и статьи / ред.-сост. С.А. Алферов. Омск, 2008. 284 с.

12. Жиров А.А. К вопросу об изучении генеалогии русского купечества г. Тары XVIII – начала XX веков // Русский вопрос: История и современность: материалы докладов Второй Всеросс. науч. конф. Ч. I. Омск, 1994. С. 203–208.

13. Зиновьев В.П. Родюковы // Деловая элита: исторические очерки. Новосибирск: ИД «Сова», 2005. С. 199–208/

14. Климова О.Г. «Купеческие энциклопедии» как жанр историографического освоения истории предпринимательства Сибири // Ползуновский альманах. Барнаул, 2017. Т. 2, № 3. С. 92–95.

15. Комлева Е.В. Енисейское купечество (последняя четверть XVIII – первая половина XIX века). М.: Academia, 2006. 384 с.

16. Краткая энциклопедия по истории купечества и коммерции Сибири: в 4 т. Кн. 1–10. Новосибирск: Наука, 1994–1999.

17. Кротт И.И. Социальная мобильность сельских предпринимателей в период революции и Гражданской войны (1917–1920-е гг.) // Гуманитарные науки в Сибири. 2015. Т. 22, № 4. С. 71–75.

18. Кроха Ю. Девочка Лида в доме купца Сухова // Алтайская правда. 1996, 22 мая.
19. Рабинович Г.Х. Крупная буржуазия и монополистический капитал в экономике Сибири конца XIX – начала XX вв. Томск: Изд-во ТГУ, 1975. 325 с.
20. Сибирское купечество: Истоки, деятельность, наследие: Материалы первой Всероссийской науч. конф. (2014, Томск) / ред. В.П. Бойко, В.В. Безходарнов, Е.В. Ситников. Томск: Изд-во ТГАСУ, 2014. 386 с.
21. Скубневский В.А. Купечество Сибири после 1917 г. // Культурологические исследования в Сибири. 2008. № 4 (26). С. 33–39.
22. Скубневский В.А., Старцев А.В., Гончаров Ю.М. Алтай купеческий. Барнаул: Издательский центр КГУ «Алтайский бизнес-инкубатор», 2007. 172 с.
24. Скубневский В.А., Старцев А.В., Гончаров Ю.М. Предприниматели Алтая: 1861–1917 гг.: энциклопедия. Барнаул: Демидовский фонд, 1996. 112 с.
25. Скубневский В.А. «Бывшие»: Купечество Барнаула после 1917 г. // Вестник Томского государственного университета. История. 2017, № 48. С. 88–92.
26. Скубневский В.А. Ворсины // Деловая элита: исторические очерки. Новосибирск: ИД «Сова», 2005. С. 59–64.
27. Скубневский В.А., Зенухина Т.Н. Винокуровы // Деловая элита: исторические очерки. Новосибирск: ИД «Сова», 2005. С. 48–58.
28. Деловая элита: исторические очерки / отв. ред. А.В. Старцев. Новосибирск: ИД «Сова», 2005. 264 с.
29. Энциклопедический словарь по истории купечества и коммерции Сибири: в 2 т. / отв. ред. Д.Я. Резун. Том 1. Новосибирск: Гео, 2012. 450 с.; Том 2. Новосибирск: Гео, 2013. 464 с.

**Предпосылки и причины российской революции 1917 года:
основные подходы к изучению в современной историографии***

Ключевой и одновременно самой дискуссионной проблемой в истории истории российской революции является вопрос о том, почему она произошла, в чем заключаются ее предпосылки и причины. От ответа на этот вопрос во многом зависят и оценки, которые дают историки ее социально-политической сущности, социокультурному содержанию, определение соотношения факторов стихийности и организованности и решение ряда других вопросов, составляющих проблематику истории российской революции 1917 г.

В оценках происхождения революции 1917 г. всех исследователей, занимающихся этой проблемой, условно можно разделить на «оптимистов» и «пессимистов». Историки-«оптимисты» в своих исследованиях делают акцент на достижениях и успехах российской модернизации, считают, что в начале XX в. Россия вышла на уверенную траекторию экономического роста в рамках рыночной модели хозяйствования, с учреждением Государственной думы в стране были заложены основы конституционно-парламентского строя. Все это свидетельствовало о том, что Россия эволюционировала, и довольно успешно, в сторону общемировых моделей развития. У нее был бы реальный шанс выйти из всех конфликтов и кризисов своего времени эволюционным путем, если бы не Первая мировая война, которая вызвала глубокий экономической и политический кризис, до крайности обострила все противоречия российского общества, что и привело к революционному взрыву в 1917 г.

Оптимистического подхода в интерпретации революции придерживаются, в частности, известные российские историки Б.Н. Митрохин, М.А. Давыдов, Л.И. Бородин, Ю.А. Петров, американский экономист П. Грегори и другие авторы [Грегори, 2003; Давыдов, 2016; Митрохин, 2010]. В качестве аргументации приводятся данные об успехах российской дореволюционной экономики и повышении благосостояния населения: о росте национального дохода с 1861 по 1913 г. – в 3,8 раза, а в расчете на душу населения – в 1,6 раза, высоких темпах ежегодного прироста промышленного производства, в 1,5 раза превышавших соответствующий среднеми-

* Публикация подготовлена при совместной финансовой поддержке РФФИ и Администрации Алтайского края в рамках реализации проекта «Историческое развитие Алтая в контексте общегосударственных и региональных процессов XVIII – начала XXI в.» (грант № 17-11-22006).

ровой показатель; о росте оборотов внутренней торговли (с 1885 по 1913 г. в 1,7 раза) и акцизных сборов. В начале XX в. на долю России приходилось 50% мирового производства ржи, более 30% – ячменя, 25% – пшеницы, при этом производство зерновых росло более быстрыми темпами, чем численность населения, страна превратилась в крупнейшего мирового экспортера зерна. В связи с этим «оптимистами» подвергаются критике имевшие статус аксиом в советской историографии теории «аграрного кризиса» и «голодного хлебного экспорта» [Давыдов, 2016, с. 48–422; Миронов, 2013, с. 37–52, 120–145, 274–289].

Для оценки модернизационных достижений дореволюционной России современные исследователи используют также расчеты показателей, которые обычно применяются для определения уровня развития современных стран: таких, в частности, как индекс развития человеческого потенциала, учитывающий продолжительность жизни, уровень образования и ВВП на душу населения: с 1885–1889 по 1900–1904 гг. он увеличился с 0,199 до 0,449 [Миронов, 2013, с. 47]. В качестве доказательства роста жизненного уровня населения, в том числе и крестьянства, используются и результаты исследований, основанных на учете изменения антропометрических показателей населения. Масштабное исследование такого рода было проведено Б.Н. Мироновым в монографии «Благосостояние населения и революции в имперской России». Он исследовал большой массив антропометрических данных за XVIII – начало XX в. и пришел к выводу, что в отличие от XVIII столетия, когда антропометрические показатели роста и веса снижались, в XIX – начале XX в. они увеличивались (рост – со 161 до 169 см, а вес – с 59 до 66,5 кг), что также может служить доказательством постепенного роста благосостояния, уровня жизни населения [Миронов, 2010].

Исследователи, пессимистически оценивающие возможности мирного эволюционного развития дореволюционной России, полагают, что революция имела закономерный характер, была порождена социально-экономическими и политическими противоречиями в российском обществе, которые начали складываться задолго до начала Первой мировой войны, причем многие из них не сглаживались в результате развития модернизационных процессов, а, наоборот, углублялись. Все исследовательские подходы и трактовки, основанные на скептической оценке возможностей эволюционного развития и представлении об исторически обусловленном происхождении российской революции, можно, в свою очередь, разделить на несколько направлений.

В рамках первого из рассматриваемых направлений, которое можно определить как модернизационное, революция объясняется противоречиями, порожденными форсированной, «догоняющей» индустриализацией – моделью развития, которую из-за геополитических причин (с целью сохранения имперского статуса России как великой державы) вынуждено было реализовать царское правительство. Издержки и противоречия, по-

рожденные форсированной модернизацией, имевшей высокую социальную цену в виде маргинализации значительной части населения, неразвитости среднего класса, несбалансированности экономических укладов и отраслей и др., и вызвали социальное напряжение в российском обществе, приведшее к революции.

Еще одной трактовкой происхождения российской революции является подход, основанный на мальтузианской теории, согласно которому главной причиной революции стало снижение жизненного уровня российского крестьянства из-за прогрессирующего малоземелья, уменьшения крестьянских наделов, вызванного быстрым демографическим ростом населения, связанным со снижением смертности, ставшим результатом своеобразной «гигиенической революции мыла и карболки» в крестьянском социуме. Наиболее активным сторонником этого подхода в отечественной историографии является С.А. Нефедов, выход работ которого спровоцировал острую дискуссию со сторонниками «оптимистического» подхода – уже названными выше Б.Н. Мироновым и М.А. Давыдовым [Нефедов, 2005; Миронов, 2013; Давыдов, 2016; О причинах..., 2010].

В рамках пессимистического подхода к оценке перспектив реформистского развития России можно отдельно выделить и структурную теорию происхождения революции 1917 г., усматривающую ее истоки в социальной поляризации российского общества. Примером может служить концепция американского историка Леопольда Хеймсона, согласно которой революцию следует понимать как порождение двойной «поляризации», углубления противоречий русской жизни, во-первых, между государством и обществом и, во-вторых, между рабочими и буржуазией. Он также утверждал, что к лету 1914 г. этот процесс поляризации уже достиг решающей стадии. Следовательно, подразумевалось, что Октябрь не был «несчастливым случаем», вызванным войной, а являлся закономерным, логическим следствием социальных процессов, протекавших в стране [Хеймсон, 2017]. Последователи Л. Хеймсона в интерпретации происхождения революции во главу угла ставят усилившийся раскол, в том числе и имущественный, между верхами и низами российского общества, способствовавший радикализации общественных настроений и препятствовавший достижению социального и политического консенсуса.

Для верификации этой теории некоторые современные исследователи используют сравнительные расчеты такого показателя, как децильный коэффициент, показывающий соотношение доходами между 10% самого богатого и 10% самого бедного населения страны. В России верхнее значение децильного коэффициента достигало 11, и это был отнюдь не самый высокий показатель в начале XX в.: в США разрыв в доходах был еще более высоким – в 16–18 раз, во Франции – в 12, в Великобритании – в 74 раза, т.е. многие страны развитого капитализма по имущественному нера-

венству в этот период существенно превосходили Россию [Миронов, 2017].

Но, конечно, раскол и поляризация в российском обществе имели не только материальное измерение. Некоторые исследователи, такие как, например, известный философ А. Ахиезер [Ахиезер, 1998], а также приверженцы такого современного исследовательского направления, как историческое крестьяноведение [Россия и революция, 2017], придерживающиеся социокультурного подхода в интерпретации революции, связывают происхождение революции с усиливавшимся по мере развития модернизационных процессов социокультурным, ценностным расколом в российском обществе, основанном на углублении противоречий между носителями модернистского мировоззрения и ценностей и защитниками традиционалистских общественных институтов и патриархальных укладов.

В современной историографии продолжают использоваться и сформировавшиеся в предшествующий период политические теории, объясняющие генезис и непосредственные причины революции конфликтами между властью и элитами, между элитами и внутри элит. К числу политических теорий относится версия об Октябрьской революции как результате заговора революционеров-большевиков, которые, воспользовавшись трудностями военного времени, захватили власть, остановив продвижение страны по пути модернизации западного образца, на рельсы которого Россия все более уверенно переходила накануне Первой мировой войны. Эта объяснительная модель является базовой для интерпретации русской революции приверженцами теории тоталитаризма, используемой в качестве теоретического конструкта для изучения революции и в целом советской эпохи в значительной части зарубежной историографии [Пайпс, 1994; Зарубежное россиеведение, 2015].

В отечественной историографии рост внимания к интерпретациям, объясняющим происхождение и причины российской революции конфликтом политических элит, связан с отмеченным выше распространением «оптимистических» взглядов на возможности эволюционного развития России, базирующихся на критике неомальтузианских теорий и концепции «аграрного кризиса». Так, в частности, Б.Н. Мироновым в объяснении причин Февральской революции основной акцент делается на «пиар-кампании», которую развернула либеральная общественность по дискредитации Николая II и его семьи, подрыву легитимности и престижа царской власти в глазах населения, что и обусловило ее быстрое падение и разрушение монархии в результате Февральских событий [Миронов, 2010, с. 654–659].

Другие авторы (П. Холквист, П. Гатрелл, Ю.А. Петров и др.) основную причину втягивания страны в революционный кризис усматривают в действиях царского правительства, не сумевшего справиться с продовольственным кризисом периода Первой мировой войны, причины которого

заклучались не в трудноустранимых производственных факторах, а в организации мобилизации и распределения хлеба [Holquist, 2002, p. 26–36, 45; Gatrell, 2005, p. 157–164; Петров, 2017, с. 14].

К маргинальным версиям «верхушечного» происхождения революционных событий 1917 г. можно отнести зародившуюся еще в эмигрантской историографии теорию о Февральской революции как результате масонского заговора, версии о поддержке английской дипломатией заговора российских либералов против царизма, о «немецком следе» и «немецких деньгах» в финансировании большевистского переворота и т.п. Эти версии, получившие распространение в основном в публикациях, рассчитанных на массового читателя, хотя и имеют значение с точки зрения постановки и решения вопроса о влиянии внешнеполитического фактора на революционные события в России, оцениваются большинством исследователей как малопродуктивные с точки зрения уяснения основных причин и сущности революции.

В целом можно отметить, что интерпретации, авторы которых усматривают причины революции в верхушечном конфликте элит, недооценивают роль народных масс, стихийный характер многих революционных событий, особенно в февральский период.

Важным направлением исследований революционного кризиса, сложившегося в России в 1917–1921 гг., является изучение такой его составляющей, как кризис имперской государственности, имперской системы управления в России. Эта проблема получила отражение в трудах В.П. Булдакова, В.П. Марченя, С.Ю. Разина, Р. Суни и других авторов [Булдаков, 2004; Капеллер, 2005; Булдаков, Марченя, Разин, 2010].

Оценивая значение национальных движений в качестве составной части общедемократического потока и кризиса империи как причины и составляющей революционной «смуты», историки приходят к выводу, что вплоть до Октября 1917 г. градус национальных движений в России не поднимался выше требования национальной автономии, и распад империи начался только после Октябрьской революции, приняв характер «бегства» национальных элит от большевистской власти, установившейся в столице империи. В ситуации «смуты» и распада прежней государственности дальнейшее развитие событий определялось уже не столько борьбой политических партий, сколько борьбой низов за выживание. И большевики получили поддержку масс не только потому, что удовлетворили их чаяния о мире и разрешили земельный вопрос, но и по той причине, что выступили (на этапе Гражданской войны) в роли собирателей земель империи, возрождали и перестраивали ее на новых основаниях с использованием псевдособорных форм организации снизу в виде советов различных уровней.

Интерес современных исследователей вызывают эвристические возможности, которые открывают психосоциальные теории происхождения и сущности революции. Истоки психосоциальных интерпретаций происхо-

ждения российской революции восходят к написанным в эмиграции работам П. Сорокина, в которых он трактует революцию как результат патологических и варварских действий людей, свидетельствующих о полном разрыве с цивилизацией, дисциплиной, порядком и нравственностью. Такое патологическое поведение является реакцией на невыносимо тяжелые условия жизни и перерождается в революцию, когда ослабевшая власть утрачивает способность поддерживать порядок силой [Ревякин, 2017].

Для оценки достоверности этой теории Б.Н. Миронов проанализировал статистику преступности и суицидов в дореволюционной России и пришел к выводу, что снижение числа преступлений и самоубийств во время Первой мировой войны и накануне революций не дает оснований связывать происхождение революционных событий с ростом числа людей, склонных к патологическому поведению [Миронов, 2014, с. 58–59].

Большой популярностью среди историков, социологов и политологов, занимающихся изучением революций в целом и российской в том числе, пользуется теория относительной депривации, разработанная американским социологом Дж. Дэвисом, согласно которой важнейшим источником революции является психологическая неудовлетворенность, порождаемая расхождением между уровнем жизни и возрастающими потребностями населения, представлениями важнейших социальных групп и индивидуумов о том, каким этот уровень должен быть [Штомпка, 2005, с. 559–574]. Относительная депривация наблюдалась и в дореволюционной России, где рост потребностей обгонял уровень жизни по той причине, что проект форсированной экономической модернизации, реализуемый царским правительством, мог осуществляться только при условии направления значительной части вновь создаваемого национального богатства не на потребление (хотя его рост и имел место), а на финансирование масштабной индустриализации. А в годы Первой мировой войны в стране сложилась ситуация уже не относительной, а прогрессирующей депривации, когда растущие ожидания населения столкнулись с реальным снижением жизненного уровня. Именно прогрессирующую депривацию Дж. Дэвис и его последователи считают причиной всех известных революций нового и новейшего времени, в том числе и российской революции 1917 г.

Таким образом, изучение российской революции 1917 г. на современном этапе характеризуется многообразием оценок и беспрецедентной остротой дискуссий по проблеме происхождения революции, ее предпосылок и причин, обусловленных различиями в теоретических и методологических подходах к исследованию этой проблемы.

Литература

1. Ахиезер А. Россия: Критика исторического опыта (Социокультурная динамика России). Т. I: От прошлого к будущему. Новосибирск: Сибирский хронограф, 1998. 804 с.

2. Булдаков В.П. Кризис империи и революционный национализм начала XX в. в России // Вопросы истории. 2000. № 1. С. 29–45.
3. Булдаков В.П., Марченя В.П., Разин С.Ю. Народ и власть в российской смуте: Прошлое и настоящее системных кризисов в России: Международный круглый стол в Институте социологии РАН // Вестник архивиста. 2010. № 3. С. 288–302.
4. Грегори П. Экономический рост Российской империи (конец XIX–начало XX в.): новые подсчеты и оценки. М.: РОССПЭН, 2003. 256 с.
5. Давыдов М.А. Двадцать лет до Великой войны: Российская модернизация Витте-Столыпина. 2-е изд., испр. и доп. СПб.: Алетея, 2016. 1080 с.
6. Зарубежное россиеведение / под ред. А.П. Безбородова. М.: Проспект, 2015. 576 с.
7. Каппелер А. Образование наций и национальные движения в Российской империи // Российская империя в зарубежной историографии: работы последних лет. М.: Новое издательство, 2005. С. 395–435.
8. Миронов Б.Н. Русская революция 1917 года в контексте теорий революции. Статья 1. [Электронный ресурс]. URL: <http://ecsocman.hse.ru/data/2015/05/05/1251193797/72-84-Mironov.pdf> (дата обращения: 10.11.2017).
9. Миронов Б.Н. Благополучие населения и революции в имперской России: XVIII – начало XX вв. М.: Новый хронограф, 2010. 911 с.
10. Миронов Б.Н. Страсти по революции: нравы в российской историографии в век информации. М.: Весь мир, 2013. 335 с.
11. Миронов Б.Н. Междисциплинарный подход в изучении русской революции 1917 г. // Стены и мосты – II: междисциплинарные и полидисциплинарные исследования в истории. М.: Академический проект, 2014. С. 46–63.
12. Нефедов С.А. Демографически-структурный анализ социально-экономической истории России: конец XV – начало XX века. Екатеринбург: Изд-во УГГУ, 2005. 539 с.
13. О причинах русской революции. М.: Изд-во ЛКИ, 2010. 432 с.
14. Пайпс Р. Русская революция. Ч. 2. М.: РОССПЭН, 1994. 584 с.
15. Петров Ю.А. Россия накануне Великой революции 1917 г.: современные историографические тенденции // Российская история. 2017. № 2. С. 3–16.
16. Ревякин Е.С. Русская революция в социологической концепции П.А. Сорокина [Электронный ресурс]. URL: http://ispu.ru/files/str_74-76.pdf (дата обращения: 05.10.2017).
17. Россия и революция: Прошлое и настоящее системных кризисов русской истории: Сборник научных статей (к 95-летию Февраля–Октября 1917 г.) / под ред. П.П. Марченя, С.Ю. Разина. М., 2012 [Электронный ре-

сурс]. URL: https://www.civisbook.ru/files/File/Russia_&_Rev.pdf (дата обращения: 14.11.2017).

18. Хеймсон Л. Проблема политической и социальной стабильности в городской России накануне войны и революции: современный взгляд [Электронный ресурс]. URL: <https://secrethistory.su/701-problema-politicheskoy-i-socialnoy-stabilnosti-v-gorodskoy-rossii-nakanune-voyny-i-revolyucii-sovremennyu-vzglyad.html> (дата обращения: 05.11.2017).

19. Штомпка П. Социология. Анализ современного общества. М.: Логос, 2005. 664 с.

20. Gatrell P. Russia's First World War: A Social and Economic History. Harlow, 2005. 318 p.

21. Holquist P. Making War, Forging Revolution: Russia's Continuum Crisis, 1914–1921. Cambridge (Mass.): Harvard University Press, 2002. IX, 359 p.

Н.Д. Ростов

*ФГБОУ ВО «Алтайский государственный
технический университет им. И.И. Ползунова»*

(Барнаул, Россия)

1917 год – исторический выбор России: злой рок или закономерность?

Сто лет историческим событиям в России 1917 г. – это хороший повод для того, чтобы попытаться объективно и непредвзято взглянуть на эти события с высоты времени. Стечение целого ряда обстоятельств, объективных и субъективных факторов неумолимо вела Россию к этим эпохальным событиям, изменившим ход не только российской, но и мировой истории.

В 1861 г., отменив крепостное право, провозгласив свободу и закрепив ее законодательно, правящая элита совершила подлог, не закрепив за крестьянством институт частной собственности. Вековая мечта российского крестьянина – стать собственником на своей земле – на протяжении последующих десятилетий так и не была реализована. По итогам реформы крестьянин получил личную свободу, но не землю, вопреки его ожиданиям. В 1883 г. через механизм выкупа у российских крестьян появилась иллюзорная возможность стать собственником своих десятин земли. При этом трагизм всей ситуации заключался в том, что при средней продолжительности жизни 32 года в России в конце XIX в. шанс стать полноправным собственником своей земли был только у внуков и правнуков крестьян 1861-1883 гг. в 1932 г. [Демография, 2003].

Выкупная операция, так искусно организованная и проведенная, явилась беспрецедентным по своим масштабам и социальным последствиям

обманом российского крестьянства. Пользуясь неграмотностью крестьян, российское правительство провело кредитную операцию, целями которой являлись следующие: не допустить снижения доходов правящей элиты, вернуть в казну все издержки от реформы и даже больше, а не сделать крестьян собственниками своей земли «сегодня». Полученную от правительства выкупную сумму крестьяне обязаны были погашать в течение 49 лет. Погашение крестьянами выкупных платежей производилось сельскими обществами на основе принципа круговой поруки. Вплоть до окончания погашения выкупных платежей крестьяне не имели права ни закладывать, ни продавать приобретенную ими в собственность землю [Зайончковский, 1968, с. 139-141].

Крестьянские дети 1861 г. выросли и в полной мере осознали всю глубину обмана. Таким образом, социальный взрыв начала XX столетия, по своей сути, был предопределен. Насильственное разрушение общины в условиях первой русской революции 1905-1907 гг. только усугубило положение, запустив процесс социального расслоения как в самом крестьянстве, так и в его сознании. Переселение в Сибирь и наделение переселенцев землей, предпринятое правительством П.А. Столыпина, несмотря на определенные положительные результаты, в целом оказалось запоздалым. Более полумиллиона озлобленных и недовольных крестьян вернулись в европейскую часть России, повысив и без того высокий градус социального напряжения в обществе. В конкретных исторических условиях ни император, ни правящая российская элита оказались неспособными взять на себя ответственность за судьбу страны и ее народа, объективно оценить ситуацию и определить меры своевременного реагирования.

Трагической ошибкой для России явилось вступление в Первую мировую войну. Война усугубила и без того сложное социально-экономическое положение страны, обострила все противоречия в российском обществе и явилась катализатором революционных потрясений 1917 г. Россия оказалась не готова к затяжной войне ни технологически, ни экономически, ни в военном отношении, ни идеологически. Накануне войны в 1913 г. в России выплавлялось стали на душу населения в 11 раз меньше, чем в США, в 8 раз меньше, чем в Германии, в 6 раз меньше, чем в Англии, в 4 раза меньше, чем во Франции. Добыча каменного и бурого угля на душу населения была в 26 раз меньше, чем в США, в 31 раз меньше, чем в Англии, в 15 раз меньше, чем в Германии, и в 5 раз меньше, чем во Франции [Попов, 2010, с. 103].

Вступая в войну, Военное министерство и Генеральный штаб рассчитывали, что она завершится в течение трех-четырех месяцев, и наличных запасов оружия, артиллерии, снарядов и амуниции российской армии на такое время хватит. Однако уже через несколько месяцев после начала войны в войсках ощущалась катастрофическая нехватка вооружения и боеприпасов. Действительные потребности российской армии превзошли все

предвоенные мобилизационные расчеты. Из 11 млн требуемых винтовок армия имела к началу войны только 4,5 млн. 35% потребности армии в винтовках так и не были покрыты до конца войны. К началу войны в войсках и в запасе имелось 4152 пулемета. Потребность действующей армии в пулеметах к началу 1917 г. Ставка определяла в 133 тыс., реально в войсках имелось всего 16300 пулеметов, что составляло 12% от общей потребности [Головин, 1939].

К весне 1915 г. весь мобилизационный резерв российской армии был исчерпан. В бой шли необученные и плохо вооруженные новобранцы и ополченцы. В армии катастрофически не хватало снарядов и винтовок. 60% новобранцев, прибывающих в воинские части, не имели надлежащей военной подготовки. Участник войны генерал от инфантерии Ю.Н. Данилов, в начале 1915 г. назначенный командиром корпуса, вспоминал:

«При вступлении в должность командира корпуса вместо положенных в корпусе 28 тыс. штыков он имел в строю своей пехоты всего лишь около 8 тыс. вооруженных людей... Пулеметы и орудия состояли во многих частях и батареях не полностью. Патроны ружейные и, особенно, пушечные были также на счету. Некомплект и серьезные недостатки в материальном снабжении были явлением общим для всей русской армии того времени... 18 апреля 1915 г. началось наступление германских и австрийских войск на участке между Вислой и подножием Бескид... Отбиваясь от наседавшего неприятеля почти голыми руками, по недостатку вооружения и огнестрельных припасов, отвечая на его десятки и сотни выстрелов лишь одиночными патронами, русские войска стали шаг за шагом отходить» [цит. по: Попов, 2010, с. 94].

Аналогичным было положение со снабжением армии и на Турецком фронте. На одно полевое орудие выделялось по 50 выстрелов, что было в 20 раз меньше даже довоенной нормы [Попов, 2010].

Хронический снарядный голод российская армия испытывала на протяжении всей войны. Казенные заводы империи могли произвести за год лишь около 600 тыс. снарядов калибра 75 мм (основной калибр полевой артиллерии российской армии). С конца 1914 г. армия нуждалась в 10 млн снарядов всех калибров в месяц, в то время как российская военная промышленность смогла обеспечить армию снарядами едва ли на 7 месяцев боевых действий. В 1916 г. Ставка определила годовую потребность армии в 42 млн снарядов для орудий основного калибра, в то время как тыл обеспечивал примерно 1,5% от нужд фронта. Ради справедливости следует отметить, что по производству вооружения Россия отставала не только от союзников, но и от своих противников. В годы войны в Германии было произведено 306,0 млн артиллерийских снарядов, в России – 67,0 млн, пулеметов – 280,0 тыс. и 28,0 тыс. соответственно, артиллерийских орудий – 64,0 тыс. и 11,7 тыс. соответственно. В годы войны германская армия получила 47,3 тыс. самолетов, российская армия – 3,5 тыс., если в герман-

скую армию поступило 12,0 тыс. минометов, то в российскую армию – ни одного [Попов, 2010, с.103, 104].

С началом войны российская армия испытывала серьезные трудности не только с обеспечением вооружением и боеприпасами, но и с продовольствием. Продразверстка, введенная Временным правительством в 1916 г., ситуацию не изменила. Министр продовольствия С.Н. Прокопович на заседании Временного правительства в середине октября 1917 г. заявил, что его ведомство может снабжать продовольствием только 6 млн чел. из 12 млн, находившихся «на довольствии». Единственным выходом в сложившейся ситуации было «немедленное сокращение армии», достигшей численности свыше 10 млн чел. Сокращение должно было затронуть более 5 млн человек [Горелов и др., 2014, с. 93].

В условиях хронической нехватки боеприпасов и вооружения просчеты элиты и неподготовленность к войне были оплачены жизнью русского солдата. Общие потери российской армии за годы войны составили 9 347,3 тыс. чел., в том числе 2 254,4 тыс. чел. – безвозвратные; 3 749,0 тыс. чел. – санитарные и 3 349,9 тыс. чел – попавшие в плен. В абсолютных цифрах среди всех стран-участниц войны российская армия понесла самые тяжелые потери. При этом следует учитывать, что Россия раньше других стран вышла из войны. Превосходство немцев в артиллерии привело к резкому увеличению не только безвозвратных, но и санитарных потерь российской армии. Если во время Русско-японской войны 1904-1905 гг. потери от огня артиллерии составляли 15-25%, то в Первой мировой войне они достигали 70-75% [Горелов, 2003, с. 167].

Россия не была готова к войне и идеологически. Если в начале войны в российском обществе присутствовал общий патриотический подъем, то к осени 1915 г. вследствие отступления российской армии, больших людских потерь и неудовлетворительного обеспечения армии вооружением и боеприпасами он значительно упал. Ни военное руководство, ни командиры воинских частей не могли внятно объяснить солдатам, за что они должны проливать кровь на фронте. В приказе по 2-й армии от 4 июня 1915 г. говорилось: «В настоящей войне с вековым врагом славянства – с немцем, мы защищаем самое великое, что только когда-либо могли защищать, – честь и целостность Великой России». Уже осенью 1914 г. в российской армии ощущался острый недостаток людских ресурсов: в 13-й Сибирской дивизии в ноябре вместо 64 рот осталось только 3; в 14-й Сибирской дивизии из 16 тыс. в строю было 2,5 тыс. бойцов. Одной из причин этого являлись не только безвозвратные и санитарные потери, но и большое число военнослужащих, попавших по разным причинам в плен к противнику. Из 2,4 млн русских солдат, находившихся в плену к концу 1917 г., 75% были захвачены в плен за первые полтора года войны. В 1917 г. вследствие разлагающего влияния революционной агитации свыше 50%

солдат, участвующих в сражениях, не желали проливать свою кровь за Отечество [Горелов, 2003, с.168, 170].

Российская армия являлась важнейшим государственным и социальным институтом, гарантом свободы и территориальной целостности страны. Ее деморализация, подрыв института единоначалия и воинской дисциплины привели к катастрофическим последствиям. Уставшие от ужасов войны и неоправданных жертв, поверив лживым обещаниям представителей различных политических партий, озлобленная солдатская «протестно настроенная масса» самовольно дезертировала с фронта с оружием в руках, наводнив столицу и российскую провинцию. Дезертирство, как грубейшее нарушение воинской дисциплины, оказавшее негативное влияние на боеспособность российской армии, стало обычным явлением. С осени 1915 г. дезертирство сопровождалось беспорядками, мародерством и грабежами в тылу армии. В декабре 1915 г. толпы бродячих солдат появились уже в Московском военном округе. В зиму 1915-1916 гг. дезертирство в российской армии приобрело массовые и угрожающие масштабы. Военнослужащие дезертировали не только с фронта, но и из санитарных поездов и воинских эшелонов, перевозивших маршевые пополнения для фронтовых частей. На Северном фронте, согласно данным контрольных участков Двинского и Петроградского военных округов, с ноября 1915 г. по февраль 1917 г. были задержаны 56176 человек. На Западном фронте, по данным Ставки, до марта 1917 г. задержали 13648, на Румынском фронте – 67845 человек. На Юго-Западном фронте, по сведениям, поступавшим от начальников военно-полицейских команд, местных губернаторов и командующих военных округов, к марту 1917 г. насчитывалось 64 582 задержанных дезертиров. К ним следует прибавить арестованных жандармами на железных дорогах внутри России (в 1915 г. – 148803, в 1916 г. – 74753 человек). Таким образом, только по официальным данным военных и жандармских учреждений, на фронте и в тылу были задержаны около 420 тыс. человек, что на порядок превышает количество дезертиров в германской (35-45 тыс.) и британской (35 тыс.) армиях. По сведениям гражданских властей, в целом по стране с конца 1914 г. до марта 1917 г. задерживалось и проживало по месту жительства около 800 тыс. дезертиров. Общая же цифра тех, кто перед революцией прошел путь дезертира, включая незадержанных, может составить 1-1,5 млн человек [Матвиенко, 2017]. По свидетельству сибирского исследователя Н.С. Ларькова, на 1 октября 1917 г. при списочном составе Омского военного округа (ОмВО) в 132 602 чел. фактически имелось только 27 952 чел. [Асташев; Ларьков, 1995, с. 89].

Духовный раскол в армейской среде и втягивание армии во внутривнутриполитическую борьбу за власть ускорили ее разложение. После февраля 1917 г. началась стихийная демобилизация солдат с фронта. По оценке Н.Н. Головина, несмотря на отсутствие эпидемий, средняя заболеваемость в российской армии увеличилась на 120%, среднее число зарегистрированных

ных в месяц дезертиров увеличилось на 400%. С начала революции из действующей армии самовольно или под различными предложениями ушло в тыл около 2 млн человек. В марте-апреле 1917 г. на фронте началось массовое «братание» с противником, из 220 стоявших на фронте пехотных дивизий, братались 165, из них 38 обещали немцам не наступать [Головин, 1939]. Катализатором, ускорившим развал армии, стал Приказ № 1 «О неповиновении солдат офицерам» Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов от 1 марта 1917 г. (по старому стилю), отменивший отдавание чести и многие веками выработанные традиции российской армии и предписывавший создавать по войсковым частям солдатские (матросские) комитеты. Этот приказ инициировал повсеместный переход фактической военной власти от офицеров, штабов и Ставки к выборным солдатским комитетам. При этом Временное правительство какого-либо реального влияния на действия Петровета не имело. В стране уже установилось двоевластие. Стройная система военного управления оказалась полностью парализованной. К апрелю 1917 г. в действующей армии число солдатских комитетов достигло 50 тыс., а во всех тыловых гарнизонах были образованы Советы рабочих и солдатских депутатов. Под лозунгом борьбы с «контрреволюционными элементами» началось отстранение от должностей командного состава. Под нажимом солдатских масс к июлю 1917 г. в гарнизонах Центральной России было смещено командование в 68 полках и в 18 бригадах, удалено из армии свыше 30 генералов. В марте-апреле 1917 г. Временное правительство уволило или сняло с должностей до 60% высших офицеров, среди них: 8 главнокомандующих войсками фронтов и командующих армиями, 35 командиров корпусов (из 68), 75 начальников дивизий (из 240). В воюющей стране с февраля по октябрь 1917 г. по политическим мотивам четыре раза менялись Верховные главнокомандующие Русской армии [Матвиенко, 2017].

Охватившая российскую армию «демократизация войск» не обошла стороной и ОмВО. Конструктивная мобилизационная работа в регионе была нарушена после Февральской революции 1917 г. При активной поддержке «Военно-социалистического союза» во главе с большевиком Н.Н. Яковлевым в военных гарнизонах округа были созданы Советы солдатских депутатов. Сам Н.Н. Яковлев возглавил Томский совет солдатских депутатов. В руководстве округа произошли крупные кадровые и структурные изменения. По решению Омского совета рабочих и военных депутатов 4 марта 1917 г. был арестован командующий войсками генерал Н.А. Сухомлинов. В военных гарнизонах прошли аресты офицеров. В Омске были арестованы командир 3-й Сибирской стрелковой запасной бригады генерал Ромашев и командир 19-го Сибирского стрелкового запасного полка полковник Калачев. В Новониколаевске солдатские организации арестовали начальника гарнизона генерала Марсова-Тимашевского, полковника Александрова и других, в Петропавловске – командира 33-го Си-

бирского стрелкового запасного полка полковника Лаврова и др. На должность командующего войсками округа был назначен генерал-майор Григорьев [Горелов и др., 2014].

В воинских частях, как на фронте, так и в тылу, расправы нижних чинов над офицерами стали массовым явлением, подорвавшим боеспособность и ускорившим процесс разложения и деморализации армии [Головин, 2003]. Положение усугубили сотни тысяч крестьян, мобилизованных в запасные воинские части в 1916-1917 гг. В этой солдатской среде преваляло нежелание ехать на фронт и умирать за интересы Отечества и правящей элиты. Это в полной мере было использовано политическими провокаторами различных мастей. Примером этого может служить Петроградский гарнизон. В годы первой мировой войны состав гарнизона заменился. Кадровые полки, в том числе и гвардейские, были отправлены на фронт, а их места заняли запасные формирования. В феврале 1917 г. гарнизон насчитывал 460 тыс. человек, в том числе в столице около 200 тыс. чел. Большую часть гарнизона составляли солдаты запасных батальонов гвардейских полков (летом развернутые в резервные полки) и других запасных частей. Пролетарская прослойка в частях гарнизона была намного выше, чем в армии в целом (от 24 до 65%). Переход войск гарнизона на сторону восставших рабочих предопределил успех февральских и октябрьских событий в Петрограде [Санкт-Петербург, 1992].

В условиях обострения социальной ситуации в обществе представители правящей элиты были заняты не разрешением конкретной социальной ситуации, а спасением своего имущества и капиталов путем вывода их через иностранные банки за границу. Представители различных политических партий, прикрываясь красивыми словами и обещаниями, использовали народ и его проблемы в своих корыстных целях и устремлениях. В 1913 г. чистый денежный отток только из московских банков за границу превысил 708 млн руб. (около 10 млрд долларов США современного образца), в том числе: в Англию – 273,3 млн руб.; Францию – 269,3 млн руб.; Германию – 159,8 млн руб. Это составило свыше 97% всего международного денежного оборота московских банков (оставшиеся 3% пришлось на Австро-Венгрию, США и Нидерланды) [Катасонов].

Свою «роковую» роль в революционных потрясениях на Евразийском континенте сыграли правящие и финансовые элиты Запада, США и Японии. Сильная и единая Россия на протяжении всей своей истории вселяла страх и ужас в сознание ее представителей. В разрушение России были вложены огромные финансовые средства, был использован весь арсенал разнообразных средств влияния и достижения цели: подкуп, шантаж, давление, устранение неугодных и др. США, разыгрывая свой геополитический сценарий, не желали победы России в войне. Эдуард Мандел Хауз, американский политик, дипломат и советник американского президента Вудро Вильсона, полагал, что победа Антанты «будет означать европей-

ское господство России». Но и победу Германии он считал крайне нежелательной. Вывод – победить должна Антанта, но без России. Хауз задолго до Бжезинского высказывался, что «остальной мир будет жить спокойнее, если вместо огромной России в мире будут четыре России. Одна – Сибирь, а остальные – поделенная Европейская часть страны». Подтверждением этого является закрытость архивов этого периода основных европейских государств, США, Канады и Японии.

По словам генерала А.Д. Деникина, в октябре 1917 г. власть упала в руки большевиков, как созревший плод. И они этим, надо признать, искусно воспользовались. Основными лозунгами большевиков стали: «Конец войне! Мир народам! Земля крестьянам!», которые на тот исторический момент отвечали коренным интересам и чаяниям российского народа. Маховик братоубийственной и кровопролитной гражданской войны в России, начавшейся вслед за октябрьскими событиями, во многом был раскручен финансовыми капиталами и прямым военным вмешательством бывших союзников и противников России в Первой мировой войне.

«Лимит России на революции исчерпан», и в этом можно согласиться с президентом В.В. Путиным. Главное – извлечь уроки из революций 1917 г., какими бы тяжелыми они для нас ни были. И, засучив рукава, сделать Россию сильной и процветающей державой!

Подводя итог вышесказанному, следует отметить, что нежелание российского правительства и элиты в целом решить «извечный земельный вопрос» по справедливости во многом предопределил события 1917 г. в России. Вступление России в Первую мировую войну и использование армии в борьбе за власть различными политическими силами ускорило разложение и деморализацию воинских коллективов. В условиях общенационального кризиса, охватившего российское государство, армия оказалась неспособной его защитить. Готовность партии большевиков безвозмездно передать помещичьи земли крестьянам и справедливо решить земельный вопрос предопределили переход власти к большевикам и кардинальную смену общественно-политического устройства России.

Литература

1. Асташев А.Б. Дезертирство и борьба с ним в царской армии в годы Первой мировой войны [Электронный ресурс]. URL: <http://voencomuezd.livejournal.com/1094306.html>.

2. Головин Н.Н. Военные усилия России в мировой войне. Париж, 1939 [Электронный ресурс]. URL: http://militera.lib.ru/research/golovnin_nn/index.html (дата обращения 6.11.2017).

3. Горелов Ю.П. Сибиряки на защите Отечества в войнах начала XX века. Кемерово: Кузбассвузиздат, 2003. 385 с.

4. Горелов Ю.П., Гусева О.В., Еремин И.А., Ростов Н.Д.. Западная Сибирь в мировых войнах XX века. Барнаул: ОАО «Алтайский дом печати», 2014. 238 с.
5. Демография: учебник / под ред. Н.А. Волгина. М.: Изд-во РАГС, 2003. 384 с.
6. Зайончковский П.А. Отмена крепостного права в России. М.: Просвещение, 1968. 350 с.
7. Катасонов В.Ю. Валютно-финансовые парадоксы России накануне 100-летней годовщины русской революции [Электронный ресурс]. URL: <https://aftershock.news/?q=node/575283> (дата обращения 6.11.2017).
8. Ларьков Н.С. Начало гражданской войны в Сибири. Армия и борьба за власть. Томск: Изд-во ТГУ, 1995. 250 с.
9. Матвиенко Ю. Геополитика: Революция 1917 года и армия: 2017. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.geopolitica.ru/article/revolyuciya-1917-goda-i-armiya> (дата обращения 6.11.2017).
10. Попов Г.Г. Почему Россия не могла не проиграть Первую мировую войну (социально-экономические аспекты) // Вопросы регулирования экономики. 2010. Т. 1, № 3. С. 92-104.
11. Ростов Н.Д. Идем мы в решительный бой... Подготовка резервов для фронта в Сибири в годы Великой Отечественной войны. Барнаул: Изд-во АлтГТУ, 2007. 516 с.
12. Санкт-Петербург. Петроград. Ленинград: энциклопедический справочник. М.: Большая Российская Энциклопедия, 1992. [Электронный ресурс]. URL: http://www.rubricon.com/spb_1.asp (дата обращения 6.11.2017).

С.А. Усольцев

Алтайский филиал

*ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства
и государственной службы при Президенте Российской Федерации»*

(Барнаул, Россия)

1917 год: церковь в революции и революция в церкви

Столетний юбилей революции – это время подведения итогов, осмысления прожитого, это попытка сделать то, с чем историческая наука не очень хорошо справляется – извлечь уроки. Поэтому те наблюдения, которые мы сделаем в нашей статье, могут грешить некоторой субъективностью, а стиль наш будет немного отдавать публицистичностью. Но такой отход от академического жанра будет касаться обобщений, но ни в коей мере не анализа фактического материала. И начнем мы с обобщений. Глядя через сто лет на события 1917 г. и последующие за ними, можно сде-

лать парадоксальное наблюдение. Российское общество последних ста лет предстает одновременно и косным, незыблемым, и склонным к переменам и революциям. Вряд ли справедливым будет называть революциями хрущевскую оттепель, перестройку и так далее. Ограничимся поэтому таким псевдонаучным понятием, как зигзаг. Либеральный зигзаг 90-х годов вывел церковь из тени, из полуполюгального состояния. Снятие запретов на религию стало началом возрождения русской церкви, которая приобретает новых adeptов, укрепляет свои позиции в обществе. Консервативный зигзаг 2000-х годов привел к своеобразному союзу церкви и государства. Сегодня Русская православная церковь – это гораздо больше, чем одна из множества религиозных организаций, обладающих равными правами.

Сегодня церковь пытается добиться от государства признания особой роли в деле формирования культурной повестки дня. На это церковь претендовала и до революции, и даже во время революции. Традиционная для советской историографии оценка места церкви в революции была такова: церковь – оплот консервативных сил, выразительница интересов господствующего класса, последовательная защитница самодержавного режима. Такая оценка восходит к ленинской характеристике духовенства как реакционеров, нарочито поддерживаемых правительством черносотенных мракобесов [Ленин, 1968, с. 12].

Давайте сфокусируем наш взгляд на процессах, которые происходили в церковной и околоцерковной жизни в начале XX в. и попытаемся понять их основные направления.

Революция – это настолько многогранное и многослойное явление, что поиск его причин заставляет возвращаться в достаточно далекое прошлое. Так и понимание процессов, которые происходят внутри церкви в 1917 г., невозможно без взгляда сквозь призму исторической перспективы. Уже в конце XIX в. обнаруживаются те негативные тенденции, которые в полной мере проявят себя во время революции. Нужно обратить внимание на состояние церковного образования. Как казалось представителям церкви, уровень образования приходских священников был далек от идеала, но решить эту проблему было трудно по системным причинам. Как ни парадоксально, но главное препятствие этому чинилось со стороны государства и, даже более того, Священного Синода. Митрополит Киевский Арсений остроумно охарактеризовал ситуацию так: «Мы живем в век жестокого гонения на веру и Церковь под видом коварного об них попечения» [цит. по: Поспеловский, 1995, с. 19]. Обер-прокурор К.П. Победоносцев, известный своей охранительной позицией, был убежден, что просвещение вредит делу церкви и государства. Г. Флоровский, автор фундаментального исследования истории русской богословской мысли, подметил, что Победоносцев верил в народную простоту и первобытность и боялся касаться ее всякой испытующей мыслью, свойственной западной цивилизации [Флоровский, 2009, с. 520-521].

На рубеже XIX-XX вв. церковь нуждалась в переменах. Многим были заметны кризисные процессы, такие как социальный, образовательный и духовный разрыв между епископатом и приходским священством, распространение нигилизма и скептицизма в среде семинаристов, общее падение авторитета церкви. Те массы людей, которые спокойно превращали храмы в склады, появились не в октябре 1917 г. Известно достаточно много фактов, позволяющих судить о равнодушном или даже презрительном отношении части солдат и офицеров к религии в годы войны и революции [Емельяк, 1958, с. 64-67]. Антирелигиозное движение советского периода было подготовлено кризисом самой церкви.

На фоне развивающейся Первой русской революции развернулось движение за церковные реформы. С.Ю. Витте столкнулся с К.П. Победоносцевым, призывая отказаться от синодального управления церковью и поддерживая ту часть клириков и мирян, которые все настойчивее говорили о необходимости созыва поместного собора. Синод, в обход обер-прокурора, подал записку на имя императора, где со ссылкой на древнее правило, предписывающее созывать поместные соборы два раза в год, предлагалось исполнить канон и сделать то, что не делалось в русской церкви уже 200 лет. Император, однако, протянул с созывом собора, который состоялся только в 1917 г. уже после его отречения. По инициативе К.П. Победоносцева с епископов были собраны записки с рекомендациями о ведении церковных дел. Д.В. Пospelовский особо отмечал, что поданные записки разрушают сложившийся стереотип о беспросветной реакционности церкви [Пospelовский, 1995, с. 26-27]. Как следует из записок, в церкви преобладали реформистские настроения, идеи выхода церкви из-под государственного подчинения, децентрализации и демократизации церковного управления.

Наконец, в эпоху Первой революции оформляется движение, позднее названное обновленческим, сыгравшее важную роль в религиозно-церковной жизни революционной России. Такие деятели церкви, как А. Введенский и А. Боярский были голосом, провозглашающим интересы низших классов, они соединяли религиозные образы и символы с настроением революционной борьбы [Roslof, 2002, p. 11]. Обновленцы выступали за возвращение к древним обычаям церкви, за отмежевания от государства, за более активное участие в общественной жизни.

События февраля 1917 г. проявили все явные и скрытые общественные конфликты по поводу отношений между субъектами внутри церкви, между церковью и государством. Обер-прокурор Священного синода Н.П. Раев 27 февраля выступил с инициативой осудить революционное движение и переход петроградского гарнизона на сторону восставших как измену. Однако высшие иерархи церкви воздержались. М.А. Бабкин расценивает позицию столичного священства в событиях февраля как нежелание поддерживать императора и признание революции [Бабкин, 2007, с. 142-

144]. Архиепископ Новгородский Арсений, приветствуя нового обер-прокурора В.Н. Львова, отметил, что революция освободила церковь от цезарепапизма [Бабкин, 2007, с. 145]. Иными словами, в феврале церковь вовсе не выступает последовательным защитником сил реакции, как это часто преподносилось в советской историографии [Плаксин, 1968, с. 13]. В церкви не было единства ни по одному насущному вопросу, за исключением, пожалуй, вопроса о созыве Поместного собора. 29 апреля (12 мая) Синод предлагает церкви восстановить древний принцип выборности епископов и учреждает Предсоборный совет для подготовки Поместного собора. 20 июня (3 июля) Синод учреждает приходское самоуправление. 15 (28) августа в Москве начал свою работу Поместный собор, о необходимости которого так долго говорили и клирики, и миряне. В это же самое время правительство проводит со своей стороны ряд важных реформ: объявляет равенство всех религий перед законом, отменяет любые религиозные и национальные ограничения, национализирует все принадлежащие церкви общеобразовательные школы. Церковь летом и осенью 1917 г. пыталась, что называется, нащупать дно, чтобы не утонуть во вспененном водовороте. Церковь нуждалась в выработке какой-то общей программы, чтобы сплотить ряды. И важнейшим вопросом в повестке собора становится вопрос о выборах патриарха. Естественно, среди делегатов были как противники института патриархии, которые видели в нем латинский папизм или церковный вариант свергнутого самодержавия, так и сторонники. Приведем пару цитат из выступлений делегатов, чтобы показать особенности дискурса. Архимандрит Иларион (Троицкий) выступил с пространной речью, которая завершается так: «Зовут Москву сердцем России. Но где же в Москве бьется русское сердце? На бирже? В торговых рядах? На Кузнецком мосту? Оно бьется, конечно, в Кремле. Но где в Кремле? В Окружном суде? Или в солдатских казармах? Нет, в Успенском соборе. Там, у переднего правого столпа должно биться русское православное сердце. Орел петровского, на западный образец устроенного, самодержавия выклевал это русское православное сердце, святотатственная рука нечестивого Петра свела Первосвятителя Российского с его векового места в Успенском соборе. Поместный Собор Церкви Российской от Бога данной ему властью поставит снова Московского Патриарха на его законное неотъемлемое место» [Иларион, 2004, с. 545-552]. Делегат от крестьян выразил свою позицию предельно ясно: «Нет у нас больше царя-батюшки, которого мы бы любили. А потому как Синод любить невозможно, мы, крестьяне, хотим, чтобы был патриарх».

Избрание патриарха происходит уже на фоне Октябрьской революции. 2 декабря собор принимает Определение, в котором обозначает перед лицом государственной власти свое видение места церкви в обществе и государстве. Приведем отрывок из этого текста:

«1. Православная Российская Церковь... занимает в Российском государстве первенствующее среди других исповеданий публично-правовое положение... 3. Постановления и узаконения, издаваемые для себя Православною Церковью, ... признаются государством имеющими юридическую силу... 4. Государственные законы, касающиеся Православной Церкви, издаются не иначе, как по соглашению с церковной властью... 7. Глава Российского государства, министр исповеданий и министр народного просвещения и товарищи их должны быть православными. 8. Во всех случаях государственной жизни, в которых государство обращается к религии, преимуществом пользуется Православная Церковь. 9. Православный календарь признается государственным календарем. 10. Дванадцатые праздники, воскресные и особо чтимые Православною Церковью дни признаются в государстве неприсутственными днями. 11. Свобода исповедания и проповедания православной веры, равно и свобода православного богослужения ограждаются государственной властью. Посему под страхом уголовного наказания воспрещаются: 1) публичное поношение и поругание учения православной веры, предметов религиозного почитания и священно-церковно-служителей ее...» [Русская православная церковь..., 1966, с. 13-15].

Вскоре последуют декреты о передаче всех церковных школ в Комиссариат просвещения, об отделении церкви от государства и школы от церкви. Эти меры вовсе не являлись большевистским громом среди ясного консервативного неба. Все это уже было сделано Временным правительством. Однако тон и содержание Определения собора от 2 декабря позволяют предположить, что церковь в декабре 1917 г. не представляла глубины произошедших уже изменений, не представляла и направления этих изменений. Можно сказать, что тот модернизационный потенциал, который мы видели в церкви еще в начале 1917 г., который заставлял ее идти в ногу со временем, искать пути развития в демократизирующемся обществе, иссяк. Церковь, которая хотела свободы и независимости от государства, претендует на особую государственную роль, когда она уже давно практически приравнена к общественным организациям, когда весь ход событий однозначно указывает на то, что нужно приспособливаться к совсем иным условиям существования.

Литература

1. Бабкин М.А. Духовенство Русской православной церкви и свержение монархии (начало XX в. – конец 1917 г.). М.: Изд-во ГПИБР, 2007. 532 с.
2. Емельяк Л. Атеизм и антиклерикализм народных масс в 1917 г. // Вопросы истории религии и атеизма. 1958. Вып. 5. С. 64-67.
3. Иларион (Троицкий), свящмч. Творения. Т. 3. М.: Изд-во Сретенск. монастыря, 2004. Т. 3. 600 с.

4. Ленин В.И. Полное собрание сочинений. Т. 17. М.: Политиздат, 1968.
5. Плаксин Р.Ю. Крах церковной контрреволюции 1917–1923 гг. М.: Наука, 1968. 193 с.
6. Поспеловский Д.В. Русская православная церковь в XX веке. М., 1995. С. 19.
7. Русская православная церковь и коммунистическое государство: 1917-1941: документы и материалы. М.: Изд-во Библ.-Богословск. инст-та ап. Андрея, 1996. 352 с.
8. Флоровский Г. Пути русского богословия. М.: Изд-во Инст-та русской цивилизации, 2009. 848 с.
9. Roslof E. Red Priests: Renovation, Russian Orthodoxy, and Revolution, 1905-1946. Indiana: Indiana University Press, 2002. 259 p.

Ю.Г. Чернышов

ФГБОУ ВО «Алтайский государственный университет»

(Барнаул, Россия)

Утопическая идеология и революция: что нового принес Октябрь 1917 г.?

100-летие событий 1917 г. вызвало оживление дискуссий о том, как следует оценивать значение «октябрьского переворота»: как успешный «рывок вперед» или, напротив, как трагический «сбой», столкнувший страну с ее естественного пути развития. Преобладающие в публицистике черно-белые оценки отразились и в кинопродукции: прямо к юбилею революции были подготовлены, например, фильмы «Троцкий» и «Демон революции». Плюрализм оценок в них сводится в основном к одной дилемме: чьими агентами были В.И. Ленин и Л.Д. Троцкий, германскими или английскими? С помощью примитивных теорий заговоров нередко пытаются объяснить сложнейшие социально-политические катаклизмы, которые захватили, кстати, тогда не только Россию, но и многие другие страны мира. В связи с этим хотелось бы подчеркнуть, что долг профессиональных историков заключается в глубоком и объективном освещении событий, сделанном по возможности, как говорил еще Корнелий Тацит, «sine ira et studio» («без гнева и пристрастия»). При этом, конечно, было бы полезно использовать междисциплинарные подходы и, в частности, учитывать те результаты исследований, которые накоплены сейчас в области изучения социальных утопий и утопического сознания. Именно этому аспекту мы и хотели бы уделить здесь внимание, попытавшись ответить на вопрос, какую роль сыграла утопия в революционных событиях 1917 г.

Социальные утопии существуют столько, сколько существует «человек разумный», интегрированный в сообщества. Мечта о том, что возможно наладить жизнь человеческих сообществ или государств в соответствии с «идеальным порядком», проходит через всю историю общественной мысли. Долгое время в основе этих мечтаний, как отметил еще Мирча Элиаде [Eliade, 1971], были заложены мифологические представления о «вечном возвращении», об утраченном «райском» прошлом, о своеобразном «золотом веке» человечества, когда люди жили в гармонии с природой и не знали многих пороков цивилизации – частной собственности, роскоши, раздоров, неравенства, войн и т.д. Со временем уже в античности в литературных и политических утопиях появляются и более разработанные образы идеального государственного устройства [см., например: Чернышов, 2013, с. 76 и сл., 90 и сл.]. Однако даже и в гораздо более поздних «научнообразных» социальных теориях (таких, например, как марксизм) в образе будущего нетрудно обнаружить многие черты утопической мечты о совершенстве [Кумар, 1992, с. 125 и сл.]. Нужно подчеркнуть при этом, что связь утопий с различными социальными движениями тоже имеет довольно длинную историю. Утопические идеи нередко использовались политиками в качестве мобилизующей силы для привлечения масс на свою сторону, для слома старого государственного порядка и установления нового.

Некоторые специалисты по утопическому сознанию отмечают, что можно говорить о своеобразном феномене «пульсации» утопии, который проявился не только в 1917 г., но и во время более ранних масштабных революций – например, в Англии в XVII в., во Франции – в XVIII в. и т.д. Так, Э.Я. Баталов писал:

«Социальная революция стимулирует утопию, причем утопическое сознание активизируется не только в процессе ее непосредственного осуществления, но и в предреволюционный период, который рождает столько ожиданий и надежд у потенциальных участников революции ... Утопическое сознание, рассматриваемое в широком историческом контексте, обнаруживает нечто вроде «пульсации»: на какое-то время оно как бы «угасает», «замирает», чтобы потом начать «биться» вновь, быть может, еще сильнее, чем прежде» [Баталов, 1982, с. 24].

При рассмотрении революционных событий в России, на наш взгляд, можно также заметить, что утопическое сознание развивалось по определенному циклу. Можно выделить 5 основных стадий такого развития.

1. Разгорающаяся Утопия. Это назревающая предреволюционная ситуация, когда существующая архаичная общественно-политическая система превращается в тормоз развития и демонстрирует неспособность найти выход из кризиса. В обществе начинают распространяться идеи о необ-

ходимости замены этой системы и активизируются поиски тех идеалов, в соответствии с которыми должен быть выстроен «новый мир». Утопия обещает, что в новом мире не будет пороков старого – то есть угнетения, насилия, бесправия, отсталости, нищеты, голода, болезней и т.д. Применительно к российской истории это период примерно с конца XVIII по начало XX в. Общество в это время выдвигало самые разные проекты общественного переустройства [см., например: Шестаков, 2013, с. 5 и сл., 301 и сл.], однако архаичный самодержавный режим оказался не вполне способным ответить на новые запросы и вызовы времени. В результате он стал препятствием для преодоления феодальных пережитков, для решения острых социальных проблем. Революции, прежде чем произойти событийно, как правило, происходят до этого в сознании людей. Февраль 1917 г. ясно показал, что в обществе уже вполне вызрела идея отказа от самодержавия и перехода к республиканской форме правления, к ликвидации сословного неравенства и т.д. Именно поэтому монархию почти никто тогда не защищал. Однако «образы будущего» у разных социальных слоев и партий были еще довольно неопределенными. В это время шла своеобразная «конкуренция» этих образов, их столкновение в спорах о путях развития страны.

2. Побеждающая Утопия. Утопия, проникая в подготовленное для ее восприятия массовое сознание, приобретает огромную мобилизующую силу, направленную на сокрушение «старого мира». Не все предлагавшиеся тогда проекты будущего обладали такой силой. Так, идея установления «сильной руки» в виде офицерской диктатуры (возможно, и оправданная в условиях усиливающейся анархии) оказалась настолько непопулярной, что выступление в августе 1917 г. Верховного главнокомандующего Л.Г. Корнилова оказалось неудачным. Лозунг «непредрешенчества» (основанный на идее о том, что все вопросы будущего государственного устройства должно решить Учредительное собрание) тоже не отвечал страстному стремлению «низов» решить все назревшие проблемы «здесь и сейчас» (т.е. немедленно закончить «империалистическую» войну, поделить землю и т.д.). В народном сознании утопическая картина грядущей эпохи зачастую была далека от абстрактных теорий К. Маркса и скорее напоминала картины из ветхозаветных мессианских пророчеств: «Тогда волк будет жить вместе с ягнёнком, ... и лев, как вол, будет есть солому... Поглощена будет смерть навеки...» (Исайя, 7-25). Большевики наиболее эффективно использовали в своей пропаганде эту произошедшую в условиях Первой мировой войны актуализацию эсхатологическо-мессианских настроений масс. Они предложили наиболее привлекательные в тех условиях утопические лозунги. В результате многие уставшие от войны и бесправия солдаты и матросы повернули штыки против «угнетателей», надеясь, что этим будет положено начало очистительной «мировой революции». Именно благодаря мобилизующей идеологии и крайне жесткой (по сути, протото-

талитарной) организации «красные», не останавливавшиеся ни перед какими репрессиями, смогли захватить власть и одержать победу в Гражданской войне. Многие участники революции, охваченные эйфорией грандиозных перемен, жертвовали собой, поскольку были искренне убеждены, что они несут освобождение всему человечеству. Эта вера была реальной мобилизующей силой, направленной на разрушение старого уклада и построение нового.

3. Осуществленная Утопия. Любое провозглашение «осуществления» утопических чаяний ведет к вырождению «настоящей» утопии, поскольку утопия всегда отделена от реальной действительности и, как правило, ей противопоставлена. Пришедшие к власти «вожди» восставших масс укрепляют свои позиции, расправляясь не только с противниками, но и с бывшими соратниками по революционной борьбе. Идея «мировой революции» некоторое время еще поддерживается, однако затем, по мере укрепления власти И.В. Сталина, акцент переносится на то, что социализм уже победил в отдельно взятой стране, и теперь его надо защищать от врагов – причем не только внешних, но и внутренних. Еще сохраняющийся революционный энтузиазм масс направляют теперь на трудовое самопожертвование (очень хорошо этот переход отражен в «Чевенгуре» и «Котловане» Андрея Платонова). Пропаганда переходит к идее о том, что народныe чаяния уже исполнены, и что теперь надо лишь восхвалять «вождя» и радоваться наступившему счастью. Параллельно для «сомневающимся» и «классово чуждых» развивают сеть лагерей ГУЛАГа. «Осуществленная утопия», таким образом, вырождается в апологетику и проявляет свою темную, репрессивную сторону. Советский общественный строй, несомненно, принес с собой многие прогрессивные для того времени новшества, однако в это же время появились и трагические, и темные эпизоды советской истории, о которых общество узнало правду далеко не сразу.

4. Антиутопия. Лозунги официальной пропаганды о «наступившем счастье» постепенно превращаются в штампы. На фоне многих нерешенных проблем со временем (за период жизни двух-трех поколений) пропаганда вызывает все большее недоверие и отторжение в обществе. Идеология «выдыхается», от энтузиазма люди устают. В обществе распространяются альтернативные идеалы, предполагающие реформу или замену старой системы власти. В случае с СССР эти процессы получили развитие сначала во времена «оттепели», а затем во времена «перестройки», когда огромный резонанс приобретают ранее не публиковавшиеся произведения о «темных пятнах» советской истории («Архипелаг Гулаг» А.И. Солженицына, «Колымские рассказы» В.Т. Шаламова и др.). Становятся все более популярными идеи демократии, гласности, правового государства (причем, что характерно, с определенной долей идеализации того, как это работает на Западе). Советский «партноменклатурный» режим (как и «самодержавно-православно-помещичий» режим когда-то) постепенно утрачи-

вает своих сторонников. На фоне этого снижения легитимности и происходит распад старой системы. Выстраивается новая власть, утверждающая, в свою очередь, что ею реализованы ценности демократии. Однако чрезмерная эксплуатация политиками темы «осуществленной утопии» привела не столько к обновлению, сколько к кризису утопии. Гораздо популярнее к концу XX в. становится жанр не утопии, а антиутопии. В мировой литературе, например, становятся знаменитыми произведения Дж. Оруэлла («Скотный двор», «1984»), Олдоса Хаксли («О дивный новый мир»), Рэя Брэдбери («451 градус по Фаренгейту»), Владимира Войновича («Москва 2042») и других писателей, предупреждающих человечество о том, насколько опасными могут быть утопические попытки «загнать человечество в счастье».

5. Тлеющая Утопия. Вопреки утверждениям некоторых публицистов, кризис утопии вовсе не означает ее смерть. Утопизм (как «мечтание о лучшей жизни») органически присущ человеческому мышлению [см., например: Кирвель, 1989]. В какие-то исторические эпохи утопия может лишь отступать на «задний план» и временно затухать, пребывая в «тлеющем» состоянии. В российском обществе сейчас нет сколько-нибудь определенного позитивного образа будущего. И в этом плане тоже очень показательное отношение к почти не замеченному юбилею событий октября 1917 г. Вообще говоря, политика «исторической памяти», проводимая любым государством, как правило, бывает тесно связанной с «образом будущего». Поэтому современные попытки реинтерпретации исторического значения Октябрьской революции могли бы быть направлены на выстраивание нового позитивного образа будущего. Они могли бы содержать важные уроки («власть должна слышать свой народ» и т.д.). Однако в реальности многие из этих попыток отвечают лишь на сиюминутный идеологический заказ и довольно примитивны («все революции совершаются врагами государства на деньги иностранных агентов» и т.д.). Тем не менее, несмотря на подобные попытки «развенчания революции», коммунистическая идея сохраняет определенное число своих сторонников в России. В отдельных социальных группах сохраняются и другие видения будущего страны: «демократическое», «националистическое» и т.д. Различные утопические образы будущего сейчас лишь «тлеют», однако со временем, по видимому, могут наступить такие обстоятельства, при которых идея «нового дивного мира» вновь станет играть важную роль в общественном сознании.

Итак, что же принципиально нового принес Октябрь 1917 г. по сравнению с более ранними эпизодами в истории, когда утопические идеи оказывали влияние на ход социальных движений? Довольно глубокие наблюдения на этот счет были сделаны еще Н.А. Бердяевым в его работе «Царство духа и царство кесаря». В частности, он писал:

«Утопии играют огромную роль в истории... Утопии могут быть движущей силой и могут оказаться более реальными, чем более разумные и умеренные направления. Большевизм считали утопией, но он оказался реальнее, чем капиталистическая и либеральная демократия. Обыкновенно утопией называют неосуществимое. Это ошибочно. Утопии могут осуществляться и даже в большинстве случаев осуществлялись... Утопии всегда осуществлялись в извращенном виде. Большевики – утописты, они одержимы идеей совершенного гармонического строя. Но они также реалисты, и в качестве реалистов они в извращенной форме осуществляют свою утопию. Утопии осуществимы, но под обязательным условием их искажения. Но от искаженной утопии всегда остается и что-нибудь положительное... Утопия всегда тоталитарна, и тоталитаризм всегда утопичен в условиях нашего мира. С этим связан самый главный вопрос – вопрос свободы. В сущности утопия всегда враждебна свободе» [Бердяев, 1951, с. 157-158].

Утопия в XX в. стала реализуемой благодаря принципиально новому уровню развития индустриальной цивилизации: с ее новыми социальными силами, с ее новыми технологиями управления и тотального контроля, с ее мощными средствами массовой информации и т.д. Утопические идеологии стали важной составляющей масштабных социальных экспериментов. Однако при «реализации» утопии после революций происходит, как правило, выполнение лишь части ожидаемого и обещанного. И, напротив, сама «реализация» утопии неминуемо ведет к искажению идеалов, к применению на практике таких методов подавления оппозиции и удержания власти, которые дискредитируют сам идеал. Означает ли это, что утопии вредны по определению и что «утопия всегда враждебна свободе»? На наш взгляд, такой вывод нуждается в корректировке. Уроки XX столетия свидетельствуют о том, что опасность представляют не столько сами утопии, сколько попытки радикальных политических сил узурпировать власть на волне увлечения масс каким-то одним утопическим миражом. Сами же разнообразные утопические мечтания, видимо, всегда будут сопровождать человечество, поскольку без них невозможен поиск путей движения к лучшей жизни.

Литература

1. Баталов Э.Я. Социальная утопия и утопическое сознание в США. М.: Наука, 1982. 336 с.
2. Бердяев Н. Царство духа и царство кесаря. Париж: YMCA-PRESS, 1951. 168 с.
3. Кирвель Ч.С. Утопическое сознание: сущность, социально-политические функции. Минск: Универс. изд-во, 1989. 190 с.
4. Кумар К. Марксизм и утопия // Общественные науки и современность. 1992. № 3. С. 125-135.

5. Чернышов Ю.Г. Древний Рим: мечта о золотом веке. М.: Ломоносовъ, 2013. 240 с.

6. Шестаков В.П. Русская утопия в контексте мировой культуры. СПб.: Алетейя, 2013. 311 с.

7. Eliade M. The Myth of the Eternal Return: Cosmos and History. Princeton: Princeton University Press, 1971. 195 p.

K.-K. Tschäpe, K. Schlögel
Europa-Universität Viadrina

(Frankfurt/Oder, Bundesrepublik Deutschland)
„Weiße Juden“ und „jüdische Bolschewisten“

Kommunisten waren innerhalb des Judentums immer nur eine winzige Minderheit, und Juden hatten in ihrer überwältigenden Mehrheit mit dem Kommunismus nichts zu tun. Und doch ist die Behauptung, dass zwischen Judentum und Kommunismus eine enge Beziehung bestehe, ein Gemeinplatz der antisemitischen wie der antikommunistischen Literatur, wie umgekehrt die Wiederlegung dieser angeblichen Wesensverwandtschaft zum festen Repertoire der anti-anti-semitischen wie antiantikommunistischen Literatur gehört. Pamphlete in Massenaufgaben sind verfasst worden über den Mythos vom jüdischen Kommunismus, über ihre vermeintliche Identität, über weltumspannende Verschwörungen, die für alles Böse in der Welt verantwortlich gemacht werden; ganze Bibliotheken sind aber auch der Widerlegung dieses Mythos gewidmet worden.

Dass es von Anfang an eine Position gegeben hat, die sich scharf gegen die Identifizierung von Kommunismus und Judentum, von russischer Revolution und russischer Judenheit, gewandt und gleichwohl anerkannt hat, dass Revolutionäre jüdischer Herkunft in der russischen Revolution und in der Machtelite Sowjetrusslands eine auffällige und bedeutende Rolle gespielt haben, ist lange übersehen und erst spät zu einem Thema der Forschung gemacht worden.

Kein Wunder: In Zeiten von Revolution und Bürgerkrieg, in denen nur ein alternativloses „Wer wen?“ und „Entweder/Oder“ gilt, ist die Einnahme einer dritten, jenseits der Bürgerkriegsparteien stehenden Position so gut wie undenkbar. Dies gilt erst recht nach der Erfahrung mit dem Nationalsozialismus, der den Vernichtungskrieg gegen die Sowjetunion und die Ausrottung der Juden in Europa mit dem „Kampf gegen das Weltjudentum“ und insbesondere gegen den „jüdischen Bolschewismus“ bemäntelt hatte.

Im Kampf zwischen Rot und Weiß auf eine dritte Position zu setzen, war kaum vorstellbar. Die Zeiten erlaubten keinen „herrschaftsfreien Diskurs“. Wie immer man sich in der Auseinandersetzung entschied: Es lief zwangsläufig fast immer auf Rechtfertigungen hinaus, mit Verständnisinnigkeit gegenüber der einen oder einem Entlarvungsgestus gegenüber der anderen Seite, wo es eher

um das Konstatieren einer Tragödie ging, eine „Dialektik des Verhängnisses“: „Wenn, wie wir gesehen haben, der Antisemitismus oft mit dem Antikapitalismus zusammenhing, so trug der Antisemitismus dazu bei, manche Juden einer Bewegung in die Arme zu treiben, die die Eliminierung des Antisemitismus versprach, indem sie dessen Wurzeln, die man im Kapitalismus vermutete, selbst beseitigte.

Aber die Identifikation von Juden mit dem Kommunismus verstärkte nur wiederum den Antisemitismus. Heraus kam eine verhängnisvolle Dialektik: Der Antisemitismus brachte Juden in führende Positionen in den kommunistischen Bewegungen, und ihre herausgehobene Stellung in einer Bewegung, die der bestehenden Gesellschaft gefährlich wurde, lieferte wiederum Munition für den Antisemitismus.

Jetzt, da nach dem Nationalsozialismus auch der Kommunismus in Europa Geschichte geworden ist, scheint der Augenblick gekommen, in dem sich die Geschichte von Judentum und Kommunismus jenseits einer „plädierenden und tribunalisierenden Geschichtsschreibung« (Helmut Fleischer) erzählen und analysieren lässt.

Die „Historisierung“ des Komplexes „Judentum und Russische Revolution“ hat bisher freilich mehr Fragen aufgeworfen als Antworten gegeben. Klar scheint aber, dass die neuere, postsowjetische und postkommunistische Geschichtsschreibung an einer Debatte anknüpft, die schon einmal – unmittelbar nach Ende des russischen Bürgerkriegs – geführt worden ist. Schauplatz dieser in ihrer existenziellen Ernsthaftigkeit tief beeindruckenden Selbstverständigung war Berlin, genauer: das Russische Berlin der frühen 1920er Jahre, das vorübergehend Hauptstadt des russischen Exils, eines „Russlands jenseits der Grenzen“, geworden war. Seit meiner ersten, nun schon viele Jahre zurückreichenden Beschäftigung mit der russischen Emigration, gehört diese Debatte russischer Juden zu den bewegendsten Zeugnissen aus jener Zeit. Es scheint mir daher mehr als gerechtfertigt, wesentliche Texte dieser Selbstverständigung wieder – und zum Teil erstmals – einem weiteren Leserkreis zugänglich zu machen.

Literaturverzeichnis

1. Die Russische Revolution und das Schicksal der russischen Juden. Eine Debatte in Berlin 1922/23. Hrsg. v. Schlögel, Karl; Tschäpe, Karl-Konrad. Berlin: Matthes & Seitz Verlag, 2014.

Подписано в печать 18.12.2017
Формат 60x84 / 16. Бумага офсетная.
Усл.-печ.л 6,0. Тираж 500 экз. Заказ 200.

Отпечатано в типографии ООО «АЗБУКА»
г.Барнаул пр. Красноармейский, 98а
тел.62-91-03, 62-77-25
E-mail: azbuka@dsmail.ru